

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ РФ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
КАФЕДРА АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ВЫПУСК 1

*Сборник научных трудов, посвященный
60-летию Юрия Федоровича Кирюшина*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛТАЙСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Барнаул – 2005

ББК 63.4я43
Т 338

Редакционная коллегия выпуска:
доктор исторических наук **Ю.Ф. Кирюшин**
доктор исторических наук **Н.Н. Крадин**
доктор культурологии **Л.С. Марсадолов**
доктор исторических наук **А.В. Харинский**
доктор исторических наук **Ю.С. Худяков**
кандидат исторических наук **В.В. Горбунов**
кандидат исторических наук **Т.Г. Горбунова** (ученый секретарь)
кандидат исторических наук **А.Л. Кунгуров**
кандидат исторических наук **А.А. Тишкин** (отв. ред.)

Т 338 **Теория и практика археологических исследований** : Сборник научных трудов / отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. – Вып. 1. – 164 с.
ISBN 5-7904-0446-4

В первом выпуске представлены материалы научного семинара «Теория и практика археологических исследований», который состоялся во время проведения Всероссийской научной конференции «Западная и Южная Сибирь в древности» (Барнаул, январь 2006 г.), посвященной 60-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Юрия Федоровича Кирюшина.

Издание рассчитано на исследователей, занимающихся теоретическими, методическими и практическими проблемами археологии.

Сборник научных трудов подготовлен в рамках реализации научно-исследовательской работы кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ по теме «Изучение этносоциальных процессов на Алтае в древности и средневековье».

ISBN 5-7904-0446-4

© Алтайский государственный университет, оформление, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В АРХЕОЛОГИИ	
<i>Косарев М.Ф.</i> Об этнографическом моделировании в археологии (социальный аспект)	7
<i>Горбунова Т.Г., Тишкин А.А.</i> Методика системного изучения археологических источников	11
<i>Иванова С.В., Потемкина Т.М.</i> Археoaстрономическая интерпретация архитектуры кургана эпохи энеолита–ранней бронзы у села Рёвова Одесской области	18
<i>Савинов Д.Г.</i> К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры	28
<i>Марсадолов Л.С.</i> Методические аспекты изучения древних святилищ Саяно-Алтая	34
<i>Шульга П.И.</i> О методике раскопок и погребальном обряде пазырыкской культуры	42
<i>Тишкин А.А., Дашковский П.К.</i> О государственности «пазырыкцев»	50
РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
<i>Кунгуров А.Л.</i> Костяные изделия палеолитического времени из стоянок и местонахождений северных предгорий Алтая	60
<i>Чемякин Ю.П.</i> Энеолит Сургутского Приобья	69
<i>Варенов А.В.</i> К датировке северокавказских памятников шилоуского типа с «карасукскими» ножами	79
<i>Шамшин А.Б.</i> Комплекс эпохи поздней бронзы с поселения Казенная Заимка в Барнауле	91
<i>Чиндина Л.А.</i> Погребения конца поздней бронзы из могильника Релка	99
<i>Дэвлет М.А.</i> Курганы скифского времени «Тоора-Хем Вторая поляна» в Тоджинском хошуне Тувы	104
<i>Потемкина Т.М.</i> Головной убор саргатской жрицы (по материалам Шикаевского кургана)	112
<i>Уманский А.П., Шульга П.И.</i> Предварительные результаты исследования предметов вооружения из Новотроицкого некрополя	121
<i>Ларичев В.Е.</i> Вооружение и защитное снаряжение персонажей героического эпоса тагарской эпохи (по материалам наскальных изображений Северной Хакасии)	133
<i>Вадецкая Э.Б.</i> Маски-урны (по материалам склепа Белый Яр-III)	140
<i>Молодин В.И.</i> Кресты-тельники с изображением распятого Иисуса в Илимской коллекции	148
<i>Грушин С.П.</i> Историко-культурные комплексы на горе Пихтовая в контексте проблемы изучения объектов древнего горнорудного дела	153
РЕЦЕНЗИИ	
<i>Китова Л.Ю.</i> К вопросу о «золотом десятилетии» сибирского краеведения	158
<i>Тишкин А.А., Дашковский П.К.</i> Рецензия на монографию Н.Н. Крадина «Империя Хунну»	160
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	162

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник научных трудов задуман как первый выпуск регулярного издания кафедры археологии, этнографии и источниковедения Алтайского государственного университета. В нем представлены публикации теоретических и практических результатов исследований в области археологии, которые вынесены на обсуждение организованного научного семинара в рамках конференции «Западная и Южная Сибирь в древности». В дальнейшем предусматривается отражение и других направлений обозначенной научной деятельности. Наиболее постоянными разделами будут следующие: «Теоретические и методические аспекты в археологии», «Использование естественно-научных методов в археологических исследованиях», «Новые археологические открытия в России и за рубежом», «Результаты изучения материалов археологических исследований», «Социальные реконструкции в археологии», «Рецензии», «Заметки», «Хроника и сообщения», «Библиографический обзор», «Персоналии» и др.

Особое предпочтение будет отдаваться работам археологам, начинающим свой путь в науку. В связи с этим редакционная коллегия предлагает под рубрикой «Публикации молодых ученых» размещать на страницах выпусков лучшие студенческие, аспирантские и другие исследования, которые были отмечены на таких традиционных конференциях, как РАЭСК, МНСК или на других форумах.

Идея создания постоянного издания по археологии в Алтайском государственном университете созрела несколько лет назад, когда появились определенные возможности и нашли отражение существенные результаты. Первый выпуск посвящается 60-летию со дня рождения **Юрия Федоровича Кирюшина** – ректора Алтайского государственного университета, профессора, доктора исторических наук, заведующего кафедрой археологии, этнографии и источниковедения, основателя научной археологической школы в г. Барнауле. Этой дате также посвящен сборник, в который вошли материалы докладов Всероссийской научной конференции «Западная и Южная Сибирь в древности» (Барнаул, 2005), присланные друзьями, коллегами и учениками юбиляра. Отдельной книгой будет издана библиография Ю.Ф. Кирюшина, в которой предполагается осветить основные этапы жизни и деятельности известного археолога.

Система расположения статей в основных разделах этого выпуска соответствует следующей схеме. Сначала даются публикации, затрагивающие общие вопросы, а затем в хронологическом порядке представленных материалов размещены конкретные результаты исследований.

А.А. Тишкин

Юрий Федорович Кирюшин

Основные даты жизни и деятельности Ю.Ф. Кирюшина

13 января 1946 г. – родился в г. Бердске Новосибирской области.

1964 г. – окончил среднюю школу; принят в Институт катализа СО АН СССР препаратором, переведен на должность лаборанта.

1965 г. – поступил в Томский государственный университет (ТГУ) на историко-филологический факультет.

1969 г. – стал заведующим Музеем археологии и этнографии Сибири ТГУ; провел первую самостоятельную экспедицию по Васюгану (Среднее Приобье).

1969–1970 гг. – стажировка в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР.

1970 г. – зачислен младшим научным сотрудником Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии при ТГУ.

1977 г. – защита кандидатской диссертации «Бронзовый век Васюганья» (научный руководитель Л.А. Чиндина) в Институте археологии АН СССР (г. Москва); избрание по конкурсу старшим преподавателем кафедры истории СССР Алтайского государственного университета (АГУ).

1978 г. – заведующий внебюджетной Лабораторией археологии, этнографии и истории Алтая АГУ.

1979 г. – вышла первая научная монография «Бронзовый век Васюганья», написанная в соавторстве с географом А.М. Малолетко.

1980 г. – избран доцентом кафедры истории СССР АГУ.

1983 г. – переведен на должность старшего научного сотрудника для подготовки докторской диссертации.

1985–1986 гг. – создание Музея археологии и этнографии Алтая АГУ.

1987 г. – состоялась защита докторской диссертации «Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья» (г. Новосибирск).

1988 г. – избран профессором кафедры дореволюционной отечественной истории; с открытием на историческом факультете АГУ кафедры археологии, этнографии и источниковедения стал ее заведующим.

1990 г. – получил звание профессора.

1991 г. – назначен на должность проректора по научной работе; при АГУ открыт Научно-исследовательский институт гуманитарных исследований.

1994 г. – на историческом факультете стал работать диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций под председательством Ю.Ф. Кирюшина.

1997 г. – избран ректором Алтайского государственного университета; присвоено почетное звание «Заслуженный работник АГУ».

1998 г. – награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования России».

2002 г. – лауреат премии Президента Российской Федерации в области образования; опубликована большая авторская монография «Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири».

2003 г. – удостоен звания «Почетный профессор Алтайского государственного университета»; получил знак «За заслуги перед городом Барнаулом».

2004 г. – «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации»; АлтГУ вошел в 100 лучших вузов России и награжден золотой медалью «Европейское качество»; удостоен почетного знака «Ректор года»; издан крупный научный труд «Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири».

2005 г. – присвоено звание «Заслуженный деятель Республики Алтай» с вручением нагрудного знака; кафедра археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ заняла первое место по итогам конкурса «100 лучших вузов России» и получила диплом лауреата; университет в числе 100 лучших вузов России и награжден золотой медалью «Европейское качество»; удостоен почетного знака «Ректор года»; открыт совет по защитах докторских диссертаций по трем специальностям под председательством Ю.Ф. Кирюшина.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В АРХЕОЛОГИИ

М.Ф. Косарев

Институт археологии РАН, Москва

ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МОДЕЛИРОВАНИИ В АРХЕОЛОГИИ (социальный аспект)

Вопрос о правилах и возможностях палеоэтнографического (этноархеологического) подхода в историко-археологическом исследовании давно рассматривается и дискутируется в специальной литературе (см., например, многотомную научную серию «Интеграция археологических и этнографических исследований», издаваемую с 1993 г. по инициативе и под руководством профессора Омского государственного университета Н.А. Томилова). При этом и археологи, и этнографы признают правомерность и необходимость палеоэтнографического подхода в историко-археологических построениях. Суть разногласий сводится в основном к разному пониманию и неоднозначной оценке возможностей названного метода.

В палеоэтнографическом подходе, широко практикуемом при реконструкции явлений археологической действительности, выделяются в зависимости от поставленных целей и задач три главных исследовательских аспекта: экономический, социальный и мировоззренческий. Каждый из них заслуживает отдельного рассмотрения. Ниже я остановлюсь преимущественно на социальной стороне проблемы.

Социальный аспект археолого-этнографического исследования невозможен вне учета экономического аспекта. Они столь тесно переплетены и столь органично взаимообусловлены, что воспринимаются обычно в русле единой причинно-следственной направленности социально-экономического процесса. При этом необходимо иметь в виду, что обращение археолога к этнографии в изучении древних социально-экономических состояний наиболее оправдано тогда, когда сопоставляемые археологические и этнографические явления отражают их сходную экологическую обусловленность.

Вместе с тем экологический ракурс этнографического моделирования в археологии, обязательный в палеоэкономических и палеосоциальных реконструкциях, при исследовании древней и традиционной духовной культуры, в особенности мировоззренческих комплексов, выглядит не столь значимым и как бы отодвигается на второй план, что наиболее явственно прослеживается на территории Сибири. На первое место выдвигается иной методологический инструментарий, учитывающий прежде всего архетипическую заданность основ сибирско-языческого миропонимания и непреходящее стремление сибирских аборигенов следовать обычаям и заветам предков. Этим, видимо, и объясняется общесибирский (обычно воспринимаемый как конвергентный) характер основополагающих сибирско-языческих мировоззренческих сюжетов, связанных с представлениями о «душе», о космологическом начале, о структуре Мироздания, о жизненном круговороте, о пространстве-времени и т.д.

Сибирские археолого-этнографические материалы свидетельствуют о «неровном» развитии здешних аборигенных обществ – со «взлетами» и «падениями» на эпохальных и региональных уровнях (при смене историко-археологических эпох, ландшафтно-климатических колебаниях, перемещениях тех или иных коллективов из одной природной зоны в другую и т.д.) (Косарев М.Ф., 2004, 2005). Как «позитивные», так и «негативные» социально-экономические трансформации случались во все времена, и не только в Сибири, о чем говорят, в частности, неоднократно возникавшие в прошлом, начиная с палеолита, региональные «забегания вперед» и «отступления назад» (Вишняцкий Л.Б., 1993; Косарев М.Ф., 2004, 2005).

То же самое мы наблюдаем, опять же на локальных уровнях, в более поздние эпохи. Анализируя причины внезапного расцвета на Чукотке древнеэскимосской культуры

в XII–XV вв. н.э., особенно ярко проявившегося в монументальном культовом сооружении «Китовая аллея», С.А. Арутюнов и его коллеги констатируют: «В определенных специфических условиях при огромном изобилии рыбы или зверя появление имущественного расслоения, усложненной социальной организации и соответствующих надстроечных категорий возможно и в рамках присваивающего хозяйства» (Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А., 1981). Напомним в связи с вышесказанным, что носители древнеэскимосской культуры жили по существу в условиях каменного века – на стадии так называемого пережиточного неолита.

Мы до сих пор несколько недооцениваем социальный потенциал древнего таежно-го и тундрового населения, предпочитая исходить из традиционного и в значительной мере априорного мнения, декларирующего повсеместное господство в каменном веке Северной Евразии архаичного родового строя, в котором еще не сложились подходящие условия для имущественного и социального расслоения. Между тем, согласно имеющимся археолого-этнографическим материалам, с древних пор, во всяком случае с верхнего палеолита до этнографической современности, во всех оседлых обществах, чем бы эта оседлость ни обеспечивалась – охотой на мамонтовую фауну, рыболовством, морским зверобойным промыслом и пр., запас социокультурного развития был выше, чем у кочевников – бродячих собирателей, подвижных охотников, тундровых оленеводов и степных скотоводов.

Это, в частности, объясняется тем, что оседлый быт создавал лучшие возможности для повышения производительности труда, а также численности и плотности населения, что в свою очередь влекло за собой существенное усложнение структуры власти и создание более надежной системы жизнеобеспечения. По данным, опубликованным в зарубежной этнологической литературе, оседлые рыболовы Южной Флориды сумели разработать политическую систему типа государства, а культура оседлых рыболовов Нигера и Конго «не уступала по сложности культурам оседлых земледельцев» (Murdock G.P., 1968).

Алеуты (коренное население Алеутских островов), занимавшиеся в основном морским зверобойным промыслом и жившие, как считается, на стадии каменного века, в каждом островном сообществе четко делились на четыре социальные группы: 1) родовая знать во главе с родовым старейшиной (тоэном); 2) почетные; 3) простолюдины; 4) рабы. Некоторые почетные имели до 20 рабов. Над родовыми тоэнами стоял главный тоэн острова. Власть его была наследственной, а за неимением достойного наследника он избирался из родовых тоэнов. Большое место в жизни островных алеутских обществ занимали грабительские набеги на соседние острова; при этом тоэны выступали здесь как военачальники, а почетные – как воины. Родовой тоэн не мог решать важные вопросы, не испросив мнения почетных. Он также не имел права начать войну с соседними островами «без согласия других тоэнов, живущих на том же острове и без позволения старшего из них» (Вениаминов И., 1840).

Как нетрудно заметить, по всем своим функциональным и структурным проявлениям алеутское общество предстает как военная демократия, хотя алеуты вели присваивающее хозяйство и жили в условиях пережиточного неолита. В связи с этим вполне допустимо, что верхнепалеолитические коллективы, оставившие такие яркие долговременные памятники, как поселения костенковской культуры на верхнем Дону, Зарайская стоянка на юге Московской обл., Сунгирьская под Владимиром, Мальтинская на Ангаре и др., могли принадлежать оседлым группам, стоявшим по своему социокультурному уровню не ниже этнографически известных алеутов и археологически выявленных строителей знаменитой «Китовой аллеи».

Еще более значительным был социальный потенциал оседлых и полуоседлых пастухов-земледельцев андроновско-карасукского времени в южносибирских степях (II – начало I тыс. до н.э.), особенно в сравнении со сменившими их здесь на рубеже бронзового и железного веков кочевниками-скотоводами.

Если отвлечься от некоторых полезных демографических последствий перехода от пастушеско-земледельческого хозяйства на юге Сибири к кочевому скотоводству (выход за пределы речных пойм, освоение ранее незаселенных и огромных междуречных про-

странств, временное решение проблемы перенаселенности), придется признать, что во многих других отношениях этот переход вряд ли был «шагом вперед». Дело в том, что пойменное пастушеско-земледельческое хозяйство степняков-«андроновцев» было по своему содержанию сродни оазисному и несло в зародыше ряд социокультурных элементов, свойственных южным древнеземледельческим цивилизациям.

Мы продолжаем путать два разных понятия: прогрессивность и рациональность. В сложившейся к концу бронзового века на юге Сибири ландшафтно-климатической ситуации переход от преимущественно оседлого пастушеско-земледельческого образа жизни к кочевому был не столько прогрессивным, сколько наиболее логичным, а потому самым рациональным в условиях того времени вариантом выживания. При иных экологических обстоятельствах могло иметь место возвращение от кочевого скотоводства к былому пастушеско-земледельческому состоянию, что порою и случалось в южносибирских степях – правда, как правило, на недолгое время и на локальных уровнях.

Давая сравнительную оценку потенциальных возможностей оседлости и номадизма, особо отметим, что номадизм во всех своих проявлениях никогда не мог дорасти до сколько-нибудь высокого и сколько-нибудь стабильного социально-политического состояния. Низкая плотность населения, подвижный быт, разобщенность, односторонняя направленность хозяйства, ненадежная система жизнеобеспечения мешали возникновению и тем более длительному существованию у степных кочевников и тундровых оленеводов (не говоря уже об охотниках) сколько-нибудь прочных основ государственности.

Из вышеперечисленных сдерживающих факторов особенно значим сравнительный лимит плотности населения. Известно, что вплоть до нового времени плотность кочевников-скотоводов в казахстанских степях даже в самые благополучные периоды не могла быть более 2 чел. на 1 кв. км. Иная картина наблюдается в земледельческих областях Средней Азии. По подсчетам Г.Н. Лисицыной, плотность древних земледельцев Южной Туркмении изменялась примерно следующим образом: в неолите и в начале энеолита (VI – середина V тыс. до н.э.), когда еще не применялось искусственное орошение, – 10 чел. на 1 кв. км; в периоды развитого, позднего энеолита и ранней бронзы (середина IV – начало II тыс. до н.э.) – 25 чел. на 1 кв. км; в периоды развитой, поздней бронзы и раннего железа (II – начало I тыс. до н.э.) – 80–90 чел. на 1 кв. км (Лисицына Г.Н., 1972). Эти данные показывают, что оседлые земледельческие общества в сравнении с кочевыми имели многократно больший резерв увеличения численности населения и, соответственно, более высокие возможности социального развития.

Противоречивость социально-экономического содержания степного скотоводческо-кочевого уклада заключается, в частности, в том, что, с одной стороны, он явился (во всяком случае в южносибирских степях) логическим следствием развития пастушеско-земледельческого хозяйства, а с другой – «прогрессивное» развитие кочевого скотоводства всегда и везде приводило к оседлости (Толыбеков С.Е., 1971, с. 600), т.е. к тому же самому земледельческому и пастушеско-земледельческому состоянию.

Любопытна много раз наблюдавшаяся в казахстанских степях в новое время метаморфоза в психике кочевых семей или отдельных родов при вынужденном переходе к оседлости, что эпизодически случалось после жестоких зимних джугтов. Потеряв скот и превратившись в оседлого земледельца, бывший кочевник, прежде воинственный и высокомерный, сразу становился смиренным, угодливым, законопослушным и пребывал в таком качестве несколько лет – до тех пор, пока не удавалось обменять излишки собранного зерна на нужное количество скота. Обзаведясь достаточным стадом и вернувшись к кочевому быту, он тотчас обращался в прежнего «хозяина степи», разбойного и кичливого, презирующего оседлость и безжалостно разоряющего мирные земледельческие хозяйства.

Подобные психологические перемены имели место при сходных обстоятельствах не только у скотоводов и земледельцев, но везде, где сосуществовали бок о бок номадизм и оседлость (в тундре: «оленные» и «береговые» чукчи; в тайге: охотничьи и рыболовецкие группы населения), что свидетельствует об извечном антагонизме и в то же время тесной взаимосвязи «бродячего» и «сидячего» хозяйственно-бытового укладов, в какой бы форме они ни проявлялись.

Для кочевых обществ с их консервативным образом жизни и особой социальной психологией возвращение к оседлости было самым неприемлемым из всех возможных вариантов выхода из кризисных ситуаций. Поэтому в критические для кочевничества моменты включался некий механизм самосохранения, особенно в периоды так называемых кочевых империй, чем собственно и объясняется их непрочность и недолгое существование. Я имею в виду такие во многом эфемерные образования, как «царство Атилы» (V в. н.э.), первые тюркские каганаты (раннее средневековье), «империя» Чингисхана (1-я треть XIII в.), «Золотая Орда» (XIII–XIV вв.) и др.

Вообще у степных кочевников случаи социально-политической консолидации – до раннегосударственного уровня – имели место лишь в периоды экстремальных военно-политических ситуаций (возрастание внешней военной опасности, «великие переселения» и т.д.). Именно в этих условиях степные кочевые орды временами сплачивались в широкие, нередко разноэтничные военно-политические образования в виде грозных, но недолговечных «каганатов», «царств» и «империй». В этом отношении весьма показательны великие переселения. «Кочевое общество превращалось в непреодолимую силу, когда кочевой этнос, сплотившись воедино, переходил от общинно-кочевого (по терминологии Г.Е. Маркова (1976). – *М.К.*) состояния к военно-кочевому... Сила военно-кочевого состояния обуславливалась тем, что в нем милитаризм, экспансионизм и военная дисциплина органично сочетались с привычным хозяйственно-бытовым укладом: мужчины не порывали со своими семьями, своей материальной основой – все свое, так сказать, несли с собой. Кочевало общество в целом, причем кочевало целеустремленно, неотвратно. Всесокрушающую волну такого однонаправленного кочевого потока азиатские и европейские страны в полной мере испытали в периоды гуннского и монгольского нашествий» (Косарев М.Ф., 1991, с. 96).

Похожие, но исторически менее зримые социально-политические «всплески» испытывало и жившее в близком соседстве со степным кочевым миром охотничье-рыболовческое население западносибирской тайги. Эти «всплески», как правило, тоже не перешагивали уровень «ранней государственности» типа военной демократии. Достигнув названного уровня, таежные (и тундровые?) общества, будучи не в силах перейти через эту планку, были вынуждены искать боковые пути развития или, что случалось чаще, отступать назад, в первобытность, чтобы получить новый запас движения. Судя по археологическим и фольклорно-былинным свидетельствам, в периоды социально-политических консолидаций в таежном Обь-Иртыше укреплялись старые городки (городища), строились новые, заключались военно-наступательные и оборонительные союзы, возрастала политическая роль вождя и военной знати («богатырей») (Патканов С., 1891; Бахрушин С.В., 1935).

В мирные периоды стимулы, поддерживающие жизнь таких военно-политических объединений, затухали или вообще исчезали. Именно в силу этих обстоятельств в течение нескольких последних тысячелетий (видимо, начиная с бронзового века) процесс перехода от родового строя к ранней государственности в обь-иртышской тайге возобновлялся неоднократно, но в условиях присваивающей экономики и крайне низкой плотности населения не шел дальше этой переходной стадии. Главным сдерживающим обстоятельством вновь и вновь становился природно-климатический (экологический) фактор: здесь, в отличие от более южных областей Евразии, не могло по-настоящему утвердиться земледельческое или земледельческо-животноводческое хозяйство, не мог появиться постоянный и достаточно устойчивый прибавочный продукт, не могли возникнуть и процветать города как центры ремесла и торговли. Короче говоря, эпизодически утверждавшаяся в таежных (как и в степных) кочевых обществах «военная демократия» (или какое-то ее подобие) не была следствием высокого уровня развития производительных сил. Главной причиной возникновения там в прошлом предгосударственных и раннегосударственных образований было эпизодически возникавшее обострение внешней опасности – в условиях угрозы военно-политической экспансии враждебных обществ, активизации миграционных процессов и т.д.

Задача настоящего очерка – очередная попытка показать, что без обращения к историко-этнографическим свидетельствам и былинно-эпическим сюжетам социальная реконструкция древних сибирских обществ практически невозможна – даже если горы накопленного археологического материала станут многократно выше.

Библиографический список

- Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А. Исторические закономерности и природная среда (на примере памятников древнеэскимосской культуры) // Вестник АН СССР. 1981. №2.
- Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Изв. научно-исслед. ассоциаций Ин-та народов Севера. 1935. Вып. 3.
- Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840.
- Вишняцкий Л.Б. «Забегание вперед» в развитии палеолитических индустрий: явление и интерпретация // Петербургский археологический вестник. СПб., 1993. №4.
- Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М., 1991.
- Косарев М.Ф. Миграция как модель исторического процесса // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004.
- Косарев М.Ф. О факторах и движущих силах развития древних и традиционных обществ // У истоков цивилизации. М., 2005.
- Лисицына Г.Н. История орошаемого земледелия в Южной Туркмении // Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1972. Вып. 1.
- Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.
- Патканов С. Стародавняя жизнь остяков и их богатырей по былинам и сказаниям // Живая Старина. 1991. Вып. III, IV.
- Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX вв. Алма-Ата, 1971.
- Murdock G.P. The Current Status Worlds Hunting and Gathering Peoples // Man the Hunter. Chicago, 1968.

Т.Г. Горбунова, А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул

МЕТОДИКА СИСТЕМНОГО ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ*

Вещественные археологические источники являются благодатным материалом для осуществления различных культурно-исторических реконструкций. Для этого требуется всестороннее их изучение. В качестве наиболее эффективной формы выступает системный подход, состоящий в целостном рассмотрении определенной совокупности объектов, при котором выясняется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы (Рузавин Г.И., 1999, с. 276). Он также предполагает построение моделей систем и их свойств, включая модели динамики систем, их развития и иерархического строения (Блауберг И.В., 1997, с. 336–337). Применительно к археологическому материалу отдельные предметы и комплексы рассматриваются как обособленное и развивающееся целое, состоящее из согласованных, необходимых и достаточных элементов, каждый из которых обладает способностью к самостоятельному развитию при сохранении целостностных характеристик системы (Каган М.С., 1991, с. 19–21; Щапова Ю.Л., 1991, с. 125). Короче говоря, в основе рассматриваемого подхода лежит исследование объектов как систем (Блауберг И.В., Юдин Э.Г., 1989, с. 587). Практическое отражение указанных выше идей нашло отражение в работах Г.А. Федорова-Давыдова (1966), А.Н. Кирпичникова (1973), И.Л. Кызласова (1983), С.В. Неверова (1988), Ю.Ф. Кирюшина, А.А. Тишкина (1997),

*Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект №03-06-80384).

Е.В. Григорова (1998), В.В. Мурашевой (2000), В.В. Горбунова (2003), Ю.С. Худякова (1986, 1991, 1997, 2003) и др. Полученные результаты свидетельствуют об эффективности использованного анализа в археологии. Стоит указать, что системный подход не существует в виде строгой методологической концепции. Он выполняет свои эвристические функции, оставаясь совокупностью принципов, основной смысл которых состоит в соответствующей ориентации конкретных исследований (Блауберг И.В., Юдин Э.Г., 1989, с. 587–588).

Используя имеющийся опыт и некоторые положения теоретической археологии, авторы специально разработали и апробировали применительно к изучению украшений конского снаряжения комплекс методов, включающий морфологический анализ, классификацию, типологию и реконструкцию (Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2003, 2004, 2005; Горбунова Т.Г., 2003, 2004, 2005 и др.).

Первый этап при рассмотрении вещественного материала представляет собой уяснение структуры и конфигурации конкретных предметов. Для этого применяется морфологический метод, позволяющий установить формы, конструкции, взаимное расположение частей изделий и др. Под конструкцией понимается выявление основных составляющих элементов. Каждый элемент в свою очередь может иметь собственную форму (контуры, внешний вид и т.д.) и строение (внутреннее устройство). Составляющая любого анализируемого изделия отражает определенный его признак, демонстрирующий степень сходства и различия сравниваемых предметов. Понятие «признак» в зарубежной литературе по археологии заменяется другими синонимичными категориями или используется в таком же наполнении, как в отечественной практике. Например, шведский исследователь М. Мальмер называл типологическими элементами любые объективно регистрируемые физические детали или свойства артефактов, с помощью которых может быть показано их сходство или несходство. К. Кульберг применял понятие «морфологическое свойство», а Д. Кларк – «признак» (Колпаков Е.М., 1991, с. 18). Морфологические признаки представляют собой тот минимум элементов, без которых невозможно существование объектов как таковых в нашем сознании (Генинг В.Ф., 1989, с. 71). Поэтому исходным моментом в изучении предметов является анализ их морфологических данных, в выявлении и обозначении отдельных элементов и показателей.

Целенаправленный интерес к форме и конструкции вещи обозначился во 2-й половине XX в. К этой проблеме обращался Ж.-К. Гарден (1983) в работе «Теоретическая археология». Свой подход, предполагающий рассмотрение каждой вещи в качестве набора конструктивных элементов, он обозначил как конструктивно-морфологический. В настоящее время такой метод в качестве специального исследовательского направления активно разрабатывается Ю.Л. Щаповой (1991, 1994, 2000), которая характеризует отдельно взятую вещь как обособленное и развивающееся целое, состоящее из согласованных частей. При этом подчеркивается, что каждая из них обладает способностью к самостоятельному развитию, не нарушая при этом целостности системы (Щапова Ю.Л., 1991, с. 127).

Морфологический метод предполагает пристальное внимание к терминологии, к максимально точному определению каждой составляющей и всего предмета в целом. Благодаря этому он позволяет понять вещь саму по себе и полнее определить ее назначение. Такие разработки служат основой для систематизации имеющегося материала и построения классификаций всех категорий изделий. Классификация – это группирование предметов по сходствам и различиям, которое соответствует логическим правилам деления объема понятий: построение на едином основании, соблюдение единой для всех частей материала иерархии, исключение попадания какого-либо объекта сразу в две однопорядковые ячейки (Клейн Л.С., 1991, с. 365). При этом устанавливаются определенные критерии и правила упорядочивания материала. Изучаемые объекты сравниваются между собой по определенным признакам и на основании этого объединяются в группы. Предельным проявлением сходства является полное тождество между объектами, т.е. их совпадение по всем признакам. В классификации, выступающей в качестве инструмента анализа материала в рамках системного подхода, отбираемые признаки должны носить диагностирующий, «рабочий» характер и проявить себя на следующем этапе исследования, когда

их значения будут меняться как часть развивающейся, эволюционирующей системы. Такая позиция по вопросу отбора признаков обозначена американским автором Д. Бру (Колпаков Е.М., 1991, с. 17), по мнению которого ученый должен выбирать те признаки, которые могут служить целям его исследования и будут достаточны «для решения поставленной задачи». На основании отобранных признаков в рамках метода классификации осуществляется систематизация той или иной категории изделий.

Термин «классификация» имеет несколько значений. В их трактовке мы придерживаемся подхода, сформулированного в свое время Ю.Л. Шаповой (1994, с. 43):

1. Классификация – это разделение предметов на группы, объединяемые наличием у каждого предмета обязательных общих черт.

2. Классификация – это результат такого разделения (отметим, что он может быть представлен и в словесно-описательной форме, и в форме схемы).

3. Классификация – это включение нового предмета в ранее созданную классификацию (так называемая процедура вхождения в классификацию).

Иными словами, такое многоуровневое понимание классификации отражает прикладной, «инструментальный» характер этого метода. Однако его использование является неотъемлемой частью в ходе реализации современных археологических исследований

В настоящее время в литературе по археологии существует несколько вариантов определения видов классификаций (Классификация в археологии, 1990, с. 18–19; Клейн Л.С., 1991, с. 367–369; Ковалевская В.Б., 1995, с. 128). Для изучения вещественных археологических материалов мы предлагаем использовать таксономическую древовидную схему классифицирования материала, обозначенную Л.С. Клейном и предполагающую распределение материала на группы, а также основанную на четком разграничении черт (признаков) по уровням (таксонам) иерархии. Данная классификация представляет собой «группирование сверху», где на каждом нижележащем уровне образуется большее число ячеек (Клейн Л.С., 1991, с. 369).

Первым в российской археологии подобную схему предложил В.А. Городцов в 1901 г. В его классификации верхний уровень составляли категории вещей, т.е. предметы, имеющие общее назначение. По материалу («по веществу») он подразделял их на группы, а далее на отделы и типы по другим признакам. Схема, в свое время предложенная В.А. Городцовым, была производной от естественно-исторической классификации К. Линнея и предполагала строгое соблюдение формально-логических правил классификации:

1. Деление целого производилось на едином основании.

2. Подразделения взаимно исключали друг друга.

3. Отделы соподчинялись один другому.

4. В основание деления полагался существенный, а не случайный признак (Колпаков Е.М., 1991, с. 54).

Таксономическое древовидное группирование, апробированное нами при изучении отдельных категорий украшений конского снаряжения, строилось с помощью метода морфологии и с учетом наиболее значимых признаков изделий с точки зрения их характеристики (Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2003, 2004). Затем осуществлялось распределение этих черт по уровням (таксонам) иерархии. Верхние уровни классификации отражали наиболее общие признаки анализируемых элементов (материал, из которого изготовлен предмет, форма вещи), нижние – более подробные признаки (облик отдельных составляющих предмета, декор). Верхняя таксономическая единица в данном случае обозначена как категория. Следующий уровень – группа – выделен по материалу (цветные металлы, железо, кость, рог, дерево). Такой таксон как разряд определялся общей формой изделия и его пропорциями. Классификационные ячейки раздел, отдел и тип последовательно характеризовали оформление выявленных элементов конкретных украшений. Наконец, вариант (вспомогательный и уточняющий показатель) свидетельствовал о наличии или отсутствии дополнительного функционального или декоративного оформления изделия. Отметим, что «тип» – это не только таксономическая единица, отражающая наиболее изменчивую характеристику вещи, но и общее понятие, служащее для обозначения предмета с опреде-

ленным набором выделенных морфологических признаков. Такой подход обозначил еще М.П. Грязнов (1969). Он отмечал, что тип определяется не по одному признаку, «а по совокупности всех доступных нашему учету особенностей изучаемого объекта». Исследователь также указывал, что тип может характеризоваться несколькими вариантами каждого признака, тогда в одном типе могут оказаться вещи, совсем не похожие одна на другую. Однако в совокупности своей все такие предметы однотипны (Грязнов М.П., 1969, с. 18–20). Исходя из вышесказанного отметим, что описание каждого типа, полученного в результате классификации, должно выступать как некое органическое единство всех объединяемых им признаков. Таким образом, классифицирование позволяет относить все разнообразие рассматриваемых вещей к определенным классам по ряду четко сгруппированных показателей.

Отметим, что, например, в американской археологической литературе существуют две противоположные позиции на оценку культурно-исторического содержания понятия «тип». У истоков первого подхода стоял А. Кригер, а его суть заключалась в следующем: типы, сформированные исследователем, должны являть собой целостности, обладающие историческим смыслом, т.е. должны соответствовать типам, существовавшим в древней культуре. Вторая позиция, сформулированная Д. Бру, утверждает, что выделенные археологические типы – это только инструмент исследования, создаваемый и используемый исследователем в целях познания прошлого (Колпаков Е.М., 1991, с. 30). На наш взгляд, для процесса реализации классификационного метода больше соответствует вторая точка зрения, обеспечивающая более глубокое понимание не только наличия и модификаций тех или иных исторических предметов, но и причины их отсутствия, замены и т.д.

Классификация является подготовительной ступенью для типологического анализа, в основе которого лежат эволюционные идеи. Соотношение методов классификации и типологии довольно точно определил Л.С. Клейн (1987, с. 35), отметив, что «в практической археологии классификация важна на первых этапах исследования, ибо решает не только вспомогательные задачи (хранение и розыск информации и т.п.), но и задачи описания... Типология же применяется на последующих этапах – когда решаются задачи построения типологических рядов, выявления эволюции, познания археологических культур».

Следует указать, что в отечественной археологии еще В.А. Городцов (1927, с. 2–4) обозначил пять законов существования вещественных археологических памятников, которые должны быть положены в основу типологического метода:

1. Закон индустриальной причинности, который утверждает, «что вещественные археологические памятники являются следствием, причиной которого служат памятники, явившиеся в общественной индустрии ранее».

2. Закон индустриальной эволюции, который касается «процесса превращения одного генетически связанного явления в другое».

3. «Закон индустриальных заимствований объясняет сходства явлений сообщением их одною народностью другой».

4. Закон случайных индустриальных совпадений применяется в случаях, «когда причины совпадения индустриальных явлений совсем не известны».

5. «Закон борьбы индустриальных явлений за существование вступает в силу тотчас же, как только в одной и той же культуре сталкиваются два индустриальных явления, связанных единством функций».

Внедрявшийся в археологию эволюционный подход отвечал задаче изучения процесса передачи культурной информации от учителя к ученику или через недолговечные образцы от поколения к поколению (Маршак Б.И., Маршак М.И., 1981, с. 35). Эволюционизм давал возможность проследить изменчивость и варибельность археологических артефактов, их свойств и комплектов, а значит, позволял зафиксировать порядок, регулярность и повторяемость в этих изменениях. В.С. Бочкарев (1975, с. 39) даже определил археологию как науку, которая стремится прежде всего изучить закономерности археологического процесса. К проблеме развития вещей обращалась Ю.Л. Щапова, обозначившая некоторые законы эволюции древнего предметного мира. По ее мнению, в основе лежит

явление возникновения новшеств. Каждое изменение в данном процессе выступает своеобразным звеном в цепи, обусловленным предшествующими состояниями и обуславливающим последующие изменения. Эволюция новых групп предметов берет свое начало от сравнительно несложно организованных форм, содержащих в себе значительный эволюционный потенциал (Щапова Ю.Л., 2000, с. 115–116, 121).

Идеи эволюционизма сыграли решающую роль в формировании типологического метода. В.Ф. Генинг (1982, с. 69) в связи с этим именует его «детисцем эволюционного направления в археологии». Формирование метода происходило следующим образом. Для решения проблемы длительной хронологии, позволяющей судить об отношении вещей друг к другу во времени, шведский исследователь Оскар Монтелиус (1843–1921) предложил применить метод, согласно которому различные серии предметов (оружия, утвари, украшений и сосудов) рассматривались сами по себе для изучения их генеалогии и определения порядка, в котором типы следовали друг за другом. Данная позиция нашла отражение в работе О. Монтелиуса, вышедшей в Стокгольме в 1903 г. «Die alteren Kulturperioden im Orient und Europe». Bd.1. Methode (Генинг В.Ф., 1982, с. 166; Классификация в археологии, 1990, с. 22). С. Мюллер, изучив разработки О. Монтелиуса, впервые употребил по отношению к ним термин «типологический метод» в работе «Mindle Bidreg til den forhistoriske archeologia methode». Согласно его представлениям, метод предполагал распределение типов в эволюционные типологические ряды в соответствии со сходством и различием вещей в порядке их последовательного изменения. Правильность построения рядов проверялась через встречаемость типов в закрытых комплексах. Набор встречаемых типов соответствовал периоду развития. В 60-е гг. XX в. М. Мальмер усовершенствовал данную позицию и стал рассматривать в качестве закрытых комплексов отдельные артефакты, а типологический ряд строил по распределению признаков в изделиях. Под типологией же М. Мальмер понимал учение о типах и их взаимоотношениях (Классификация в археологии, 1990, с. 22–23).

Термин «типология» появился практически одновременно с понятием «типологический метод». Во 2-й половине XIX в. англичанин Питт Риверс определил типологию как приложение к продуктам человеческого труда – артефактам – систем, используемых в естественных науках для выражения связей в форме и структуре организмов внутри эволюционной секвенции (Классификация в археологии, 1990, с. 11–12). В западноевропейской литературе по археологии метод типологии анализировался в 50–80-е гг. XX в. Например, Г.А. Даниел определял его как «упорядочивание артефактов в последовательные ряды, показывающие морфологическое развитие». Ж.-К. Гарден (1983, с. 269; Классификация в археологии, 1990, с. 11) отмечал, что в узком смысле понятие типология означает любую организацию какого-нибудь комплекса археологических материалов, основанную на систематическом сопоставлении их внутренних и внешних признаков, «из которой исследователь получает информацию о положении этих материалов в пространстве и во времени». Л.С. Клейн (1987, с. 35) подчеркивал, что типология важна для решения задачи «построения типологических рядов, выявления эволюции, познания археологических культур».

В 1960-е гг. использовался еще один термин – «сериация». Исследователь Рауз в 1967 г. определил сериацию как процедуру разработки хронологии путем расположения остатков одной культурной традиции и из одной местности в такой порядок, который представляет конфигурацию их культурных черт. Составители терминологического словаря-справочника «Классификация в археологии» (1990, с. 20–21) справедливо в качестве близких этому понятию называют типологию, типологический метод и построение типологических рядов.

Исходя из указанных позиций сформулируем следующее. Метод типологии (типологический метод) – это рассмотрение развития типов изделий во времени и пространстве. Теоретической основой данного метода является положение о том, что изменчивость и наследственность свойственны миру вещей и являются основными факторами эволюции. Изделия, предназначенные для одних и тех же целей, при их изготовлении мастерами разных поколений изменялись так, что современный исследователь может наблюдать

появление, совершенствование и «вырождение» отдельных особенностей, присущих конкретным предметам. Детали, которые утрачивают свою первоначальную функцию (или назначение), могут сохраняться как бы по инерции и именуется реликтовыми (пережиточными) признаками. По ним можно судить о том, какая вещь была изготовлена раньше, а какая – позже. Учитывая степень перерождения того или иного показателя, можно расположить вещи в один ряд, в начале которого данный признак имеет функциональное назначение, а затем постепенно перерождается (изменяется) и исчезает. Такой ряд вещей называется типологическим. Идею развития вещей не следует понимать буквально. Конечно, речь идет об эволюции производственных навыков и вкусовых предпочтений людей прошлого, следы которых отразились на древних вещах. Реликтовые признаки особенно четко фиксируются на тех изделиях, которые были сделаны тогда, когда еще не была найдена оптимальная для данной категории вещей конструкция. Особую роль приобретают реликтовые признаки, если они относятся не к конструктивной или технологической стороне предмета, а к его декоративным особенностям. Поскольку декоративные признаки, как правило, непосредственно не связаны с функцией предмета и передавались от мастера к ученику, они превращались в неосознанные элементы декора, выполняемые почти автоматически.

При типологическом анализе очевидными становятся тенденции, в русле которых осуществлялось развитие вещей. Кроме того, типология позволяет проследить как серии однородных изделий, переходя от низшего к высшему технологическому уровню, получают продолжение в вещах, выполненных в другом материале или другими приемами. Необходимо заметить и следующее. Мастера, изготавливавшие древние предметы, опирались на определенные правила и образцы, что позволяет исследователю выявить основную линию (линии), по которой протекало развитие вещей рассматриваемой категории. Л.С. Клейн (1991, с. 387) определил типологический ряд как ряд, в котором типы связаны воедино сравнительно длинной (проходящей сквозь несколько звеньев) линией (линиями) преемственности или наследования.

Типологический метод позволяет извлечь максимальное количество информации при работе с более или менее массовыми сериями материала. Анализ археологических вещей с точки зрения типологии обеспечивает возможность проследить наиболее подробное и детальное их развитие во времени и пространстве, определить время и место их появления, направления дальнейшего распространения, новации в области технологий производства и декорирования изделий, установить, когда тот или иной предмет вышел из употребления либо было изменено его функциональное назначение.

Типологическое изучение археологических предметов может свидетельствовать не только об одном, но и о нескольких эволюционных направлениях той или иной категории изделий. Среди таковых можно выделить постепенное изменение формы предмета, его определенной составляющей, декора изделия или конструкции.

При типологическом анализе всегда следует помнить, что эволюция вещей происходила внутри некоторых географических и/или хронологических пределах, разных по площади и временной продолжительности. Следовательно, типология может выявлять микро- или макроэволюционные изменения, которые предоставляют возможность установления более узких относительных датировок (например, вплоть до 50 или даже 25 лет для эпохи средневековья) изделий и археологических комплексов, из которых они происходят. Основой эволюции, как уже было сказано, является возникновение новшеств. Новый виток технологических или декоративных изменений, выявляемый типологически, служит свидетельством очередного (пусть даже небольшого) временного интервала, поэтому наиболее дробные даты можно получить именно на массовых вещевых сериях. Отметим также, что эволюция одного признака может носить и случайный характер. Комплексные же изменения, т.е. развитие предметов сразу по нескольким направлениям, имеют закономерный характер и могут служить основанием для датирования.

Наконец, завершающим этапом системного изучения вещественных источников является реализация метода реконструкции, т.е. представление первоначального вида пред-

мета или комплекса изделий. На этапе реконструкции, как завершающей части предлагаемого системного исследования, задействуются результаты применения морфологического, классификационного и типологического методов. Восстанавливая объект, ученый использует знания о форме и структуре предмета (или группы вещей), об их назначении, временных и этнокультурных показателях, о возможном сочетании одновременных типов изделий в рамках единого комплекса. Реконструкция как метод – это воссоздание нарушенного первоначального облика чего-либо, выполненное в натуре или выражающееся в составлении описания объекта, его чертежа, рисунка, модели. Данный метод осуществляется на основе сохранившихся частей или фрагментов памятника, изделия и т.д. Реконструкция должна быть научной и глубоко аргументированной. Хотя, безусловно, отчасти она может иметь гипотетический характер (Красовский В.П., 1975, с. 615–616). При реконструкции целесообразно применение комплексного подхода, т.е. использование всех имеющихся групп источников: археологических, иконографических, письменных. Это связано с тем, что археологические материалы не всегда предоставляют нам полную информацию о том или ином наборе изделий.

Таким образом, предлагаемое системное и многоуровневое исследование предоставляет возможность полноценного изучения археологических источников, получения максимальной информации о жизнедеятельности древних и средневековых обществ на основе анализа определенных категорий предметов. Морфология и классификация демонстрируют составляющие части и конструкцию изделия, т.е. помогают понять вещь и особенности ее использования. Типология отражает эволюцию предметов, позволяет определить время и место появления различных категорий и типов вещей, указать хронологические и этнокультурные рамки их бытования, преемственность культурных традиций в использовании изделий. Метод реконструкции дает возможность перейти на уровень исторических интерпретаций и воссоздать конкретные реалии прошлого.

Библиографический список

- Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. М., 1997. 450 с.
- Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Системный подход // *Философский энциклопедический словарь*: 2-е изд. М., 1989. С. 587–588
- Гарден Ж.-К. Теоретическая археология. М., 1983. 295 с.
- Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982. 228 с.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003. 174 с.
- Горбунова Т.Г. Система изучения украшений конской амуниции // *Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем*. Томск, 2003. С. 35–36.
- Горбунова Т.Г. Украшения конского снаряжения как источник для историко-культурного изучения Алтая (эпоха средневековья): Автореф. дис.... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 24 с.
- Горбунова Т.Г. Типологический метод в археологии и его значение при изучении снаряжения кочевников // *Снаряжение кочевников Евразии*. Барнаул, 2005. С. 22–26.
- Городцов В.А. Типологический метод в археологии. Рязань, 1927. 8 с.
- Григорьев Е.В. Распределители ремней Южной Сибири VII–X вв. // *Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье*. Барнаул, 1998. С. 152–158.
- Грязнов М.П. Классификация, тип, культура // *Теоретические основы советской археологии*. Л., 1969. С. 18–22.
- Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание. Л., 1991. 384 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.: ил.
- Классификация в археологии: Терминологический словарь-справочник. М., 1990. 156 с.
- Клейн Л.С. Классификация и типология // *Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова*. Омск, 1987. С. 33–35.
- Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991. 448 с.

- Клейн Л.С. Археологическая культура: теоретический анализ практики // РА. 1998. №1. С. 187–193.
- Колпаков Е.М. Теория археологической классификации. СПб., 1991. 112 с.
- Красовский В.П. Реконструкция // БСЭ. М., 1975. Т. 21. С. 615–616.
- Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М., 1983. 128 с. (САИ. Вып. ЕЗ-18).
- Маршак Б.И., Маршак М.И. Сходные информационные процессы в развитии вещей и эволюции живых организмов // Количественные методы в гуманитарных науках. М., 1981. С. 35–40.
- Массон В.М. Традиции и инновации в процессе культурогенеза (в свете данных археологии) // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л., 1981. С. 38–42.
- Мурашева В.В. Древнерусские ремешковые наборы украшений (X–XIII вв.). М., 2000. 136 с.
- Неверов С.В. История племен сrostкинской культуры в VIII–XII вв. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. 19 с.
- Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Техничко-морфологические и этнокультурные особенности украшений конской амуниции раннесредневековых кочевников Алтая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 2. Вып. 3: Археология и этнография. Новосибирск, 2003. С. 57–63.
- Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья: Учеб.-метод. пособие. Барнаул, 2004. 126 с.: ил.
- Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Системный подход при изучении археологических находок // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005. С. 227–229.
- Щапова Ю.Л. Археология и морфология // СА. 1991. №2. С. 120–130.
- Щапова Ю.Л. Можно ли построить общую классификация древнего вещного мира // История и эволюция древних вещей. М., 1994. С. 43–49.
- Щапова Ю.Л. Еще раз о типологическом методе в археологии, типах и типологиях // Историческая археология: Традиции и перспективы. М., 1998. С. 378–386.
- Щапова Ю.Л. Введение в вещеведение: естественно-научный подход к изучению древних вещей. М., 2000. 144 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 268 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1991. 336 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997. 160 с.
- Худяков Ю.С. Защитное вооружение номадов Центральной Азии. Новосибирск, 2003. 202 с.

С.В. Иванова, Т.М. Потемкина

Институт археологии НАН Украины, Одесса;

Институт археологии РАН, Москва

**АРХЕОАСТРОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХИТЕКТУРЫ
КУРГАНА ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА–РАННЕЙ БРОНЗЫ
У СЕЛА РЕВОВА ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ**

В степной зоне Северного Причерноморья исследован ряд курганов доямного и раннеямного времени, под насыпью которых выявлены конструкции из вертикально врытых столбов и кромлехов, связанные с основными погребениями наиболее ранних курганных насыпей. Авторы раскопок совершенно справедливо считают данные сооружения ритуальными объектами, а сами курганы полностью или частично святилищами (Серова Н.Л., Яровой Е.В., 1987, с. 78–79, рис. 31; Рассемакин Ю.Я., 1990, с. 66–74; Субботин Л.В., 2001, с. 164, 166).

Привлечение данных археоастрономии при анализе материалов подобных курганов не только подтверждает это предположение авторов, но и значительно расширяет понимание места и роли подобных конструкций в мировоззренческих представлениях древнего населения. Во всех отмеченных случаях столбы и кромлехи являлись своеобразными

метами в системе ориентиров, указывающих на точки восходов и заходов солнца и луны на горизонте в наиболее значимые дни года, связанными с сезонными и суточными изменениями (Потемкина Т.М., 2004, с. 216–246).

Наблюдения за астрономическими явлениями имели непосредственное отношение к хозяйственной деятельности, быту, погребальной и календарной обрядности древнего населения. Они же легли в основу мировоззренческих представлений, связанных с пониманием Вселенной. Положения солнца и луны, фиксирующие суточные и сезонные изменения, явились основополагающими в создании моделей Мира и их составных частей (Потемкина Т.М., 2001, с. 166–220; 2004, с. 214–250).

Сходную с отмеченными выше систему устройства имеет и ранний строительный горизонт кургана №3 у с. Рёвова, исследованного в 2003 г. экспедицией Института археологии Национальной академии наук Украины под руководством С.В. Ивановой. Материалы раскопок опубликованы (Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е., 2005, с. 57–73). В представленной статье эти материалы, относящиеся к энеолиту и ямной культуре, рассматриваются с учетом археоастрономических определений.

Результаты археологических раскопок. Курган №3 расположен в 1 км к северу от с. Рёвова Ширяевского района Одесской области (географическая широта – 47,3°, долгота – 30,3°), на пологом склоне левого берега Большого Куяльника, в 1,5 км к востоку от реки. Однако сама площадка под насыпью относительно ровная, с хорошо обозреваемым горизонтом. Высота насыпи кургана – 1,1 м от современной поверхности, диаметр – 45 м. Изложим необходимые для освещения заявленной темы материалы раскопок кургана в самом сжатом виде.

Перед совершением основного погребения была подготовлена площадка, с которой снят чернозем до светло-желтого суглинка. Она окружена рвом с двумя проходами – на востоке и юго-западе (рис. 1.-I). Суглинок, вынутый из рва, был уложен в центральной части расчищенной площадки, образуя возвышение высотой 0,3–0,4 м, диаметром около 7–8 м. В центре его совершено захоронение №19.

Погребение 19 – основное, энеолитическое, зафиксировано в овальной яме размером 1,55x1,15x0,35 м. Захоронение – расчлененное, имитирующее сидячее положение погребенного; некоторые фрагменты черепа окрашены охрой, инвентарь отсутствует. Для погребения имеется радиоуглеродная дата, полученная в Киевской радиоуглеродной лаборатории: 5450±80 BP (4361–4165 BC).

Над захоронением была сооружена первая насыпь из суглинка диаметром 11–12 м (рис. 1.-II; 2.-II); ров засыпан черной землей. Поверх первой насыпи, по диаметру кургана, была выложена крепида из камней известняка разного размера (от 0,1 до 0,6 м), вытянутая по линии 3–В, размером 10,5x9,5 м (рис. 2). Восточная часть сооружения составлена из более крупных камней, нежели западная. При этом западная часть обкладки была заметно выше восточной. Камни, образующие крепиду, лежали плашмя, иногда в два или три слоя. Только в западном секторе нижний край заканчивался кладкой длиной 1,6 м из плиток, вкопанных в насыпь ребром. Небольшой участок (1,6x1,5 м), прилегающий к этой кладке снаружи, вымощен камнем горизонтально.

Центральная часть курганной насыпи была свободна от камней и представляла собой открытую глиняную площадку овальных очертаний диаметром 6–6,5 м, пониженную к востоку на 0,3–0,4 м (рис. 2.-II). В центральную часть кургана с уровня первой насыпи впущено энеолитическое (?) погребение 3, которое полностью разрушено. Сохранилось перекрытие из двух крупных плит и обкладка более мелкими камнями по периметру.

Весь комплекс ранних сооружений типичен и для Усатово, и для энеолитических курганных комплексов Буга, Днепра, Молочной и даже Дона. По трипольской линии синхронизации подобные сооружения появляются в период В/2–С/1, С/1, что соответствует времени 4200–3900/3800 до н.э., 3800/3700–3300/3200 до н.э. (Відейко М.Ю., 2003, с. 37). Отсутствие инвентаря и наличие традиционной для какой-либо из культурных групп позы

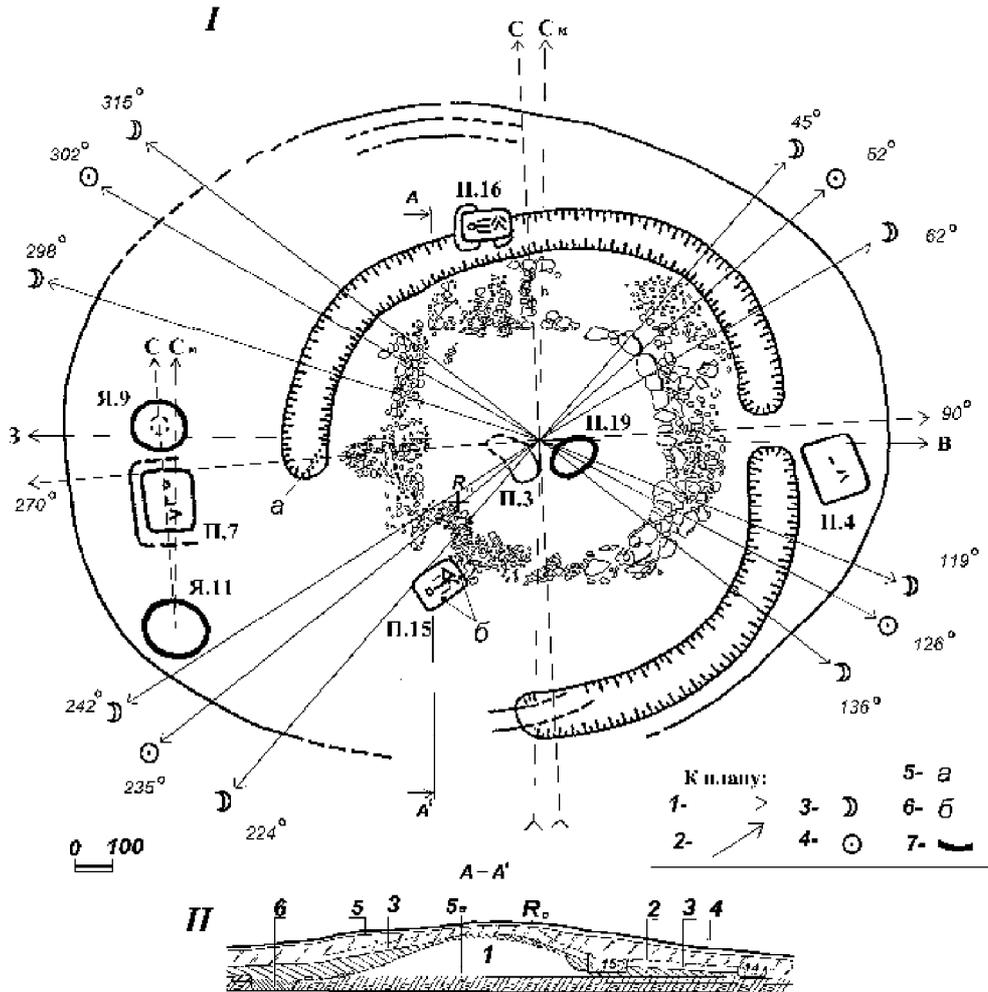

Рис. 1. Курган №3 у с. Редова. I – общий план: 1 – ориентиры по отношению к магнитному северу; 2 – к истинному северу; 3 – солнечные азимуты; 4 – лунные азимуты; 5 – следы кострища; 6 – столбовые ямки в погребении 15.
 II – разрез по линии А-А': 1-4 – первая – четвертая насыпи; 5 – уровень материка; 5а – уровень снятого чернозема; 6 – ров 1; 14, 15 – погребения 14, 15

погребенных затрудняет определение культурной принадлежности ранних захоронений кургана.

Но оформление ранней насыпи кургана №3 Редова окружностью из камней позволяет соотнести его с рядом энеолитических курганов Северо-Западного Причерноморья с конструкциями из камня, для которых имеются радиоуглеродные даты, укладываемые в период 5180–4510 ВР (от наших дней) и 4040–3100 ВС при вероятности по 1 сигме (Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е., 2005, с. 95–97, 100–131, табл. 1, 2). В большинстве своем радиоуглеродные даты этих курганов с крепидами являются более молодыми, чем дата основного погребения 19 кургана №3 Редова. Поэтому в нашем случае следует предположить либо возможную некорректность (удревнение?) даты основного захоронения 19, либо (если дата захоронения 19 все же верна) более позднее сооруже-

ние кирпичи, одновременно с погребением 3. На это могут указывать единство техники кладки и общей архитектуры этих сооружений, а также уровень и условия залегания их в культурных наслоениях насыпи (рис. 2.-I).

С первым строительным горизонтом, согласно стратиграфическим данным, связаны также две ямы 9 и 11, которые имеют округлую форму, диаметром 1,8–1,75 м, глубиной 0,4–0,6 м, с темным гумусовым заполнением. В центре ямы 9 обнаружена ямка диаметром

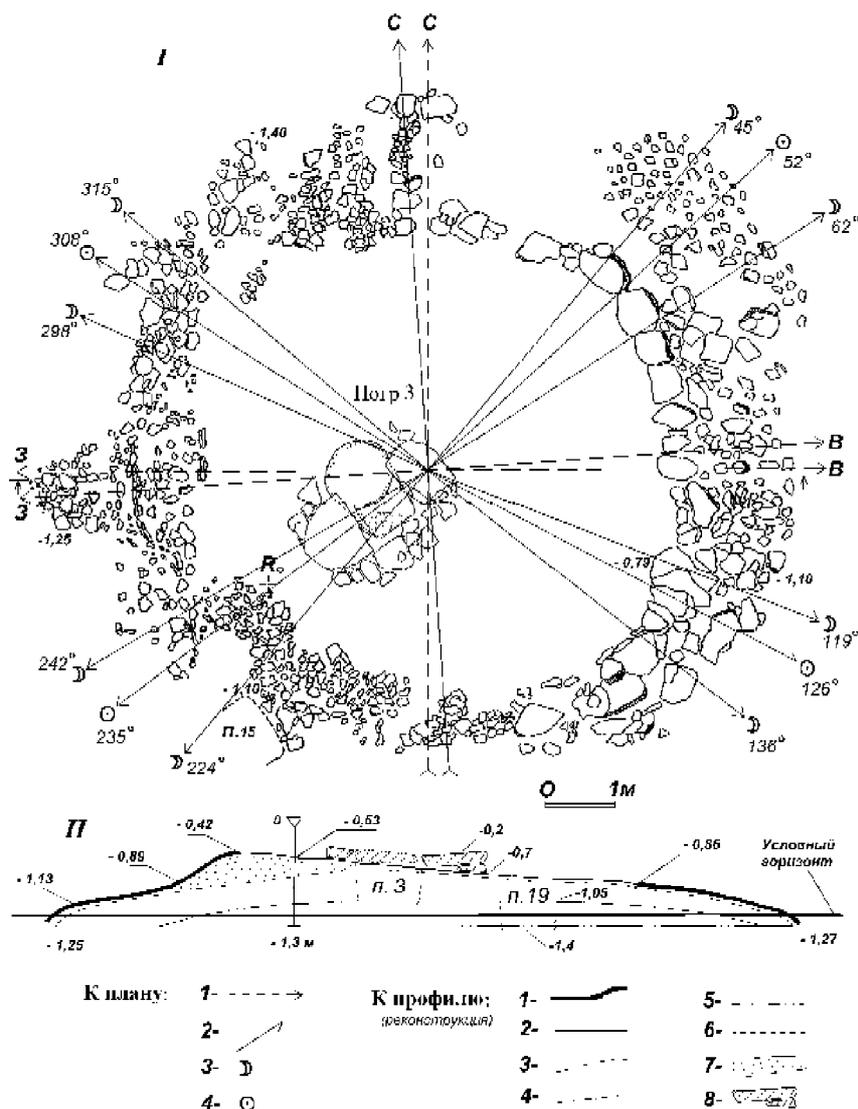

Рис. 2. Курган №3 у с. Рёвова. I – план кирпичи: 1 – ориентиры относительно магнитного севера; 2 – относительно истинного севера; 3 – лунные азимуты; 4 – солнечные азимуты.

II – реконструкция разреза кирпичи по осевой линии запад-восток: 1 – каменная кирпичи; 2 – открытая площадка; 3 – поверхность первой насыпи; 4 – поверхность подсыпки из глины; 5 – уровень расчищенной от чернозема площадки; 6 – очертания могильных ям; 7 – подсыпка под кирпичи; 8 – плиты перекрытия погребения 3

40 см, глубиной 5 см, в которой «пирамидкой» были сложены пять плоских обломков песчаника (рис. 3–4). Планиграфическое соотношение ям с другими объектами раннего кургана и особенности ямы 9 позволяют считать их ритуальными.

Вторая (суглинковая) насыпь перекрыла все сооружения первого строительного горизонта, включая ямы 9 и 11, за счет чего, возможно, и приобрела вытянутую форму (рис. 1.-II). По имеющимся наблюдениям, насыпь в один или несколько слоев почвы и суглинка-глины в окружении рва — типичный вариант кургана эпохи энеолита (Субботин Л.В., Петренко В.Г., 1986. с. 30; Петренко В.Г., 1995. с. 41–42). Именно эта особенность дает возможность предположить сооружение второй насыпи кургана №3 у с. Редова в энеолитический период. Известны такие насыпи и в ямной культуре, но гораздо реже.

Второй строительный горизонт кургана связан с четырьмя впускными ямными погребениями 4, 7, 15 и 16 (Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е., 2005, с. 59, 62, 68, рис. 39; 40; 45.-1). С учетом имеющихся радиоуглеродных дат ранее других было совершено погребение 16 к северу от центра кургана у внешнего края крепиды (рис. 1.-I). Погребенный захоронен на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища, ноги подогнуты коленями вверх. Череп был покрыт сиреневой охрой, кисти рук — алой. Справа от черепа лежал комок сиреневой охры, слева — кусок мела. Под черепом прослежена подсыпка крупицами мела. Дно обмазано светлой глиной. Сверху могильная яма была перекрыта примитивными антропоморфными стелами (рис. 3.-6). Дата — 4135 ± 60 BP (2863–2599 BC).

Погребение 4 было впущено в восточную полу насыпи за пределами рва, у южного края входа. Скелет ребенка почти полностью истлел, но можно предполагать скорченное его положение на левом боку, головой на север. Череп отсутствовал, на его месте находился кремневый отбойник (рис. 3.-5). На дне под погребенным прослежен плотный коричневый глен, в изголовье — подсыпка малиновой охры, в области пяточных костей — отпечатки коры.

Погребение 7 — одно из наиболее престижных среди ямных захоронений. Было размещено к западу от центра крепиды между ямами 9 и 11 таким образом, что продольная ось могильной ямы и погребенный (взрослый) располагались на осевой линии ям Ю–С. Могила прямоугольная, с уступом и поперечным деревянным перекрытием, на стенках — следы от органического тлена, на дне — подстилка из коры (?); поверх скелета (и частично на дне) — циновка из продольно уложенных стеблей растений. Погребенный располагался скорченно на левом боку, головой на север, у правого плеча — подсыпка охрой рубинового цвета; в углах у восточной стенки ямы находилось по сосуду. В заполнении сосуда (в изголовье) найдены кремневый скребок и фрагмент человеческой ключицы (рис. 3.-1–3). Радиоуглеродная дата погребения: 3910 ± 60 BP (2467–2305 BC).

Описанные три захоронения были перекрыты третьей, черноземной, насыпью, в которую впущено погребение 15 ямной культуры.

Погребение 15 располагалось в юго-западном секторе ранней насыпи кургана по центру широкой перемычки рва. При его устройстве разрушена часть крепиды. Яма перекрыта поперечными бревнами, на стенках — отпечатки стеблей растений. На дне погребальной камеры прослежены две продольные канавки, у южной и восточной стенок — столбовые ямки диаметром 7 см. Дно обмазано светлой глиной, посыпано охрой. Погребенный был уложен на спину головой на юго-запад, коленями вверх (рис. 3.-7). Под верхней частью туловища и под нижними конечностями погребенного (поверх обмазки дна) — «подушка» из серой глины, покрытая белым однородным тленом. Дата: 3780 ± 70 BP (2327–2041 BC).

Полученные для ямных захоронений даты согласуются с результатами радиоуглеродного датирования других памятников древнейшей общности Юго-Западного Причерноморья. Они могут указывать также на синхронное существование древнейших и усадовских древностей в этом регионе, что доказывается на примере серии радиоуглеродных дат усадовских и древнейших памятников Дунайско-Днестровского района (Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004, с. 94–97, рис. 3).

Археoaстрономический аспект исследования кургана. Использование данных археoaстрономии применительно к материалам раскопок рассматриваемого кургана основано на общих методических подходах в поисках важных астрономических ориентиров

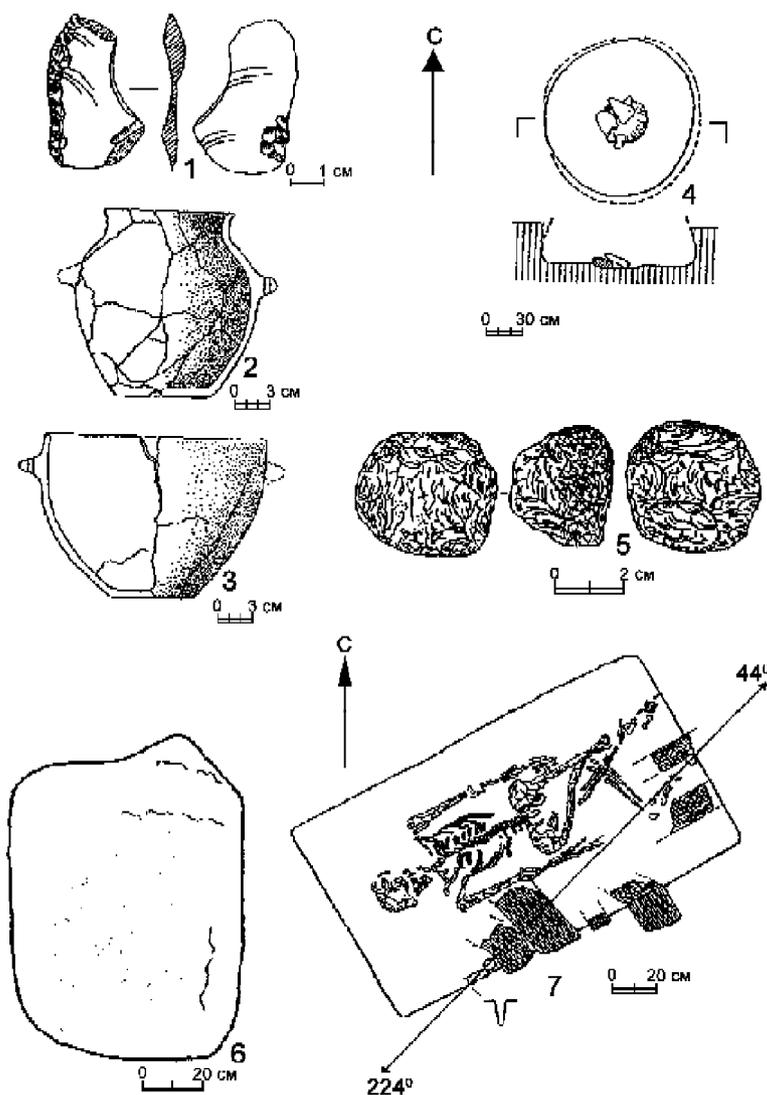

Рис. 3. Курган №3 у с. Редова. 1–3 – скребок и сосуды из погребения 7; 4 – план и разрез ямы 9; 5 – отбойник из погребения 4; 6 – плита из перекрытия погребения 16; 7 – план погребения 15. 1, 5, 6 – камень; 2, 4 – глина

на археологических памятниках с учетом особенностей исследуемого объекта (Потемкина Т.М., Юревич В.А., 1998, с. 5–25).

При выявлении астрономических направлений, соответствующих значимым солнечным и лунным азимутам для широты расположения кургана, учитывались как магнитный, так и истинный север. На представленных планах первых трех строительных горизонтов кургана (рис. 1; 2) основные азимуты вычислены относительно истинного севера, как более точные для времени сооружения и функционирования кургана (угол отклонения магнитной стрелки от географического меридиана в точках координат кургана составляет в настоящее время $+4,4^\circ$). Используются азимуты восходов и заходов солнца и луны для широты расположения памятника, рассчитанные для 2000 г. до н.э., как более приближенные

к реальным на время функционирования рассматриваемого памятника (Потемкина Т.М., Юревич В.А., 1998, с. 46–47, табл. 1; 4). При этом нельзя исключать некоторых отклонений полученных азимутов по сравнению с реальными на 1–3°. Причин тому может быть несколько (Потемкина Т.М., 2004, с. 215–216), и они принципиально не меняют реальной картины, получившей отражение в материалах раскопок рассматриваемого памятника.

Важным методическим вопросом, во многом определяющим успех археоастрономических исследований на археологических памятниках, в том числе и здесь рассматриваемом, является поиск относительного центра – места, откуда велись наблюдения в древности и из которого разворачивалось все организованное пространство, а также выявление центра памятника в период его функционирования.

Для начала за центр функционирования кургана №3 была принята центральная часть внутренней площадки крепиды, окружающей первую насыпь, как наиболее яркого и геометрически правильного, почти округлого по внутренней первоначальной выкладке, сооружения (рис. 1.-I). Далее по внутренней границе кладки крепиды были определены ее продольная и поперечная осевые линии, которые практически точно совпали с направлениями Ю–С (поперечная ось) и З–В (продольная). Центр пересечения осевых линий, являющихся одновременно и основными географическими координатами, был принят нами за основной центр сакральной площадки кургана в период его функционирования на раннем этапе. Этот центр занял место между могильными ямами основного погребения 19 и впускного погребения 3. Одновременно продольная ось крепиды по линии З–В оказалась связанной и с объектами кургана не только первого, но и второго строительных горизонтов. Эта ситуация позволяет считать осевую линию в направлении З–В основной осью первых двух (трех ?) насыпей кургана, что убеждает также в объективности определения основного центра функционирования кургана.

Исходя из предположения, что точка пересечения осевых линий внутренней площадки крепиды в качестве центральной могла служить местом визирования восходов и заходов основных светил в значимые дни года, из нее были проведены основные солнечные и лунные азимуты, вычисленные для широты расположения памятника на 2000 г. до н.э. В результате к полученным ориентирам оказались достаточно четко привязаны основные элементы архитектуры крепиды и другие сооружения раннего кургана.

Совершенно очевидно, что четкая планировка и увязка с астрономическими ориентирами всех перечисленных выше сооружений были возможны только в результате предварительной разметки древними строителями площадки кургана на основании непосредственного наблюдения за положением светил на небосводе или путем визирования на фиксированные точки на горизонте. Более рациональным представляется использование в древности одновременно обоих методов, наработанных длительным опытом.

Дальнейшие расчеты привели к выводу, что относительным центром, откуда была спланирована курганная площадка и откуда развивалось все очерченное в дальнейшем сакральное пространство кургана, являлось место расположения ям 9 и 11 к западу от ранней насыпи. Ряд данных свидетельствует, что округлое углубление в центре ямы 9 с каменными плитками – это сохранившееся основание столбовой ямки от вертикально вкопанного столба, а каменные плитки – следы его крепления (рис. 3.-4). Такие случаи известны в курганах со столбовыми ритуальными сооружениями, где сохранились остатки самих столбов и закреплявшие их камни (Серова Н.Л., Яровой Е.В., 1987, с. 78, рис. 31; Субботин Л.В., 2001, с. 164–167, рис. 4; Потемкина Т.М., 2004, с. 220, 221, 237, рис. 4; 8.-I). В верхнем заполнении ямы следы от столба при условии отсутствия древесного тлена могли остаться незамеченными на фоне темного гумусового заполнения всей ямы. Столб в яме 9, по ряду данных, являлся постоянным ориентиром и относительным центром кургана довольно длительное время.

Взаимное расположение ям 9 и 11 предполагает, что яма 11 также была выкопана для установки столба. Обе ямы, расположенные на одной оси по линии Ю–С, вероятнее всего, относятся к числу самых первых сооружений, связанных со строительством кургана №3. С помощью столбов, установленных в ямах, первоначально были определены ос-

новые координаты на плоскости и в пространстве, указывающие направления на основные четыре стороны света. Направление по линии Ю–С могло быть установлено наиболее простым способом – по полуденной линии путем наблюдений. Практически это могло быть осуществлено следующим образом: первоначально была вырыта яма 11. В центре ее был установлен временный или постоянный столб, тень от которого при положении солнца в зените и определила направление полуденной линии, указывающей на Полюс мира. На полуденной линии к северу от столба в яме 11 была намечена и сооружена яма 9 с прочно закрепленным столбом в центре. Ориентир на север мог быть в дальнейшем уточнен по Полярной звезде, которая находилась в Полюсе мира (в 5500–3500 гг. до н.э. Полярной звездой являлась иота созвездия Дракона, в 3500–1500 гг. – альфа Дракона, в настоящее время – альфа Малой Медведицы). В дальнейшем столб в яме 9 явился отправной точкой при определении основного центра кургана и его ведущей осевой линии.

После фиксации направлений на север и юг не трудно было определить также ориентиры на две другие стороны света – запад и восток. Данные азимуты явились основополагающими для центральной осевой линии кургана. На этой линии в 10 м к востоку была выбрана точка в качестве центральной, к которой в дальнейшем были привязаны основные структурные элементы раннего кургана и крепиды. Исходной структурой для выявления центра, ее астрономической и геометрической основой, мог явиться прямоугольный треугольник, где его основанием (малым катетом) служило расстояние между центрами (столбами?) ям 9 и 11, а одной из сторон (большим катетом) – расстояние между центром ямы 9 (столбом) и центром кургана. Прямоугольный треугольник был своеобразным инструментом масштабирования звездного неба по отношению к закладываемым конструкциям кургана. Подобные прямоугольные треугольники выявлены на других синхронных курганах Северо-Западного Причерноморья (Потемкина Т.М., 2004, с. 231, 232, 244–245).

Вокруг центра была очищена от чернозема до материкового суглинка площадка и окружена кольцевым рвом с двумя проходами с востока и юго-запада. Могильная яма основного погребения занимала центральное положение в этой круговой планировке, по диагонали ориентирована в направлении восхода солнца в летнем солнцестоянии (52°). Проходы во рву находились точно напротив погребения, маркируя направления восхода захода солнца в дни равноденствий (90°, 270°).

Расположение погребения в центре предварительно расчищенной до светлого материка и позже подсыпанной светлой глиной площадки, некоторый сдвиг погребальной камеры к востоку и отмеченные особенности захоронения (расчленение погребенного с последующим соединением частей тела в вертикальном анатомическом порядке при погребении), наличие в заполнении могильной ямы в месте скопления костей прослоек ила и отпечатков горелых плах свидетельствуют о ритуальном, жертвенном характере основного погребения.

Все эти признаки подчеркивают его связь с восточным, светлым, солнечным (Верхним) миром и соотносятся с мифологическими схемами жертвоприношения разных народов, прежде всего индоевропейских. Мотив расчленения персонажа в ритуале человеческого жертвоприношения связан с представлениями о новой организации космоса и достижении блага (Мифы..., 1987, с. 532). Цель ритуала – обеспечение благополучия, плодородия, потомства, богатства. Высшей ценностью и максимумом сакральности в космогонических мифах и представлениях обладает та точка в пространстве и времени, где совершается творение, т.е. «центр мира» (Середина мира) и в «начале», т.е. само время творения. Космические мифы и представления связаны именно с этими координатами, задающими схему разворачивания всего, что есть в пространстве и времени, организующими весь пространственный и временной континуум. Обычно подобные ритуалы в древности были связаны с основной, годовой, календарной обрядностью, отмеченной переходом от старого года к новому, воспроизводящей своей структурой ту порубежную кризисную ситуацию, когда из хаоса возникает космос (Мифы..., 1988. С. 6–9).

После совершения захоронения ров был засыпан черной землей. Несомненно, эта ситуация служила определенным символом, связанным с представлениями о структуре

Мира, подчеркивая центральное положение жертвенного погребения в системе очерченного вром пространства и его связь со светлым (Верхним) миром.

Над погребением была сооружена насыпь из светлого суглинка. В процессе этого строительства большую роль, наряду с центральной точкой, играла основная осевая линия по направлению запад-восток. Именно на основной оси была первоначально расположена центральная точка кургана, а в дальнейшем к ней были привязаны все объекты первого строительного горизонта: основное погребение 19; края северной половины рва, определяющие границы проходов; место разведения огня в западной оконечности рва вблизи перемычки (рис. 1.-I: а); первая насыпь, ограниченная по окружности крепидой; сама крепида и отдельные детали ее архитектуры; впускное погребение 3; вторая овальная насыпь.

Измерения показывают, что при строительстве крепиды исходной точкой разметки места расположения каменной выкладки оставался основной центр (рис. 2.-I). Остались неизменными и основные координаты, определяющие направления по четырем сторонам света. Следовательно, сохранила свое место в системе дальнейшей планировки и основная продольная ось по линии 3–В. Это предполагает, что первоначальная центральная точка кургана либо оставалась каким-то образом отмеченной (столбом, камнем) на поверхности первой насыпи, либо была уточнена путем того же треугольника с основанием между столбами в ямах 9 и 11.

Правильная округлая форма внутренней свободной площадки крепиды свидетельствует, что она была первой очерченной и вымощенной камнями по окружности частью всего сооружения. Особенно наглядно это демонстрирует восточная половина кольца, вымощенная из крупных хорошо подогнанных плит, что согласуется с космогоническими представлениями того времени, где восточная сторона в горизонтальной модели мира повсюду связывалась с божествами Верхнего мира.

Это подтверждается и местом последующей выкладки длиной около 7 м, шириной 0,8 м, примыкающей к восточному полукольцу с внешней стороны. Выкладка занимает место в восточном секторе крепиды, где расположены направления на точки восходов солнца, высокой и низкой луны в крайних позициях во все времена года (рис. 3.-I). Через северный и южный края выкладки проходят линии, указывающие на точки восходов высокой луны в крайних северном (45°) и южном (136°) положениях. Наиболее широкая часть выкладки (до 2 м) находится между азимутами восходов солнца в летнем (52°) и зимнем (126°) солнцестояниях. Можно предположить, что данная вымостка была своеобразным фиксатором пути годового движения солнца и лунных циклов разного значения.

Западная половина кольца крепиды выложена из мелких камней. Но и здесь также есть свои особенности, имеющие отношение к астрономическим ориентирам и космической символике. Прежде всего это относится к небольшой выложенной камнями площадке с внешней стороны кольца в западном направлении с двумя выкладками округлой формы и большими камнями рядом. Эта внешняя «пристройка» к ряду вертикально поставленных плит ориентирована точно на запад в направлении захода солнца в дни равноденствий (270°) и находится на центральной осевой линии, которая проходит точно по центру этого сооружения между двумя большими камнями, являющимися своего рода метами.

Из других деталей крепиды, выложенных с внешней стороны кольцевой кладки и имеющих значимую астрономическую ориентацию, следует отметить ряд из камней длиной примерно полтора метра, вытянутый в северном направлении и заканчивающийся поперечной выкладкой из более крупных камней длиной 1,2 м по линии 3–В (рис. 3.-I). В южном направлении в кольцевой выкладке имеется проход шириной около 0,5 м.

Все отмеченные особенности архитектуры крепиды с внешней стороны не связаны с какими-либо конкретными археологическими находками. Их связь со значимыми астрономическими азимутами, вероятно, имеющими также фиксированные точки на горизонте, позволяет предполагать использование отмеченных выкладок в качестве конкретных мет-ориентиров в погребальной и календарной обрядности. Основной задачей мет было определение времени и места погребений в соответствии с существующими ритуалами.

Об этом в определенной мере свидетельствует и энеолитическое впускное погребение 3 (рис. 2.-I). Центральная часть могильной ямы находится на линии, указывающей направление захода солнца в зимнем солнцестоянии (235°). Это соответствует основным принципам размещения ритуального погребения 19 на подкурганной площадке, но с выраженным двоичным противопоставлением: запад-восток, закат-восход, нижний-верхний, низший-высший. Подобные бинарные оппозиции играли определяющую роль в ритуалах архаичных обществ. Надмогильное устройство захоронения 3 соответствует строительным приемам крепиды (рис. 2.-I). В этом также прослеживается противопоставление основному погребению.

С сооружением второй насыпи основной центр кургана вместе со рвом и крепидой заметно сместился к востоку, но основная продольная ось оставалась общей для всех этих сооружений. Вероятнее всего, вторая насыпь приобрела свою вытянутую форму в результате включения в нее относительного центра первой насыпи – места расположения ям 9 и 11. Тем самым сакральное пространство раннего кургана с явно культовым назначением было очерчено полностью и получило свое логическое завершение на уровне модели Мира для своего времени и соответствующей культурной принадлежности.

Следующий этап функционирования кургана связан с ямными погребениями 4, 7, 15 и 16. При выявлении их астрономической привязки становится очевидным, что эти захоронения впущены во вторую насыпь в соответствии с пространственно-временными представлениями, получившими отражение в архитектуре более ранних сооружений и привязаны к тем же ориентирам и объектам, размеченным на первом этапе строительства кургана и определяющих структуру его сакрального пространства (Потемкина Т.М., 2005, с. 197–198). Учитывая расположение и ориентировку ямных погребений, можно предполагать совершение захоронений по заранее спланированной схеме с небольшим разрывом во времени после сооружения второй насыпи (рис. 1.-I).

Такая ситуация может быть еще одним аргументом в пользу усатовской принадлежности раннего кургана №3 Рёвова, синхронного на каком-то этапе ямным древностям. С другой стороны, это может указывать также на близость мировоззренческих представлений этих групп населения, основанную на ориентации на значимые положения солнца и луны и сходство Моделей мира.

Таким образом, в свете археологических и археоастрономических данных можно предполагать, что охарактеризованные выше сооружения первого строительного горизонта кургана №3 являлись культовым комплексом. Все объекты, составляющие архитектуру раннего кургана, имеют ярко выраженную космогоническую символику. Ориентация всех основных объектов раннего кургана связана с азимутами восходов и заходов солнца в дни солнцестояний и равноденствий, крайними позициями восходов высокой луны, направлениями север и юг (рис. 1.-I).

Основу пространственно-временной организации культового комплекса кургана №3 на всех этапах его функционирования составляла четко выраженная четырехчленная структура горизонтального пространства по странам света. Данная горизонтальная структура моделировала не только стороны света, но и времена года (весна, осень, лето, зима); части суток (утро, день, вечер, ночь); цвета (белый, желтый, красный, сиреневый, серый, черный), получивших отражение в разных подсыпках, связанных с захоронениями, их ориентацией и местоположением; мир космический и мир земной.

Подобная четырехчастная схема лежит в основе многих древних культовых сооружений, имеющих свои архитектурные особенности (пирамида, зиккурат, менгиры, кромлехи, дольмены, шаманский чум), но сохраняющих семантику своих элементов, прежде всего ориентацию по странам света.

Библиографический список

- Відейко М.Ю. Трипільська цивілізація. Київ, 2003.
Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. Одесса, 2005.

- Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1987. Т. 1.
Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1988. Т. 2.
Петренко В.Г. Архитектурные особенности некоторых курганов Усатово // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев, 1983.
Петренко В.Г. О раннекурганных памятниках Северо-Западного Причерноморья // Проблемы истории и ареологии Нижнего Поднестровья. Белгород-Днестровский, 1995.
Потемкина Т.М. Особенности структуры сакрального пространства энеолитических курганов со столбовыми конструкциями (по материалам Северного Причерноморья) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004.
Потемкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степей Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001.
Потемкина Т.М., Юревич В.А. Из опыта археоастрономического исследования археологических памятников (методический аспект). М., 1998.
Потемкина Т.М. Археоастрономический аспект исследования ранних сооружений кургана 3 у с. Ревова. Приложение // Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. Одесса, 2005.
Рассамакин Ю.Я. Енеолітичні поховання Північно-Західного Приазов'я // Археологія. 1990. №4.
Серова Н.Л., Яровой Е.В. Григориопольские курганы. Кишинев, 1987.
Субботин Л.В. Энеолитическое святилище курганного могильника Кубей // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2001. Т. IX.
Субботин Л.В., Петренко В.Г. Об архитектуре усатовских курганов сооружений // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986.
Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология древнейшей общности и истоки курганов культуры // РА. 2004. №1.

Д.Г. Савинов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕГО ЭТАПА ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Трехчастная структура является основным содержательным стержнем любой периодизации: каждое явление имеет свое начало (период появления или формирования), период расцвета (время наибольшей концентрации присущих ему особенностей) и конец (период распыления и упадка или, наоборот, последнего взлета «творческих сил» носителей данной культурной традиции). В рамках выделенных в настоящее время археологических культур иногда представлены не два и не три, а большее количество этапов, но суть культурно-исторического процесса, отраженного в археологических материалах, от этого не меняется. Поздний (или последний) этап часто прослеживается с большим трудом; поэтому процесс завершения культуры носит как бы дискретный характер, а судьба ее носителей остается неизвестной. Если для периода становления культуры наиболее оправданно выделение типов памятников, образующих данную культурную общность; для периода расцвета сложившейся культуры – ее локальных вариантов; то для последнего завершающего этапа главным становится поиск материалов, отражающих дальнейшую трансформацию культурной традиции. Именно так обстоит дело с одной из наиболее ярких южно-сибирских культур эпохи бронзы – окуневской культурой.

В последнее время, после раскопок могильников Уйбат-III и V (Лазаретов И.П., 1997), в литературе утвердилось деление памятников окуневской культуры на два этапа: *уйбатский* – название, постепенно вытесняющее прежнее наименование памятников «тасхазинского типа»; и *черновский*, эталонным памятником которого остается могильник Черновая-VIII (Максименков Г.А., 1980). С каждым из этих этапов развития окуневской культуры связан свой круг проблем; применительно к памятникам черновского (более позднего) этапа одна из таких проблем – выделение позднеокуневских памятников, знаменующих завер-

шение данной культурной традиции. Очевидно, их можно выделить среди материалов черновского этапа, в чем-то отличных от «классического» варианта Черновой-VIII.

Многие исследователи уже высказывали предположения о возможности существования памятников, отражающих дальнейшее развитие окуневской традиции, «выходящих» за установленные хронологические рамки черновского этапа. Так, Н.В. Леонтьев (1978, с. 89) выделил три группы разновременных окуневских личин – тас-хазинскую (наиболее раннюю), черновскую («классическую») и джойскую (позднюю). Из них последняя, т.е. следующая за черновской, отражает, по его мнению, «процесс упадка стиля антропоморфных изображений» (Леонтьев Н.В., 1978, с. 97). По М.Д. Хлобыстиной, в андроновское время «окуневцы» продолжали существовать параллельно с «андроновцами». Наследие той и другой культуры проявилось в карасукскую эпоху («бейская», по М.Д. Хлобыстиной; и «классическая» карасукская группы памятников) (Хлобыстина М.Д., 1969, с. 79–81). По мнению В.И. Молодина, население окуневской культуры в Кузнецком Алатау и в северной части Минусинской котловины было ассимилировано «андроновцами». Но там, куда «андроновцы» не проникли, носители прежних традиций (окуневских и каракольских) могли существовать и дольше, вплоть до XI в. до н.э. (Молодин В.И., 1992, с. 29). На стоянке Тоора-Даш (Саянский каньон Енисея) окуневские слои непосредственно предшествуют каменоложскому (позднекарасукскому), в связи с чем Вл. А. Семенов (1984, с. 261) отмечал, что «дериваты окуневской культуры могли сохраниться до скифского времени, ранний этап которого, согласно датировке кургана Аржан, относится к VIII и даже IX в. до н.э.». Участие окуневской изобразительной традиции в формировании скифо-сибирского звериного стиля убедительно показано в работах Б.Н. Пяткина и Я.А. Шера (Пяткин Б.Н., 1987; Шер Я.А., 1998).

В свете этих наблюдений, число которых можно было бы увеличить, а также высказанных выше теоретических положений выделение третьего (позднего) этапа развития окуневской культуры представляется весьма актуальным. В качестве «претендентов» на место позднеокуневских памятников в настоящее время могут быть названы три могильника («Стрелка», Разлив-X и Черновая-XI).

Могильник «Стрелка». Несколько одиночных могил, раскопанных на севере Хакасии в 1975 г. (Савинов Д.Г., 1981). Тогда это были самые северные из всех известных погребений окуневской культуры. Из числа находок, обнаруженных там, следует отметить следующие.

1. Небольшая чашечка с широким устьем и округлыми стенками, дно которой украшено пересекающимися линиями или «крестом», что характерно для орнаментации окуневской керамики.

2. Два сосуда – один баночный, другой тюльпановидной формы, в орнаментации которых (ряды тонких горизонтальных полосок по венчику и в придонной части, вертикальные зигзагообразные линии по тулову), несомненно, влияние андроновской культуры.

3. Костяная пластина подковообразной формы с изображением бегущих «по кругу» лося и преследующего его медведя. В моделировке головы лося можно усмотреть черты «ангарского стиля». Пожалуй, это одно из самых поздних изображений подобного рода в окуневской изобразительной традиции. Относительно поздняя датировка одиночных погребений на могильнике «Стрелка» определяется по форме и орнаментации керамики – не ранее начала андроновской экспансии.

Разлив-X. Размытый курган на территории Красноярского водохранилища, раскопанный в 1973–1974 гг. Уже в одной из первых информаций об этих раскопках было отмечено, что найденная там пестиковая фигурка «отличалась от других окуневских находок подобного типа необычно моделированными шейей, плечами и торсом» (Пшеницына М.Н., 1974, с. 220). Позднее материалы кургана Разлив-X, за исключением нескольких плит с рисунками, были изданы (Пшеницына М.Н., Пяткин Б.Н., 1993). К сожалению, из опубликованных данных неясно, был ли это отдельно стоящий курган (типа Черновой-XI) или он входил в состав разрушенного, но не исследованного могильника. Всего в ограде находилось 11 могил, с точки зрения планиграфии, устройства каменных ящиков и погребаль-

ного обряда, характерных для черновского этапа окуневской культуры. Однако были отмечены и некоторые особенности данного памятника: наличие необычного числа коллективных захоронений (только в двух могилах – 1 и 6 – было захоронено не менее 20 человек); впервые зафиксированная там посмертная трепанация черепов; большое количество плит с различными изображениями (Пшеницына М.Н., Пяткин Б.Н., 1993, с. 64–65). Найденные предметы сопроводительного инвентаря немногочисленны, но достаточно выразительны. Глиняный сосуд из могилы 9 (баночной формы с нанесенными наискось отпечатками зубчатого штампа) по своей форме и характеру орнаментации был сопоставлен авторами с найденными в могильнике «Стрелка». Стеатитовая фигурка, в отличие от обычных окуневских («таштыпского типа»), сделана объемно с выделенным торсом и четко промоделированными плечами (рис. 1.-2). Переданные тончайшей гравировкой на внутренней стороне плиты из могилы 1 профильные изображения стоящих женщин, одетых в длинные роскошные одеяния, с распущенными волосами, выполнены в стиле «абаканских пластинок», но уже с явным отступлением от канона (рис. 1.-9). На нескольких плитах находились изображения в стиле «тощих быков» (в том числе и известная композиция на

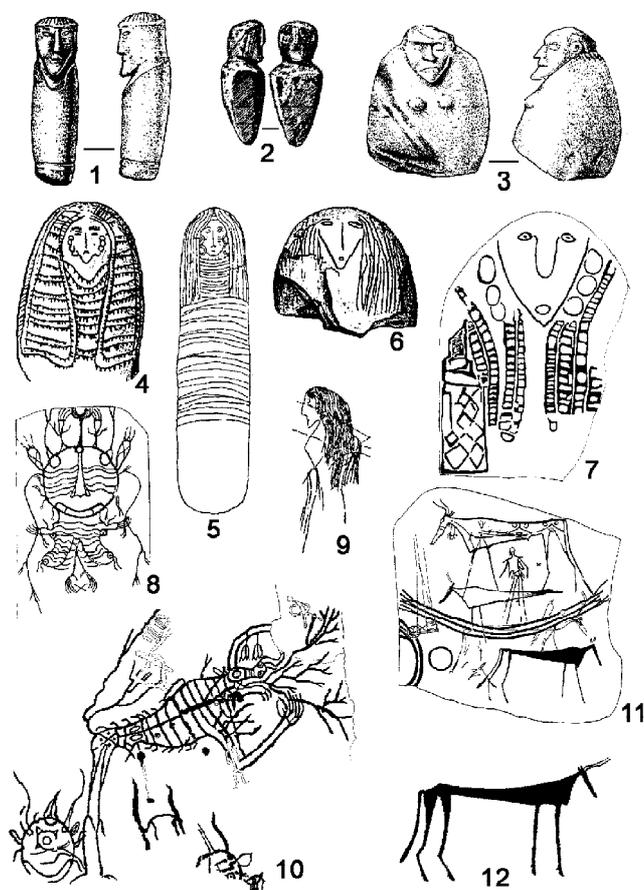

Рис. 1. Изобразительные материалы позднего этапа окуневской культуры:
 1, 3, 4, 6 – Черновая-ХІ (по С.Н. Леонтьеву); 2, 8, 9 – Разлив-Х (по М.Н. Пшеницыной,
 Б.Н. Пяткину); 5 – «све» Чебаки (по А.И. Готлибу); 7 – Ар-Хая (по Д.Г Савинову);
 10 – Бырганов, курган №3 (по Г.Н. Курочкину); 11 – с. Аскиз (по Н.В. Леонтьеву);
 12 – Бырганов-В (по И.П. Лазаретову). 1–3, 7, 8, 10–12 – камень; 4–6 – кость (без масштаба)

стенке каменного ящика из могилы 8), относительно поздняя датировка которых устанавливается стратиграфически – неоднократно зафиксированными случаями палимпсестов на каменных изваяниях (подробнее об этом см.: Савинов Д.Г., 2004). Антропоморфная личина с поперечными волнистыми линиями и расположенной ниже нее головой хищника (рис. 1.-8) как будто сближается с изображением «божества с копьями» из Черновой-VIII (Вадецкая Э.Б., 1980, табл. ЛП.-114), но в деталях отличается от нее. Ближе к разливскому изображению как в композиционном, так и в стилистическом отношении относятся личины из могильника Лебяжий (Leont'ev N., Karel'ko V., 2002, №181, 182). Н.В. Леонтьев (1978, с. 95) называет такие личины «сложно-реалистическими», завершающими «классические» изображения черновского этапа. В свете всех этих данных, предложенная датировка комплекса кургана Разлив-X – «в границах окуневской культуры, может быть ее финальной стадией» (Пшеницына М.Н., Пяткин Б.Н., 1993, с. 66) – на наш взгляд, соответствует действительности.

Черновая-XI. Одиночный курган, расположенный в 0,5 км от эталонного памятника Черновая-VIII; раскопан в 1999 г. В ограде, по углам которой находились вертикально установленные камни, было обнаружено пять разрушенных могил. Из них две центральные (могилы 1 и 2) и три на площади (могилы 3–5), что в принципе соответствует планиграфии памятников черновского этапа. Однако происходящие оттуда находки во многом уникальны. Это две костяные пластинки «абаканского типа», возможно, одни из наиболее поздних в эволюции изображений данного стиля (Леонтьев С., 2000, рис. 1.-3, 4; 2001, рис. 4.-8). Одна из них (могила 5) отличается от всех остальных передачей роскошного головного убора, ниспадающего по обеим сторонам лица женщины, с четырьмя серьями-подвесками по сторонам (рис. 1.-4). Другая (могила 2) – с изображением треугольного абриса лица и распушенными на две стороны короткими прямыми волосами (рис. 1.-6) – очень близко напоминает иконографию антропоморфных галек из карасукского поселения Торгажак (Савинов Д.Г., 1996, табл. XX–XXIV). Стеатитовая фигурка с головой человека (могила 5) сделана объемно, хорошо промоделированы шея, прическа, остро выступающий подбородок (рис. 1.-1). На опубликованной фотографии видно, что лицо (мужчины?) в профиль как бы «выступает» из плоскости камня (Леонтьев С.Н., 2001, рис. 9), что характерно для некоторых образцов каменной скульптуры из Прииртышья (Ченченкова О.П., 2004, №92). Из этой же могилы происходит галечная антропоморфная фигурка (рис. 1.-3), в качестве аналогии которой автор приводит Атбасарскую фигурку из Акмолинской области (Ченченкова О.П., 2004, рис. 11.-3). Вместе с тем по нерасчлененной «грузикообразной» форме туловища это изображение близко напоминает миниатюрную антропоморфную фигурку из песчаника, найденную на поселении Торгажак (Савинов Д.Г., 1996, рис. 4.-1). Все предметы мелкой пластики, по мнению С.Н. Леонтьева (2001, с. 120), «выполнены в одной художественной манере и несколько отличаются от уже известных». Так же, как и в Разливе-X, найдено большое количество каменных плит с различного рода изображениями (Leont'ev N., Karel'ko V., 2002, №293–297), в том числе изображения личин (типа Черновой-VIII), поверх которых нанесены рисунки «тощих быков» (Leont'ev N., Karel'ko V., 2002, №293–294). Фрагменты таких изображений, выполненных с большим художественным мастерством, сохранились и на других обломках каменных плит. Из других находок следует отметить «традиционный керамический сосуд», о котором, к сожалению, больше ничего не сказано; и кольцо из бледно-зеленого нефрита, которое «по материалу, форме и технике изготовления тождественно предметам из сейминско-турбинских и глазковских памятников» (Леонтьев С.Н., 2001, с. 122).

По мнению С.Н. Леонтьева, курган Черновая-XI синхронен расположенным «недалеке» (?–Д.С.) погребениям Черновой-VIII, а своеобразие его материалов объясняется тем, что данный памятник «является элитарным»; при этом в качестве примера приводятся могильники Карасук-II, VIII и Туимский кромлех. Однако следует отметить, что, во-первых, подобное сравнение не совсем корректно, так как указанные памятники относятся к раннему этапу окуневской культуры; во-вторых, в изобразительных материалах кургана Черновая-XI отчетливо видно развитие черновской традиции, не говоря об антропо-

морфных личинах, перекрытых фигурами «тощих быков», которых нет в Черновой-VIII. Так что, скорее всего, разница между этими двумя памятниками хронологическая.

Можно предполагать, что материалы кургана Черновая-XI, как и Разлива-X, характеризуют заключительный этап развития окуневской культуры, следующий за черновским этапом, который по наименованию первого раскопанного памятника может быть назван **разливским** этапом. Помимо трех рассмотренных археологических комплексов к этому этапу окуневской культуры, скорее всего, относятся и некоторые другие известные изображения окуневской культуры, найденные во вторичном использовании или при случайных обстоятельствах.

1. Плита с изображением фантастического хищника из могильника Бырганов (рис. 1.-10), служившая перекрытием могилы раннетагарского погребения (Журочкин Г.Н., 1995, рис. 1). Это наиболее сложное, эклектичное и насыщенное деталями из всех известных изображений окуневских хищников, отличающееся в этом отношении от более «строгих» и канонически выдержанных изображений из Черновой-VIII и Есино-IX (Савинов Д.Г., Подольский М.Л., 1995, рис. 1). Фас-профильная передача задней части туловища сближает его с изображениями в стиле «тощих быков»; морда как бы развернутая ноздрями вверх, с пересекающими ее линиями и «отростками», а также условная передача таза сделаны так же, как в изображениях фантастических животных на плите с р. Аскиз, опубликованной Н.В. Леонтьевым (1997, рис. 1). Изображения аскизских хищников, выполненные в «декоративном стиле», характерном для монгольских петроглифов эпохи развитой бронзы (Новгородова Э.А., 1984, с. 82–85, рис. 30), нанесены поверх личины, аналогичной изображениям на плитах из погребений черновского этапа. Около задних ног быргановского хищника находится личина «сложно-реалистического типа» (по классификации Э.Б. Вадецкой), на которой, в отличие от всех остальных окуневских изваяний и стел, помещен четырехлучевой солярный знак – явное отступление от устоявшейся традиции. По всем этим признакам, изображение быргановского хищника – сравнительно позднее; во всяком случае, относительно погребений черновского этапа. С нашими наблюдениями полностью согласуются приведенные И.В. Ковтуном (2001, табл. 42) аналогии изображениями «колокольчиков», подвешенных на рогах быргановского хищника, в формах украшений карасукского времени из Минусинской котловины и Тувы.

2. Костяная пластинка «абаканского типа» (рис. 1.-5), найденная на «све» Чебаки (Готлиб А.И., 2002, рис. на с. 131). Изображение на ней отличается обилием дополнительных деталей: многочисленные поперечные линии, в которых как бы «завернута» фигурка; ожерелье из вертикальных черточек; а двойные кольца-серьги по сторонам лица, на котором нанесены короткие поперечные линии (возможно, татуировка?). Так же, как и на других пластинках «абаканского типа», показаны длинные расчесанные на две стороны волосы, но, скорее всего, это не «волосы», а парик, так как на месте «пробора» нанесены несколько поперечных черточек, как бы соединяющих две части этого парика. По этим признакам данное изображение сближается с одной из «абаканских пластинок» из могильника Черновая-XI. Скорее всего, к этому же времени относится и изображение на каменной плите из могильника Ар-Хая (рис. 1.-7), представляющее дальнейшее развитие статуарных изображений типа Усть-Есинской Кыс-Таш (Leon'ev N., Kapel'ko V, 2002, tab. 5.-16; 109.-274).

3. Изображения в стиле «тощих быков» на плите из ограды кургана могильника Бырганов-V (баиновского этапа), которые стилистически и композиционно наиболее близки окуневской плите из могильника Разлив-X (Лазаретов И.П., 1995, с. 58); однако отличаются еще большей степенью схематизации (рис. 1.-12). Вполне вероятно, если иметь в виду естественные процессы трансформации стиля, они могут относиться к несколько более позднему времени, чем разливские. В этой связи может быть поставлен вопрос о времени создания известной композиции на плите из с. Аскиз, полностью опубликованной Н.В. Леонтьевым (1997, рис. 23), где изображения в стиле «тощих быков» (причем одно из них – нижнее – практически идентично быргановскому) нанесены поверх личины с изображением трех параллельных дуг с развилками на концах (рис. 1.-11) – особенность, характерная для наиболее поздних окуневских изваяний.

4. В наскальной композиции на горе Ызырых-Тас («Пьяный камень») представлены изображения лошадей, выполненные с чрезвычайным изяществом в русле традиций «ангарского стиля», перекрывающие личины окуневского типа (Дэвлет М.А., 1982, рис. 5). Точно определить время нанесения этих рисунков трудно; однако обращают на себя внимание показанные у лошадей «нависающие» челки, что является одной из характерных особенностей сейминско-турбинской традиции (Пяткин Б.Н., Миклашевич Е.А., 1990).

Приведенные материалы, как происходящие из комплексов, так и имеющие случайное происхождение, характеризуют поздний (разливский) этап окуневской культуры. Совершенно очевидно, что ни о каком упадке окуневской изобразительной традиции на этом этапе не может быть и речи. Однако все произведения окуневского искусства, выполненные в различных материалах, в это время несколько теряют свой канонический облик, становятся более декоративными и, условно говоря, «светскими». Относительно хронологического определения памятников разливского этапа можно говорить только предположительно. Стилистические особенности изображений лошадей на Ызырых-Тас согласуются с приведенными выше наблюдениями о некоторых западных (сейминско-турбинских) параллелях в материалах могильника Черновая-ХІ (предметы мелкой пластики, кольцо из нефрита). Возможно, это следует принять как условную границу между памятниками черновского и разливского этапов окуневской культуры. В таком случае сейминский облик наконечников копий на известном изображении «божества с копьями» из Черновой-VIII является первым «сигналом» подобного рода инноваций. Однако точное время распространения сейминской традиции на Енисее остается не установленным и, судя по всему, вполне могло иметь достаточно «затяжной» характер. Что касается верхней даты, то она также остается «открытой», но в дальнейшем (в постандроновское время), очевидно, уже следует говорить только о существовании окуневской изобразительной традиции.

Библиографический список

- Вадецкая Э.Б. Изваяния окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л., 1980. С. 37–87.
- Готлиб А.И. Горные сооружения – «све» – новый вид археологических источников в Минусинской котловине // Степи Евразии в древности и средневековье (К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова). СПб., 2002. С. 129–133.
- Дэвлет М.А. Бегущие звери на скалах Суханиха на Енисее // КСИА. 1982. №169. С. 53–60.
- Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. Новосибирск, 2001. 183 с.
- Курочкин Г.Н. Изображение фантастического хищника из Бырканова (по материалам раскопок 1980 г.) // Проблемы изучения окуневской культуры. СПб., 1995. С. 52–54.
- Лазаретов И.П. Изображение на плитах могильника Бырганов-V (Хакасия) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово, 1995. С. 57–60.
- Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997. С. 19–64.
- Леонтьев Н.В. Антропоморфные изображения окуневской культуры // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Новосибирск, 1978. С. 88–118.
- Леонтьев Н.В. Стела с реки Аскыз (Образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997. С. 222–236.
- Леонтьев С.Н. Мелкая пластика окуневской культуры из кургана Черновая-ХІ // Вестник САИПИ. 2000. №3. С. 15–17.
- Леонтьев С.Н. Памятник окуневской культуры курган Черновая-ХІ // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. №4. С. 116–123.
- Максименков Г.А. Могильник Черновая-VIII – эталонный памятник окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л., 1980. С. 3–34.
- Молодин В.И. Бронзовый век Южной Сибири – современное состояние проблемы // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992. С. 25–29.

- Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. М., 1984.
- Пшеницына М.Н. Курганы и могилы на дне Красноярского водохранилища // АО 1973 года. М., 1974. С. 219–220.
- Пшеницына М.Н., Пяткин Б.Н. Памятники окуневского искусства из кургана Разлив-Х // КСИА. М., 1993. №209. С. 58–67.
- Пяткин Б.Н. Происхождение окуневской культуры и истоки звериного стиля ранних кочевников // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1987. С. 79–83.
- Пяткин Б.Н., Миклашевич Е.А. Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990. С. 146–153.
- Савинов Д.Г. Окуневские могилы на севере Хакасии // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 111–117.
- Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб., 1996. 112 с.
- Савинов Д.Г. О стиле «тощих быков» в окуневской изобразительной традиции // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. СПб., 2004. С. 246–254.
- Савинов Д.Г., Подольский М.Л. Две окуневские плиты из ограды тагарского кургана (могильник Есино-IX) // Проблемы изучения окуневской культуры. СПб., 1995. С. 48–52.
- Семенов В.А. Неолит и бронзовый век Тувы. СПб., 1992. 135 с.
- Хлобыстина М.Д. Этнокультурные соответствия в древней истории Южной Сибири // Этногенез народов Северной Азии. Новосибирск, 1969. С. 79–81.
- Чеченкова О.П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н. э. Екатеринбург, 2004. 334 с.
- Шер Я.А. О возможных истоках скифо-сибирского стиля // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М., 1998. Вып. 2. С. 218–230.
- Leont'ev N., Kapel'ko V. Steinstelen der Okunev – Kultur // Archäologie in Eurasien. Mainz, 2002. Band. 13. 110 s., 118 taf.

Л.С. Марсаолов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ СВАТИЛИЩ САЯНО-АЛТАЯ*

В работах Юрия Федоровича Кирюшина неоднократно рассматривались многие проблемы духовной культуры народов Западной Сибири разных исторических периодов.

Святилища Саяно-Алтая – своеобразные культовые памятники древних кочевых племен, которые эпизодически изучаются с XVIII в. Большой вклад в их исследование внесли Г.И. Спасский, В.В. Радлов, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, С.И. Руденко, М.П. Грязнов, С.В. Киселев, А.П. Окладников, Л.Р. Кызласов, С.С. Сорокин, А.Д. Грач, М.А. Дэвлет, В.Е. Ларичев, А.П. Деревянко, В.И. Молодин, А.И. Мартынов, Я.А. Шер, Д.Г. Савинов, Ю.Ф. Кирюшин, М.Х. Маннай-оол, Я.И. Сунчугашев, Е.А. Окладникова, В.Д. Кубарев, Б.Х. Кадиков, Л.С. Марсаолов, Ю.С. Худяков, В.А. Могильников, А.С. Суразаков, З.С. Самашев, Н.А. Боковенко, А.А. Тишкин, Н.В. Полосьмак, Ю.Т. Мамадаков, В.А. Семенов, М.Е. Килуновская, В.Б. Бородаев, П.И. Шульга, М.Т. Абдулганеев, Н.Ф. Степанова, А.С. Васютин, С.А. Васютин, А.С. Ермолаева, В.А. Кочеев, Д.В. Черемисин, Л.М. Чевалков, В.И. Соенов, В.Н. Елин, Б.Н. Пяткин, Е.А. Миклашевич, К.В. Чугунов, П.К. Дашковский, Э. Якобсон и многие другие археологи.

Несмотря на то, что в настоящее время в этом регионе изучено много культовых археологических объектов, осознание ряда их сакральных функций пока остается малодоступным для современных исследователей.

Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа более 20 лет исследует древние святилища кочевников и производит астроархеологические работы в разных регионах Центральной Азии и Южной Сибири.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 03-01-00468а).

При изучении древних святилищ в задачи этой экспедиции входили:

1) поиск новых и более детальное изучение уже известных местонахождений с культовыми объектами; 2) археологические, палеоастрономические и геодезические исследования на них; 3) «привязка» памятников и объектов к окружающему горному ландшафту и др.

Многочисленные археологические факты позволяют не только поставить, но и более подробно рассмотреть вопросы о наличии у кочевых племен Евразии во II–I тыс. до н.э. и позднее своеобразных культовых центров и святилищ, служащих для различных ритуальных целей, в том числе и для довольно сложных обрядов поклонения небесным светилам и коню, посвященному Солнцу.

При интерпретации древних культовых объектов необходимо различать три аспекта: реально-материальный, древненаучный и сакральный.

Реально-материальный аспект включает в себя всесторонние сведения о памятнике в целом, о раскопанных или внешне изученных, а также подробно зафиксированных там объектах.

Древненаучный аспект – сумма знаний, заложенных в древнее святилище (иногда на протяжении нескольких десятилетий, столетий, тысячелетий), выявленных на основе найденных общих и частных закономерностей: 1) математические, геометрические, астрономические, технологические, ландшафтно-географические и многие другие отрасли знания; 2) поиск и реконструкция основных метрических модулей между объектами или разными частями одного сооружения; 3) объяснение назначения линий, проходящих через центр разнообразных объектов, в том числе и при их совпадении с астрономически значимыми направлениями.

Сакральный аспект можно выявить при изучении: 1) культовых функций и формы объектов, сооруженных в определенное время, в специально выбранных точках; 2) выбора места для святилища в окружающем ландшафте (древнего «фэн-шуй»); 3) широкого использования «оппозиций» при сооружении объектов – верх-низ, восток-запад, гора-западина и пр.; 4) сложной системы разметки между разными типами объектов; 5) наличия своеобразных «дорог», соединяющих объекты и часто уходящих за границы исследуемого памятника; 6) древних сакральных знаний по общей «картине мира» кочевников, астрономии, математике, геометрии и др.

Надо только не останавливаться на первых ступенях изучения памятников, а, привлекая сумму современных методов исследований, попытаться реконструировать мировоззренческие основы, заложенные в древние объекты.

Памятники культовой деятельности в Саяно-Алтае изучены пока мало и могут быть подразделены на **святилища** (находящиеся на равнинах – керексуры, выкладки, «оленные» камни, стелы; в пещерах – ниши, гроты, выкладки, наскальные изображения; на склонах, вершинах или перевалах гор – обо, выкладки, стелы, «ворота», наскальные рисунки); **астрономические пункты наблюдений** (ниши, гроты, земляные и скальные «ямы», выкладки, отдельные ряды камней и стел, лунки и наскальные изображения), **отдельные культовые объекты** (стелы, «кольца», выкладки, наскальные изображения) и **сакральные клады** (табл. 1).

Следует отметить, что многие из вышеназванных объектов находятся в открытых степных районах или на окружающих их горах. В ряде случаев они были хорошо известны современному и древнему местному населению, которое неоднократно дополняло и переиспользовало памятники «своих предков».

Составленная таблица культовых археологических памятников Южной Сибири в какой-то степени носит прогностический характер, так как ни в одном из отдельно взятых регионов на этой обширной территории (на Алтае, в Туве, Хакасии и др.) все их виды еще не найдены в полном объеме, но, возможно, их перечень позволит археологам направить свои усилия на целенаправленное изучение духовной культуры древних кочевников.

Обычно святилища – это сложный комплекс разновременных объектов, в который входят необходимыми составными частями алтари, вертикальные каменные изваяния («оленные» камни, стелы, менгиры), разнообразные керексуры, выкладки, наскальные рисунки и другие сооружения. В этих объектах, безусловно, отражено мировоззрение, миропонимание и культово-религиозные представления заказчиков и мастеров. Предста-

Таблица 1

Культовые археологические памятники и объекты
Южной Сибири I тыс. до н.э.

Функция	Археологический памятник	Отдельный археологический объект
Культовая	Святилище на равнине или на склоне горы	керексур каменное изваяние («оленный» камень) стела, деревянный столб выкладка, «кольцо», ограда наскальные изображения (пестролифы) плита-алтарь «обо»
	Святилище на вершине горы или на перевале	выкладка, «кольцо» стела «ворота» наскальные изображения
	Пещерное святилище	пещера ниша, грот выкладка наскальные изображения
	Астрономический пункт наблюдения	яма земляная «яма» скальная ниша грот выкладка отдельные камни стела наскальные изображения «лунка»
	Отдельные объекты	стела «кольцо», выкладка наскальные изображения
	Клад	«сакральный» клад бытовой «клад» – ?

вители различных племен, из соседних и далеких регионов, могли участвовать в праздниках дружественных конфедераций, обмениваться духовным опытом и новыми достижениями в познании.

Святилища в Тархате, Туру-Алты, Юстыде, Саглы, Адыр-Кане, Семисарте на Саяно-Алтае находятся на близкой широте ($52^{\circ} \pm 1-2^{\circ}$ с.ш.) с такими известными памятниками, как стоянка Мальта в Прибайкалье, курган-храм Аржан в Туве, Очаровательная и Ак-Баур на Западном Алтае, комплексом объектов Аркаим в Зауралье и Стоунхендж в Англии. Широта 52° примечательна тем, что только на ней солнечные лучи под прямым углом падают на Землю, что максимально удобно для постоянных наблюдений за движением небесных светил.

Необходимость астрономических наблюдений у кочевых народов Евразии заключалась в сакральности времени вообще – время священо. Небесные светила, в первую очередь Солнце и Луна, затем созвездия, были составной частью культа Неба. Отсюда вытекала потребность их познания, согласования своей жизни с их основными ритмами.

Знание точного времени наступления начала года, сезона, того или иного праздника было необходимо для его подготовки, проведения и достижения максимальных результатов. Требовалась согласованность ежегодного и многолетнего хозяйственного цикла с основными моментами восхода и захода солнца в дни весеннего и осеннего равноден-

ствия, зимнего и летнего солнцестояния, а также с основными фазами высокой и низкой луны. Во время ежегодных перекочевок и походов на далекие расстояния, особенно в бескрайних степях или пустынях, где нет других надежных ориентиров, люди сверяли свой путь с Полярной звездой или со звездой, ранее находившейся на ее месте, а также основными созвездиями ночного неба (Большой Медведицей, Орионом и др.). Показать рядовым кочевникам наиболее важные созвездия и обучить их основам астрономических знаний древние ученые-жрецы могли прежде всего при подготовке и проведении ритуальных действий на святилищах.

В результате астроархеологических исследований, выполненных Саяно-Алтайской экспедицией Государственного Эрмитажа на многих культовых памятниках Южной Сибири, выявлена довольно четкая корреляция центра объектов с наиболее значимыми астрономическими направлениями, связанными с восходами/заходами Солнца и Луны, а также окружающими горами (на Аржане, Саглы, Юстыде, Тархате, Туру-Алты, Чуе, Семисарте, Ак-Бауре, Бийке, Салбыке и др.).

Следует отметить общие закономерности в выборе местонахождений в I тыс. до н.э. для ритуально важных объектов в Саяно-Алтае. Как правило, выбирались только межгорные долины, в которых на южной и северной сторонах горизонта были высокие горы, а на западной и восточной – низкие (Аржан, Саглы, Юстыд, Чуйский комплекс, Бийке и др.). Если на Чуйском святилище центральное каменное изваяние было ориентировано лицом на восток, то на могильнике Бийке астрономически значимой стороной горизонта является запад. Возможно, это связано с тем, что Чуйское святилище служило для ритуалов живым людям и ассоциировалось с восходом Солнца, а урочище Бийке в первую очередь использовалось для погребения умерших, поэтому здесь и преобладала западная сторона, где заходило (умирало) Солнце.

Почти на всех святилищах Саяно-Алтая прослежена еще одна закономерность в размещении культовых объектов: один конец линии обращен на вершину горы или горный снежник, а другой – на межгорную западину или относительно ровное место. Разметка и размещение объектов производились не один год, а для более глубокого осознания связей между бинарными оппозициями окружающей природной среды они постоянно дополнялись все новыми объектами. В наиболее важных точках и на пересечениях разметочных линий сооружались стела, выкладка, обо, курган и другие объекты. Отдельно лежащие, разные по цвету камни, разнообразные по форме и назначению выкладки, курганы, керексуры, каменные изваяния, наскальные изображения, астрономические пункты наблюдений часто образовывали определенную сложно организованную систему, отражающую сакральные взаимоотношения человека с окружающей его природной средой и космосом.

Хотя письменные источники не сохранили для нас сведения о культовых центрах, заказчиках, жрецах и мастерах Центральной Азии, которые их создали в I тыс. до н.э., потомкам в наследство остались объекты на местности в виде сложных культовых сооружений. За прошедшее столетие археологами, изучающими памятники кочевников Центральной Азии I тыс. до н.э., накоплено большое количество интересных, но пока разрозненных фактов, которые, вероятно, могут быть объединены, исходя из одной или нескольких объясняющих гипотез. Важным представляется сопоставление эмпирических данных об археологических памятниках с краткими сведениями письменных источников, а также выводы из археологических, этнографических и палеоастрономических исследований.

Геродот (I, 216), описывая обряды массагетов (обычно локализуемых на территории Приаралья), отмечал: «Из богов почитают только солнце, которому они приносят в жертву коней. Смысл этого жертвоприношения таков: самому быстрому из богов они отдают самое быстрое из смертных существ». Этот обряд, очевидно, был распространен гораздо шире территориально – не только в Приаралье, но и в других регионах, а истоки его уходят в глубь времен.

Во II–I тыс. до н.э. в Центральной Азии существовали разные по своей значимости святилища – союзов племен, племенные, родовые и т.п. (табл. 2). Сооружение каждого нового культового центра было длительным и многоэтапным. Этот процесс требовал больших духовно-научных знаний, материально-людских ресурсов и затрат.

Культовый центр союза племен (межплеменной). Таких центров на территории Саяно-Алтая было не очень много. Несомненно, крупнейшим не только погребальным, но и межплеменным культовым центром союза племен в Центральной Азии является самый большой курган-святилище, посвященный Солнцу – Аржан в Туве, раскопанный М.П. Грязновым и М.Х. Маннай-оолом. В плане памятник имел форму «солнца с лучами», с дополнительной сложной системой округлых выкладок. Всего около кургана Аржан было более 300 выкладок, что, возможно, сопоставимо с числом дней в году («маленьких ежедневных солнц»). В Аржане было не только совершено погребение вождя союза племен и его приближенных, но также принесено в жертву и погребено более 160 коней, что связано с календарной символикой (группы по 3, 7, 12, 15, 30, 90 коней). Аржан пока является с одним из самых ранних памятников «раннескифского» времени, датируется около 808 г. до н.э.

Племенные культовые центры включали в единую систему более или менее сложные модели «Солнца» из камней, которые местное население и археологи называют керексурами, а также «оленные» камни, выкладки, камни с изображениями коней, а иногда и рядом расположенные наскальные рисунки.

Основные памятники – Улуг-Хорум (Южная Тува), Юстыд, Туру-Алты, Тархата (Юго-Восточный Алтай), Ак-Алаха-2 (Южный Алтай), Семисарт, Чуйский комплекс у скалы Адыр-Кан (Центральный Алтай), Бийке (Северный Алтай), Майэмир, Сентелек (Северо-Западный Алтай), культовые центры в Монголии и других местах. Результаты исследований на этих памятниках отражены в работах А.Д. Грача, В.В. Волкова, Э.А. Новгородовой, М.А. Дэвлет, Е.А. Окладниковой, В.Д. Кубарева, Л.С. Марсадолова, Ю.С. Худякова, З.С. Самашева, А.А. Тишкина, Н.В. Полосьмак, П.И. Шульги, В.И. Соенова, Д.В. Черемисина и других археологов.

Культовые места находились в специально выбранных точках, а также на могильниках рядом с погребением человека или отдельно. В состав комплексов входили конская сбруя или изображение коня, изредка – навершие или котел. На ряде предметов отмечены солярные символы.

Основные памятники – Штабка (на Верхней Оби), Вакулиха (предгорья Алтая), Измайловка (Западный Алтай), Кок-су-1, к. 42 (Южный Алтай), Алды-Бель-1, Хемчик-Бом-III, Ортаа-Хем-III, Баданка (Тува) и др. Культовые места и «клады» рассматривались в работах А.П. Уманского, С.С. Сорокина, А.Д. Грача, М.П. Грязнова, Н.Л. Членовой, М.Х. Маннай-оола, Л.С. Марсадолова, Н.А. Боковенко, А.С. Ермолаевой, В.Б. Бородаева, А.А. Тишкина, Ю.Ф. Кирюшина, П.И. Шульги, К.В. Чугунова и др.

Не исключено, что многие объекты, интерпретированные археологами как «ритуальные клады», являлись лишь частью довольно сложной религиозно-мифологической картины окружающего мира, посвященной не только культу Неба, Солнца и Луны, но и другим природным объектам – горам, воде, огню. Вероятно, были как специально отведенные места, посвященные культу солнца и связанного с ним культа коня, так и культовые места на могильнике, которые постепенно стали частью погребального обряда. А жертвоприношение коня заменили его уздечкой и седлом. Со временем конь стал не только спутником человека в загробном мире, но и символом Солнца, что наиболее ярко отражено в материалах из больших Пазырыкских курганов.

Но не только с культом коня были связаны полифункциональные святилища Саяно-Алтая. Культы Неба, Солнца, Луны, Огня, Земли, Воды, Древа и Горы были одними из самых главных в ритуальной жизни древних кочевых племен Центральной Азии в первой половине I тыс. до н.э. Возможно, именно устремленностью к Небу, к вершинам гор, а не под землю (с постоянной тенденцией к углублению ямы), объясняется наличие погребального обряда захоронения человека с конем на поверхности земли (на уровне древнего горизонта) в этом и других регионах, и не только в элитных курганах типа Аржан, но также и в средних и рядовых курганах (Курту, Ак-Алаха, Семисарт, Бийке и др.). Культы Неба, светил, стихий и животных, зародившиеся еще в эпоху палеолита, постоянно дополнялись все новыми объектами и обрядами, прошли через века и тысячелетия до этнографической современности.

Суммируя данные о древних святилищах Алтая, можно отметить их общие и специфические черты (табл. 3). Необходимость поклонения разным божествам Неба, Земли, Огня, Воды, Древа, Горы, в том числе и небесным объектам – Солнцу, Луне, созвездиям, а также Первопредкам и Воинам-героям, для согласования ежегодных хозяйственных, социально-демографических циклов кочевников с сакральными, природными и небесными явлениями неизбежно приводила к идее создания святилища и алтаря.

В зависимости от доминирующего окружающего ландшафта святилища могли сооружаться как на горных склонах, так и в широких межгорных долинах. Святилища на склонах гор в основном находятся в Центральном и Северном Алтае (Семисарт, Бийке).

Крупные культовые центры в обширных долинах больше тяготеют к Юго-Восточному Алтаю и Южной Туве (Юстыд, Саглы), региону, который, вероятно, был северной окраиной могущественной культуры керексур и «оленных» камней с основной территорией в Монголии.

Как правило, к месту для святилища предъявлялись определенные требования. Максимально соблюсти необходимые критерии для поиска будущего места могли только специально подготовленные люди – жрецы-геоманты, хорошо разбирающиеся в вопросах согласования сакральных и природно-ландшафтных закономерностей с иерархичными социальными структурами общества и т.п. В зависимости от ранга святилища на них могли происходить не только ежегодные празднества, но и выборы местных и племенных правителей.

Вероятно, одним из главных требований при выборе местоположения для святилища, особенно на горах, было наличие на вершине скального выступа с гладкой поверхностью для несения наскальных рисунков, а также наличие удобных подходов к ним для проведения ритуальных действий. Выбирая место для святилища на равнине, большое внимание уделяли разности высот гор, окружающих эту долину.

В центре святилища на равнине в качестве своеобразного алтаря ставился самый большой «оленный» камень или стела с изображениями. Верхняя часть изваяния уходила в небо, средняя была на уровне людей, а нижняя – опущена в землю, в подземный мир.

При сооружении новых грандиозных сакральных объектов из камня, например, таких как керексуры с большим числом выкладок вокруг них, особенно был необходим коллективный посильный труд рядовых кочевников.

При проведении регулярных праздников на святилищах соблюдали определенные ритуальные действия, часто трудно восстанавливаемые по данным археологии. Можно лишь констатировать зафиксированные материализованные остатки таких действий – ряды стел или «оленных» камней, каменные выкладки с остатками кострищ или кальцинированных костей; наличие больших керексур и небольших курганов с останками жертвоприношений людей, животных и т.п. В ходе ритуальных действий участников постепенно подвели к главной точке святилища – алтарю. Путь вдоль изваяний, стел, выкладок, керексур, вероятно, сопровождался необходимыми ритуалами и разъяснениями, в ходе которых не только «зрителями», но и активными участниками могли быть и рядовые кочевники.

Возможно, на крупные праздники съезжались представители соседних и далеких регионов со своим опытом сооружения святилищ или проведения ритуальных действий, что могло приводить к созданию новых ритуалов и объектов. Не исключено, что на праздники на нескольких лошадях и волокушах могли привозить и своеобразные сакральные «подарки» – небольшие «оленные» камни или стелы с изображениями, которые отсутствовали в данном районе. При сооружении каменных изваяний и других объектов могли приглашать артели мастеров из соседних регионов.

Следует отметить довольно высокий уровень знаний древних кочевников Саяно-Алтая, использующих при разметке как малых, так и больших объектов, простых и сложных композиций, отдельных плоскостных и объемных изображений окружность и круг, равносторонний и равнобедренный треугольники, квадрат и прямоугольник, параллелограмм и ромб, трапецию, конус, прямой угол и др. Обычно использовали как одиночное, двухкратное, так и многократное увеличение размеров.

Таблица 3

Общее и специфическое для разных типов древних святилищ Саяно-Алтая

Этапы создания святилища	Святилище на склоне горы	Святилище на равнине	Общее
1. Идея создания святилища	Потребность у древних кочевников поклонению разным божествам для согласования сакрально-природных и хозяйственно-социальных циклов (пока частично скрытая от нас необходимость в этом)	Широкая межгорная долина доступная со всех сторон	Необходимость
2. Выбор места для святилища	Межгорное урочище замкнутое с трех сторон (в основном вход с южной стороны)	Вертикальный искусственный или естественный объект – «оленный» камень или стела (с сакральными верхней, средней и нижней частями)	Доступность
3. Определение места для главного «алтаря»	Скальный выступ с гладкой плоскостью в верхней части естественного урочища + дополненные изображениями, выкладками и стелами	Схождение к главному алтарю со всех сторон разных линий разметки объектов (ОК, стел, керексуров, выкладок и др.)	Устремленность (к небу–человку–земле = = верх–середина–низ)
4. Разметка объектов и обозначение пути к алтарю	«Веерообразность» – схождение объектов к одной точке – к главному алтарю (стел, выкладок, курганов и других объектов)	Проведение ритуалов и соблюдение ритуалов через определенный отрезок времени (при участии жрецов, вождей, воинов, рядовых кочевников и гостей из других регионов)	Удобность (при указании направления на алтарь)
5. Ритуалы и праздники на святилище	Постоянное дополнение всё новыми объектами для более глубокого осознания сакрально-природных связей (выкладками, стелами и др.) (курганами, набл. пунктами) (ОК, керексурами, «колымаги»)	С неолитом, бронзой и железом (иногда от эпохи бронзы до средневековья)	Регулярность
6. Своеобразие новых дополнительных объектов	Туру-Алты (Ю-В Алтай); Семисарт (Центральный Алтай); Бийке (Северный Алтай)	Архан (Северная Тува)	Дополнительность (новыми объектами и связями)
7. Возрождение святилища	Тархата (Ю-В Алтай); Юстыд (Ю-В Алтай); Саглы (Южная Тува); Архан (Северная Тува)	Промежуточное положение занимает святилище Адыр-Кан (Чуйское) в Центральном Алтае	Неоднократность
Основные памятники			

При сооружении новых объектов постоянно учитывали все более глубокие связи в окружающем ландшафте, основанные на запоминающихся ярко выраженных оппозициях типа верх-низ, вершина-западина. «Указательными» знаками такой сакральной разметки служат четко выраженные линии, образуемые различными объектами, расположенными рядами. В святилищах на горах несколько линий объектов «веерообразно» сходились в одну точку – на главный «алтарь». В широких долинах таких сакральных линий было гораздо больше. Они не только указывали путь к главному алтарю, «оленному» камню или стеле, но и уходили за пределы святилища, образуя сложные связи с другими культовыми центрами и окружающей природой.

При крупных катаклизмах в обществе – смене или уходе населения, изменении мировоззренческих основ и т.п. – святилища часто переставали функционировать и забрасывались. В широких долинах, где много новых близких участков, такие святилища часто предавались забвению на многие столетия. В горных районах удобных мест для святилищ гораздо меньше, поэтому, несмотря на большие перерывы в их использовании, они функционировали гораздо дольше и в разные исторические эпохи. Для укрепления и сакрализации преемственности власти новые правители и жрецы часто использовали «культ предков», ранее обитавших в этих районах, их право на глубокие «родовые корни» на эту территорию, что приводило к новому возрождению ранее забытых святилищ, подновлению старых и сооружению новых объектов.

В целом святилища были одной из главных частей общей сакральной «модели мира» древних кочевников и именно на святилищах они, по мере возможности, старались воспроизвести ее основные элементы.

П.И. Шульга

*Лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири
ИАЭт СО РАН и НИИ ГИ при АлтГУ, Барнаул*

О МЕТОДИКЕ РАСКОПОК И ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В последние десятилетия курганы VII–III вв. до н.э. на Алтае с заглубленными ниже уровня материка захоронениями (часть памятников раннескифского времени, пазырыкская, быстринская и каменная культуры) раскапываются с оставлением ориентированных по сторонам света одной или двух перпендикулярных бровок, размечаемых по центру насыпи вне зависимости от места нахождения могилы (могил). По этой причине вычерчиваемые по бровкам разрезы зачастую не захватывают находящиеся ниже могилы. В результате удается проследить только конструкцию насыпи. В тех же случаях, когда могильная яма (ямы) попадает в разрез, то ее заполнение отображается на общем чертеже лишь условно, так как рисуется только разрез насыпи до уровня материка, а находящееся ниже заполнение могилы раскапывается в плане по штыкам без разрезов. Между тем существует и другая методика раскопок, когда бровка (бровки) намеренно размечается с расчетом включения в них максимального количества могил, таким образом, чтобы разрез проходил поперек центральной ямы. Основное отличие этой методики в том, что после снятия одной половины кургана до уровня материка исследуются только выступающие за линию разреза части могильных ям. Заполнение в них выбирается до внутримогильного перекрытия или костяка человека (если перекрытие не прослеживается). В итоге образуется полный единый разрез от верха насыпи до дна могилы (могил), что дает существенную дополнительную информацию по первоначальному устройству центральной части кургана и внутримогильной конструкции, их последующим изменениям. В грабленных могилах желательно делать дополнительные разрезы непо потревоженных участков. Указанная методика и порядок работ позволяют в случае каких-то неясностей в изучаемой части сооружения рассмотреть эти моменты более внимательно при исследовании второй половины кургана и могильной ямы как в разрезе, так и в плане. Затем снимается вторая половина

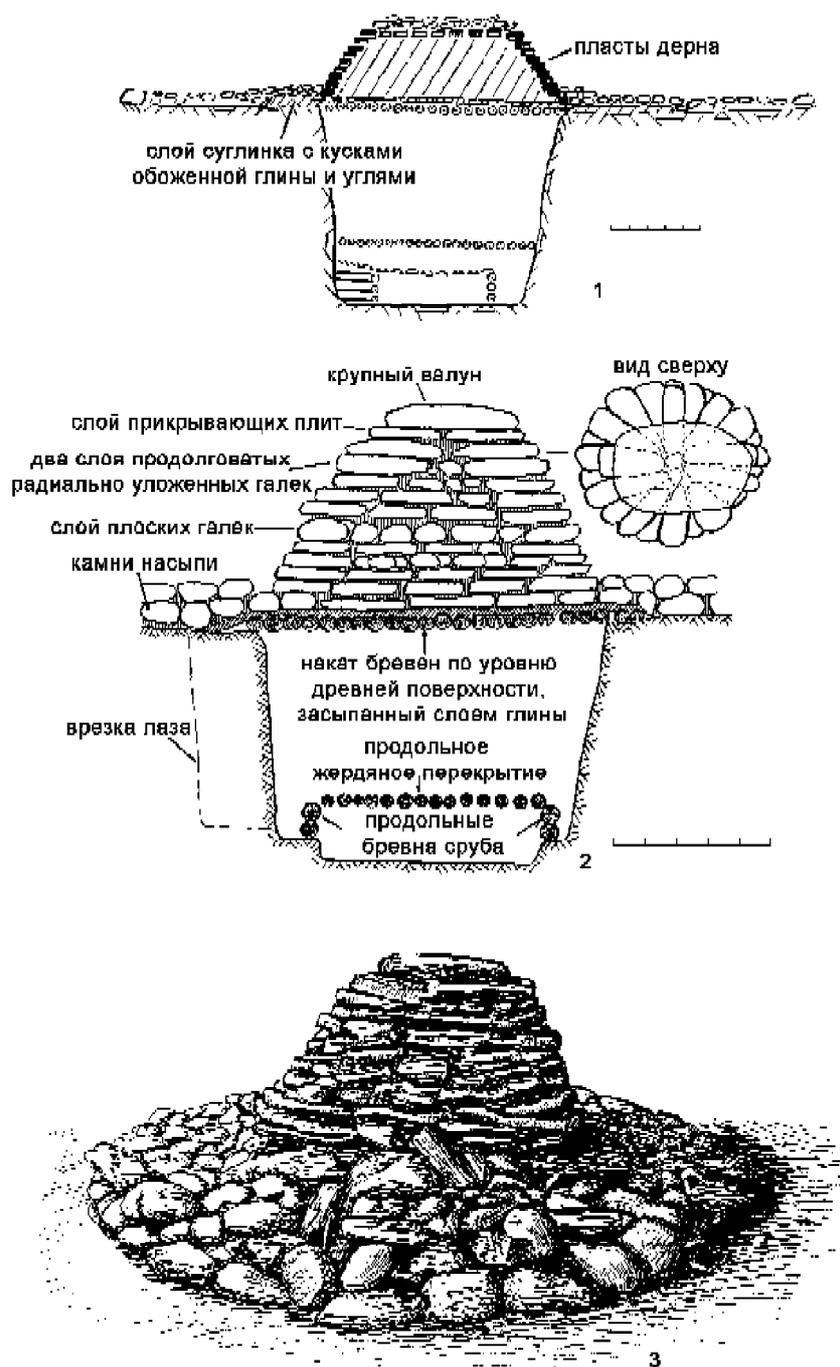

Рис. 1. Временные «пирамидки» курганов пазырыкской культуры:
1 – реконструируемый поперечный разрез кургана №3 могильника Покровский Лог-5 (Сентелек);
2, 3 – реконструируемый поперечный разрез кургана №13 могильника Усть-Теплая и его внешний вид после восстановления

насыпи, бровка остается неразобранной. После чего выбирается вторая половина могильной ямы и разбирается бровка над могилой. Ямы больших размеров исследуются до надмогильного перекрытия с оставлением бровки.

Такого рода методика с оставлением сплошных разрезов широко применялась А.Д. Грачом в Туве, что позволило достоверно выявить подхоронительные ходы в саглинских могилах, проследить обычно не замечаемые в плане особенности внутримогильных конструкций и подхоронений. Использование ее на Алтае дало возможность выявить в пазырыкской культуре курганы с временными «пирамидками», на конкретных материалах вновь поставить вопрос о длительности и поэтапности создания кургана, проследить движение находящихся на склонах каменных курганных конструкций.

Склепы, «пирамидки» и продолжительность формирования курганов пазырыкской культуры. Курганы с временными «пирамидками», возводимыми над незаполненными грунтом могильными ямами, первоначально обнаружены автором в долине р. Сентелек в среднегорьях Северо-Западного Алтая (Шульга П.И., 1997). Затем подобные курганы исследовались ниже по Чарышу на могильниках Чесноково-2 и Усть-Теплая (рис. 2.-1; 1.-2, 3; Шульга П.И., 2001). Наиболее хорошо данная конструкция сохранилась в кургане №13 на могильнике Усть-Теплая. Установлено, что, как и в Сентелеке, на перекрывавшем могилу бревенчатом накате (перекрытии) сооружалась пирамидка. В отличие от курганов Сентелека, где за единичным исключением пирамидка возводилась из земли и дерна с каменной облицовкой (рис. 1.-1), в Усть-Теплой она полностью состояла из плит и галек. Земля там использовалась лишь для выравнивания слоев камня и в качестве связующего раствора. Благодаря большому количеству плитняка, а также сохранившемуся в западной части могилы фрагменту рухнувшей в могилу пирамидки удалось выяснить ее конструкцию (рис. 1.-2).

Первый снизу ряд выкладывался из плит и плоских камней на глинистом слое, перекрывавшем в свою очередь бревенчатый накат (рис. 1.-2). Выше располагалось еще 3–4 слоя плитняка с небольшим количеством плоских галек. Шестой слой на 50 см выше основания состоял из уплощенных галек. Далее укладывалось еще не менее трех слоев плитняка. Верхнюю часть пирамиды составляли радиально уложенные продолговатые гальки. Судя по количеству, их было примерно два слоя. Пространство между плитами, камнями и слоями заполнялось землей. Исходя из особенности завала и результатов проведенного эксперимента, можно заключить, что вся вышеописанная конструкция представляла собой округлую усеченную пирамиду с диаметром основания около 2 м, высотой около 1,2–1,3 м (рис. 1.-2, 3). Особо отметим намеренность помещения в верхней части удлиненных галек. Некоторые из них при длине до 50 см имели в поперечном сечении 7–10 см. Думается, что основным их назначением было автоматически происходящее после обвала пирамиды заклинивание верхней части могилы, препятствующее ее раскопкам. Даже при помощи лома, находящийся на поверхности завала человек не может вывернуть вертикально вставшие гальки и плиты, и выборка заполнения эффективна только при работе высоким уступом, начиная от края могилы. После обвала надмогильных сооружений (в частности, «пирамидок») образовавшиеся западины в Сентелеке, Усть-Теплой и Чесноково-2 частично засыпались грунтом и закладывались по верху камнями и плитами.

Подобные результаты получены в 2004 г. на могильнике Тавдушка (рис. 2.-1; Нижняя Катунь). Оставление сплошных вертикальных разрезов от поверхности курганов до внутримогильных перекрытий позволило установить, что в курганах №9–10, как и в Чарышском районе, над не заполненной грунтом могилой на жердяном настиле у поверхности сооружалась небольшая конструкция из грунта или из грунта и плит. Могилы засыпались только после естественного обрушения этого перекрытия, что хорошо фиксируется по гумусированным слоям от перекрытий и находившейся на них земли и тлена, просевших на глубину от 80 см в кургане №9 и до 155 см в кургане №10 (рис. 3). Подчеркнем, что, в отличие от сентелекских, могилы в Тавдушке нельзя называть склепами – они предназначались для одиночных захоронений. Следовательно, в данном случае устроители захоронения оставляли пустоту в могиле не для удобства совершения дополнительных

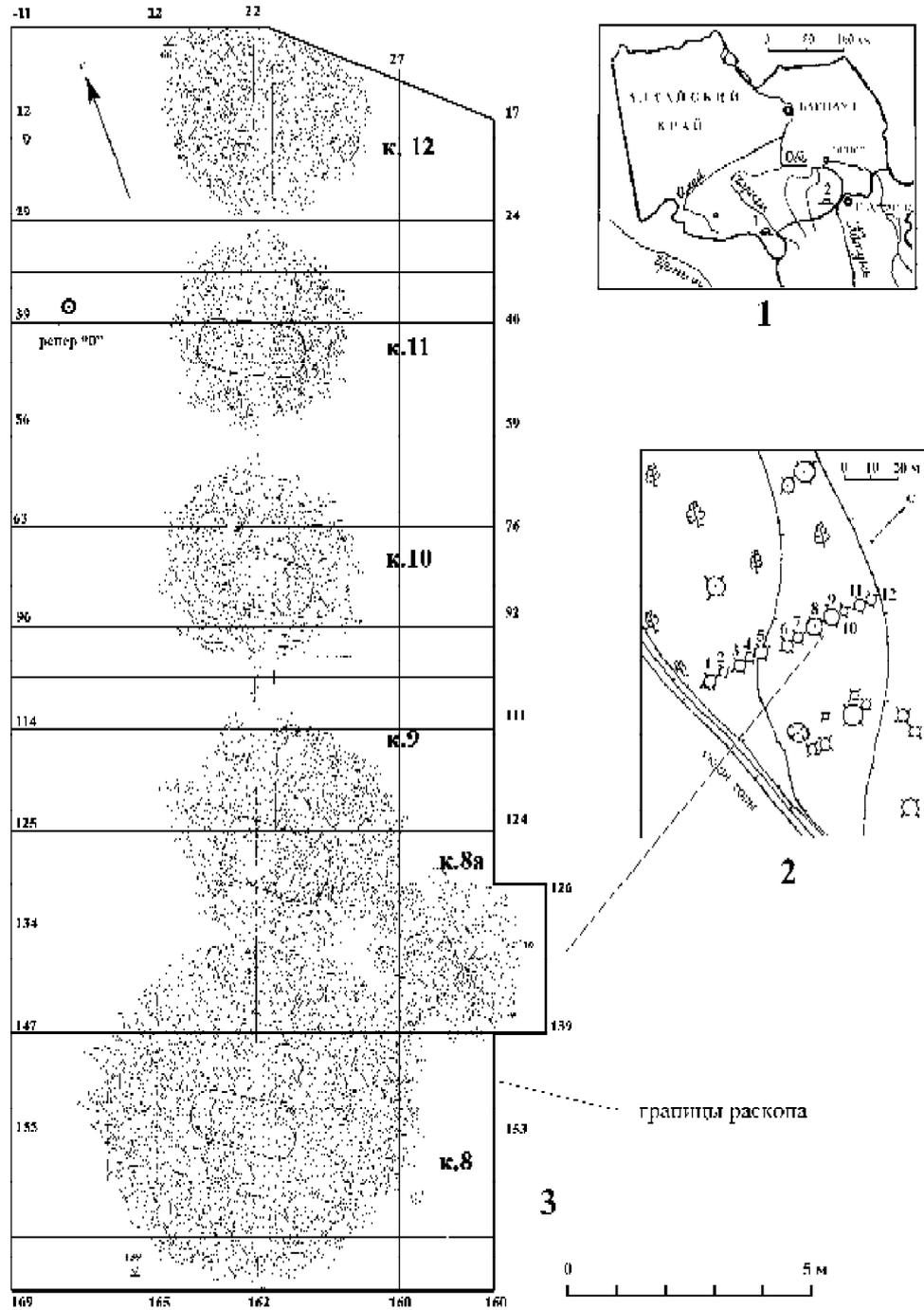

Рис. 2. Курганы могильника Тавдушка: 1 – карта расположения могильников Сентелека и Усть-Теплой (1), Тавдушка (2); 2 – план южной части могильника до начала раскопок; 3 – план сместившихся насыпей и относительно неподвижных могил курганов №8–11

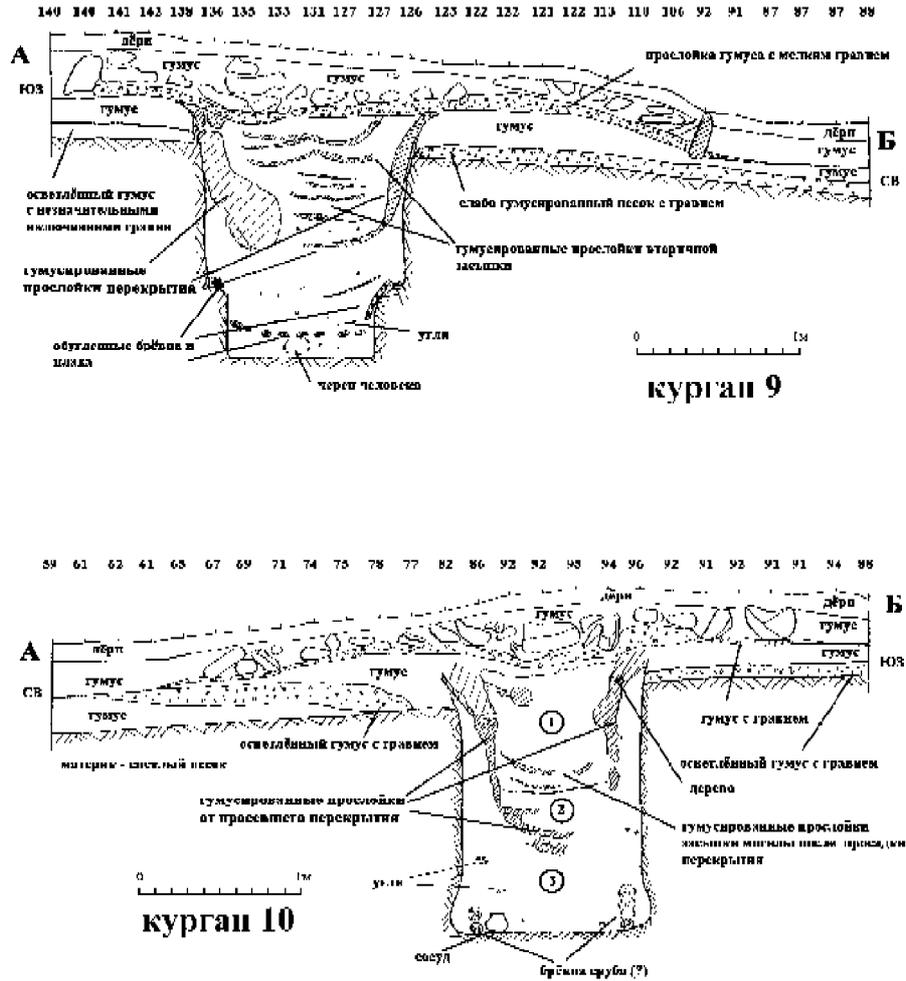

Рис. 3. Разрезы насыпей и могил курганов №9 и 10 могильника Тавдушка

подхоронений, а для осуществления контактов с изначально погребенным человеком и проведения соответствующих обрядов.

Независимо от имеющихся различий дальнейшие действия на всех четырех курганах Тавдушки в древности были одинаковыми. По истечении 10–20 лет после погребения человека (судя по времени, требуемому для сгнивания и обрушения жердевых перекрытий в могилах курганов №9 и 10) яма засыпалась до верха послойно песком и землей. Немного была досыпана после обрушения внутримогильного перекрытия и просевшая на 40 см могила в кургане №11. В результате могилы во всех четырех курганах в Тавдушке к определенному моменту после обрушения перекрытий были засыпаны доверху. Затем площадка присыпалась тонким слоем песка с гравием, на котором сооружалась каменная насыпь. До возведения насыпи заполнение могил, по-видимому, сразу же плотно утрамбовывалось, что хорошо прослеживается по разрезам (рис. 3) – устроенные позднее сверху слои песка с гравием и каменная кладка совсем не просели в курганах №8 и 11 и лишь чуть опустились в курганах №9 и 10. Очевидно, как в Куроте и Туэкте (Киселев С.В., 1951, с. 353; Руденко С.И., 1960, с. 103, 327), насыпь в Тавдушке сооружалась на площадке также по прошествии определенного времени. С.И. Руденко считал, что крупные насыпи над

княжескими захоронениями могли возводиться через год (или через несколько лет) собравшимися на поминки родственниками и союзниками. Объяснялось это трудностью в короткий срок заготовить, подвезти и построить курган из нескольких тысяч кубометров камня (Руденко С.И., 1960, с. 327). Материалы из Тавдушки заставляют пересмотреть это предположение. Почти все исследованные там курганные насыпи имели диаметр около 3–3,5 м, мощность – в 1–2 слоя камней средней величины (рис. 2.-3). Такое сооружение могло быть возведено (включая и заготовку камня) даже одним человеком за 2–4 дня. Очевидно, после погребения умершего насыпи в Тавдушке возводились через несколько десятков лет не по причине трудностей доставки и укладки камня, а в соответствии с пока слабо известными нам нормами поминального обряда. Сакральная площадка вокруг насыпанной до верха могилы также, по-видимому, не сразу закладывалась камнями, а какое-то время служила местом совершения поминальных обрядов, фиксируемых под пазырыкскими насыпями по остаткам тризн (керамика, кости животных). Только после этого одновременно или в несколько этапов возводилась окончательная дошедшая до нас курганная конструкция. Значение данных наблюдений в Тавдушке трудно переоценить, поскольку даже в курганах из Сентелека и Усть-Теплой не удастся столь достоверно проследить обряд последующего насыпания могил и сооружения курганных насыпей только по прошествии значительного отрезка времени.

Проводимые работы по музеефикации и восстановлению погребальных и поминальных конструкций в Сентелеке, Усть-Теплой и Тавдушке в очередной раз подтвердили тезис о первоначальной сложности и изменчивости называемых «курганами» конструкций. Даже самые малые подкурганные захоронения предполагали целый комплекс сложных растянутых во времени ритуалов. Так, еще в древности (V–IV вв. до н.э.) сентелекские курганы имели последовательно три формы. Первоначально это был склеп с находящейся на поверхности кольцевой насыпью и пирамидой в центре (рис. 1). Затем, после обвала перекрытия, какое-то время можно было наблюдать насыпь с провалом, и только после заклада провала насыпь получала окончательную уплощенную форму. В Тавдушке конструкция с сооружением («пирамидкой» ?) из грунта и плит достоверно зафиксирована лишь в одном кургане №10. В других трех курганах первоначально каменной насыпи не было – она возводилась только впоследствии.

Итак, уже по имеющимся материалам мы вправе говорить о сложности и длительности растянутого на десятилетия процесса подготовки умершего к захоронению (мумификация, вторичные захоронения и пр.) и последующих действий: заполнение могильной ямы, возведение надмогильного сооружения, создание дополнительных поминальных (культурных) сооружений (кольцевые выкладки, «балбалы» и др.). Соответственно, нуждаются в пересмотре и корректировке концепции, фактически исходящие из тезиса о немедленном захоронении человека пазырыкской культуры после его смерти независимо от времени года и места, а также об одноактности заполнения могилы и сооружения кургана. Очевидно, что в жизни «пазырыкцев» (и не только их) связанная с культом предков обрядность занимала намного больше места, нежели представляется даже после знакомства с материалами из мерзлотных курганов.

В какой мере отмеченные особенности погребального обряда распространялись на Алтае? К сожалению, в отличие от вышеописанных курганов из Сентелека, Усть-Теплой, Чесноково-2 и Тавдушки, основная масса могильников скифского времени на Алтае была ограблена в древности, а некоторые перекапывались еще раз в XVIII–XX вв. Количество потревоженных человеком захоронений на отдельных могильниках достигает 70–90 и даже 100%. Соответственно, сделать уверенные выводы по сохранившимся не потревоженным участкам в таких курганах затруднительно. Основная же проблема в невнимании многих исследователей к особенностям внутримогильных и надмогильных конструкций, придерживающихся не всегда эффективной методики раскопок и фиксации материала. На равнине в многомогильных курганах каменной культуры по многочисленным наблюдениям, насыпь возводилась только по прошествии длительного времени, когда совершалось большинство намеченных захоронений. В горах в это время ситуация существенно различается.

ся, поскольку на погребальной площадке устраивалась только одна могила, которая теоретически могла сразу же засыпаться и перекрываться насыпью, а для подхоронения могли использоваться известные в Туве и в Горном Алтае подхоронительные ходы (см.: Шульга П.И., 2003, с. 47–48). Не углубляясь в эту почти не исследованную тему, отметим, что у большинства неграбленных пазырыкских курганов на поверхности наблюдается западина, образовавшаяся в результате просадки внутримогильной камеры. По наблюдениям А.Д. Грача (1980, с. 18), глубина западин в саглыньских курганах в случае полной просадки перекрытия до дна примерно соответствует первоначальной высоте просевшей погребальной камеры (сруба). Похожая картина и в пазырыкской культуре. Следовательно, в отличие от курганов Тавдушки, большинство пазырыкских надмогильных сооружений возводились еще до просадки срубов, но не сразу. По материалам из Куроты (Киселев С.В., 1951, с. 353) после возведения верхнего наката на переводинах и каменных стенках могила долгое время не засыпалась. Так что слои бересты, перекрывавшие срубы, были, по-видимому, не столько данью домостроительной традиции, сколько практическим действием с целью закрыть от осадков погребальную камеру с умершим. Но и после возведения кургана могила зачастую оставалась доступной через «подхоронительные» ходы (продолжение традиции раннескифских дромосов), которые, по всей видимости, использовались служителями культа и родственниками и для совершения обрядов (Савинов Д.Г., 1996, с. 109; Шульга П.И., 2003, с. 46), а позднее злоумышленниками с целью осквернения и грабежа. Тщательные наблюдения за устройством внутримогильных и надмогильных конструкций, несомненно, выявят и другие вариации, но нет сомнений, что отмеченные выше нетрадиционные конструкции скифского времени со склепами, «пирамидками», а также обычай сооружать «курганы» по прошествии длительного времени после похорон, были достаточно широко распространены на равнине и в Горном Алтае, в частности, в курганах с вторичными захоронениями. Находки в Тавдушке служат тому подтверждением.

О дрейфе курганных насыпей. По завершении предусматривавшихся поминальных обрядов процесс изменения курганной насыпи и самого могильника не останавливался – находившиеся на наклонных поверхностях каменные конструкции продолжали изменяться как за счет естественного разрушения, так и вследствие дрейфа насыпей вниз по склону. Несомненный интерес представляет хорошо заметный по стратиграфии в Тавдушке процесс постепенного оползания каменных насыпей вниз по склону, перепад которого по уровню древней поверхности составил на 25 м раскопа 205 см (от +139 см у кургана №8 до –66 см у кургана №12). В результате постепенного дрейфа каменные насыпи сместились вниз по склону по отношению к находящимся в материке «неподвижным» могилам примерно на 40–60 см (рис. 2.-3). Столь наглядная картина получилась благодаря удачному расположению курганов, вытянувшихся ровной цепочкой почти строго вниз по склону. Соответственно, курганы удалось разрезать одной бровкой, а потому дрейф насыпей замечательно прослеживается и в плане и в профилях (рис. 2.-3; рис. 3).

Наблюдения за взаиморасположением могилы (грабительской воронки) насыпи и обводного кольца «царского» кургана пазырыкской культуры в Сентелеке также указывают на постепенное сползание (дрейф) «тела» каменной насыпи вниз по склону: могильная яма (воронка) смещена на 4 м вверх по склону от центра насыпи; обводное кольцо в верхней части отстоит от края насыпи на 2 м, в нижней же скрывается под насыпью. Расположение разграбленной могильной ямы по центру «оставшегося на месте» обводного кольца, а не насыпи служит бесспорным доказательством дрейфа последней (Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И. и др., 2001). Величина этого смещения зависит от крутизны склона, времени сооружения и, вероятно, от состава подстилающего насыпь грунта. Например, позднеафанасьевское кольцо по отношению к могиле (Покровка-4 в долине Сентелека) сместилось на 60–80 см, а расположенные на подобном склоне курганы V–III вв. до н.э. – на 20–40 см. Именно этим, а не особенностями погребального обряда или неточностями жрецов-устроителей объясняется смещение могил относительно центра насыпи в Пазырыкских (см.: Руденко С.И., 1953, с. 39) и многих других достаточно точно отрисованных курганах. Находившиеся в материке могилы, хозяйственные или жертвенные ямы,

вкопанные в материк стелы, ровики и т.п. как бы оставались на месте и с течением времени оказались выше по склону перекрывающей или расположенной рядом каменной кладки и прилегающего слоя гумуса, вместе с которыми вниз по склону смещались инвентарь, остатки тризн и т.п. В небольших объектах эти смещения сравнительно невелики, но в некоторых случаях они могут быть значительны. Так, по современным замерам ряд стел у «царского» кургана в Сентелеке начинается в 4,5 м к востоку от полы, однако первоначально это расстояние составляло около 8 м, поскольку курган сдвинулся к востоку (по направлению к ряду стел) примерно на 4 м. В юго-восточном (вниз по склону) направлении кромка насыпи сместилась где-то на 6 м, что, в частности, объясняется и неоднородной скоростью дрейфа различных участков столь крупных и неоднородных объектов.

Своеобразной демонстрацией смещения насыпи является элитный курган раннескифского времени в долине Сентелека (Шульга П.И., Демин М.А. и др., 2003). В ходе его исследования по центру насыпи был выявлен подквадратный грабительский (возможно, исследовательский) шурф XVIII–XIX вв. до н.э., углубленный в материк почти на 1 м. Несмотря на довольно крупные размеры могилы (3,2x1,6 м), копавшим шурф так и не удалось найти ее, поскольку могила находилась не по центру насыпи, а осталась на прежнем месте, выше по склону, в 0,7 м от края шурфа. Однако история с незадачливыми курганокопателями – пример не самый актуальный. Проблема в том, что описанное выше смещение не учитывается исследователями. В результате в местностях с гористым рельефом фиксируется не первоначальное, а современное положение конструкций или комплексов, включающих как подвижные, так и относительно недвижимые объекты (ямы, стелы, значимые скалы и горные вершины). Расхождения составляют от десятков сантиметров в малых конструкциях до 4–6 м в больших («царский» курган в Сентелеке). Еще больше они будут на крупных погребально-поминальных комплексах и святилищах, в которых объекты передвинулись ниже по склону, и зачастую в разных направлениях в зависимости от рельефа. Соответственно, без введения необходимых поправок на степень смещения дрейфующих конструкций проводимые на таких участках разного рода замеры и расчеты (в том числе и палеоастрономические) будут неверны. К сожалению, уровень наших знаний не позволяет достаточно точно определить по углу наклона поверхности и внешнему виду объектов величину их смещения. Необходимы специальные исследования, а также более тщательная фиксация вышеуказанных моментов в ходе традиционных раскопок.

Библиографический список

- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 256 с.
- Киришин Ю.Ф., Шульга П.И., Демин М.А., Тишкин А.А. Исследование и музеефикация «царского» кургана в долине Сентелека // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул. 2001. Вып. XII. С. 29–36.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с., ил.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 350 с., ил.
- Савинов Д.Г. Об обряде погребения Больших Пазырыкских курганов // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: Мат. междунар. конф. СПб., 1996. С. 107–111.
- Шульга П.И. Погребальные конструкции скифского времени в долине реки Сентелек // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. С. 136–139.
- Шульга П.И. О «пирамидках» скифского времени на реке Чарыш // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001. Т. VII. С. 485–489.
- Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003. 204 с., ил.
- Шульга П.И., Демин М.А., Гельмель Ю.И., Ситников С.М., Шульга Н.Ф. Работы в долине реки Сентелек // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2003. Вып. XIII. С. 126–132.

А.А. Тишкин, П.К. Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул

О ГОСУДАРСТВЕННОСТИ «ПАЗЫРЫКЦЕВ»*

Вопрос о политической организации кочевников Горного Алтая скифской эпохи в определенной степени начал рассматриваться после исследования знаменитых «элитных» комплексов Катанда, Берель, Шибе, Пазырык, Туэкта, Башадар (Руденко С.И., 1952, 1953, 1960; Грязнов М.П., 1939, 1950; Киселев С.В., 1951). В советской археологии история «пазырыкцев» была вписана в традиционные концепции политогенеза номадов евразийских степей. Так, в свое время С.С. Черников (1975), представляя эволюцию общественного устройства кочевников, в том числе «пазырыкцев», выделил период «военной демократии» (VII–IV вв. до н.э.) и «время примитивной государственности в степях» с III в. до н.э. Сходную позицию занял В.М. Массон (1979), а Л.С. Ельницкий (1977) полагал, что государственность у номадов скифской эпохи имела патриархально-рабовладельческий характер. М.П. Грязнов (1975, 1979) и М.И. Артамонов (1977) настаивали на ограниченном общественном развитии кочевников, характеризуя его военно-демократическим уровнем. Эту точку зрения поддержали Н.А. Боковенко (1981) и Е.П. Бунятян (1985), считавшие, что хозяйственно-культурный тип кочевников и полукочевников обуславливал консервативность социально-экономической системы номадов и даже ее стагнацию. В целом же большая часть ученых (А.Д. Грач (1980), А.К. Акишев (1993), Д.Г. Савинов (1993), А.И. Мартынов (1985) и др.) выступала с обоснованием существования у кочевников, включая «пазырыкцев», раннеклассового («раннегосударственного») образования. По мнению С.А. Васютина (1998, с. 13), такая концепция наилучшим способом выражала представления исследователей об особенностях генезиса кочевников, находясь в рамках общей теории переходных (от доклассовых к классовым) обществ. Более того, обозначенный подход сторонниками так называемых традиционных взглядов допускал возможность эволюции кочевых объединений от раннеклассовых к рабовладельческим или феодальным.

В 90-е гг. XX в. Д.Е. Ануфриевым (1997) было высказано мнение, нашедшее поддержку у других исследователей (Васютин С.А., 1998, с. 35; Дашковский П.К., 2000, с. 42), о существовании на территории Горного Алтая в пазырыкский период нескольких политарных зон в рамках единого политического объединения. В это же время в отечественном кочевниковедении благодаря работам Н.Н. Крадина (1991, 1992, 1994, и др.) широкое распространение получила теория вождества. Авторы данной статьи в рамках указанной теории в совместной монографии пришли к выводу, что «пазырыкцы» в своем развитии прошли период «позднего вождества» и встали на путь поиска формы раннегосударственного образования (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 223). В настоящей работе мы хотели бы остановиться на критериях определения государственности и возможности их атрибуции применительно к социуму кочевников Горного Алтая скифской эпохи.

Существует обширное количество литературы, посвященной проблеме выделения признаков государственности, в том числе применительно к обществам номадов в исторической ретроспективе (Крадин Н.Н., 1991, 1992, 1994, 2001а; Кушкумбаев А., 1994; Кычанов Е.И., 1997; Хазанов А.М., 2002; Кочевая альтернатива..., 2001; и др.). Важно отметить, что в ряде случаев одни и те же показатели используются исследователями для характеристики и государства, и цивилизации (Мартынов А.И., 1980, 1989, 2000; Оразбаева А.И., 2004; и др.). Это свидетельствует как о взаимосвязи указанных понятий, так и о недостаточной методологической разработанности проблематики. Следует, вероятно, согласиться с мнением Н.Н. Крадина (2001б, с. 142) о том, что вряд ли можно выделить какие-то универсальные критерии государственности, как, впрочем, и дать единое определение государству. В современной политической антропологии есть разные точки зрения на дефиницию термина «государство». При этом используется история происхождения данно-

*Работа выполнена при поддержке гранта Президента России МК-1973.2005.6.

го феномена. Однако практически все позиции исследователей укладываются в два основных подхода на обозначенные проблемы – «интеграционный» и «конфликтный» (Крадин Н.Н., 1995, 2001б; Хаас Дж., 1995; Амброзино Дж. Н., 1995; и др.). В рамках первого подхода государство рассматривается как политическая система, сформировавшаяся для решения различных организационных нужд коллектива. Второе направление предполагает возникновение государства как средства предотвращения борьбы между различными группами за ресурсы жизнеобеспечения. Современные ученые, в частности Н.Н. Крадин (2001б, с. 140, 210), указывают на взаимосвязь обозначенных подходов и определяют государство как специализированный институт, осуществляющий управление сложным обществом и обладающий монополией на узаконенное применение силы. Тогда государство, с одной стороны, выполняет важные социальные функции (защиты от врагов, престоупников и др.), а с другой – элита общества имеет более расширенный доступ к ресурсам и благам, чем остальная часть населения.

Среди многообразия признаков государственности, в том числе применительно к кочевым социумам, можно отметить следующие показатели: территориальное деление, численность и плотность населения, хозяйственно-культурные типы, ремесленная деятельность, наличие крупных центров консолидации населения (города, а у кочевников отдельные районы), социальная стратификация, включая аппарат управления, налогообложение, внешнеполитические контакты, знаково-коммуникативная система (или письменность), система мировоззрений, положение женщин, наличие монументальной архитектуры и др. (Хазанов А.М., 2001, с. 362–460; Крадин Н.Н., 2001, с. 140–146; Кочевая альтернатива..., 2002; и др.). Попытаемся рассмотреть основные обозначенные параметры в отдельности применительно к «пазырыкскому обществу» для уяснения вопроса о наличии или отсутствии необходимой качественной суммы показателей государственности.

1. Пространственно-территориально-географический фактор. Пазырыкская культура занимала довольно обширную территорию (больше современной Республики Алтай) и имела довольно четкую границу, которую маркируют погребально-поминальные комплексы. В рамках Горного Алтая, который характеризуется специфическими орографическими и природно-климатическими особенностями, выделяется несколько ландшафтных зон: степные участки (островные степи и долины), тайга, альпийские луга, предгорья (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 93–98). Наибольшее количество «царских» и «элитных» комплексов сосредоточено в Центральном Алтае (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003, рис. 3), что позволяет считать этот район центром «пазырыкского» объединения. Значительное число памятников зафиксировано и изучено на территории Юго-Восточного Алтая, а также в некоторых других частях обширной культурно-исторической области (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003, рис. 4, 5). Границы пазырыкской культуры в отдельных случаях располагались на стыке гор и предгорий (Шульга П.И., 1997; Дашковский П.К., 2004; и др.) или определялись труднопроходимыми хребтами. Не исключено, что они (границы) довольно хорошо контролировались социумом.

2. Численность и плотность населения. В настоящее время разработаны методики подсчета численности населения на основе учета различных, главным образом экологических, показателей (Железчиков Б.Ф., 1987; Гаврилюк Н.А., 1999; Тортика А.А., Михеев В.К., Кортиев Р.И., 1994; Крадин Н.Н., 2001а; и др.). Все они в определенной мере отражают условные результаты, которые тем не менее дают возможность уловить имевшие место тенденции. Применительно кномадам Горного Алтая такие расчеты не производились, за исключением отдельных попыток восстановить численность населения в районе среднего и нижнего течения Катуня (Миронов В.С., 1997), которые, правда, нуждаются в уточнении и корректировке. Это связано с тем, что В.С. Миронов использовал методику Б.Ф. Железчикова, в которой ученые выявили несколько серьезных изъянов (Халдеев В.В., 1987; Крадин Н.Н., 2001а, с. 73). О плотности населения в пазырыкский период свидетельствует большое количество зафиксированных погребально-поминальных памятников (свыше 140), на которых исследовано уже более 600 объектов (Кирюшин Ю.Ф., Степа-

нова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003). Наибольшая концентрация курганов отмечена в нескольких зонах по долинам следующих рек и их притоков: Катунь, Чуя, Урсул, Аргут, Чулышман, Бухтарма, Чарыш, а также на плоскогорье Укок.

3. Хозяйственно-культурные типы. Проведенные исследования (Шульга П.И., 1994; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 207–214; и др.) показали, что в рассматриваемый период на Алтае существовало несколько хозяйственно-культурных типов, которые довольно хорошо сочетались между собой: кочевое скотоводство, оседлое земледельческо-скотоводческое и охотничье-собираательское хозяйство, существовавшие в рамках соответствующих ландшафтных зон. Преобладающий тип хозяйства на Алтае в скифскую эпоху можно обозначить как яйлажно-горно-долинный, характерный также для районов Тувы, Тянь-Шаня, Памира. Его основу составляло скотоводство, приспособленное к конкретным условиям гор и горных долин (Мартынов А.И., 1986, с. 11–14). При этом ведущее место в структуре стада занимала лошадь. Развитию табунного коневодства способствовали не только потребности населения и относительно благоприятные природно-климатические условия, но и биологические данные этих животных. Кони были практичны в разведении, так как могли содержаться круглый год под открытым небом на подножном корму. В таком процессе использовалась отработанная схема организации всего экстенсивного процесса содержания и размножения животных, сохранившаяся до сих пор (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 102–104). Относительная эффективность хозяйственной деятельности способствовала не только достойному существованию членов общества, но и получению прибавочного продукта, обогащению верхушки социума. Это хорошо демонстрируется особенностями погребального обряда «пазырыкцев».

4. Ремесленная деятельность. В основе ремесла, как и хозяйственной деятельности, в пазырыкский период лежало домашнее производство (особая форма промышленного труда (Колчин Б.А., Сайко Э.В., 1981, с. 24)), основанное на переработке материалов и сырья в том хозяйстве, которое их и добывает (Гаврилюк Н.А., 1989, с. 3). В то же время у «пазырыкцев» наметилась тенденция к преобразованию отдельных ремесел в специализированные виды производства (Дашковский П.К., 2005в). Прежде всего речь идет о металлургии и металлообработке. Изучение металлических предметов показало, что «пазырыкцы» владели различными приемами обработки изделий (лужение, амальгамирование и др.), а в качестве сырьевой базы использовали богатые залежи Саяно-Алтайского полиметаллического центра (Кундо Л.П., Щербаков Ю.Г., Рослякова Н.В., 2000, с. 176–187; Мартынов А.И., Алексеев В.П., 1986, с. 78–79). Широкое распространение среди населения получило изготовление различной керамической посуды (Молодин В.И., Ламина В.В., 2000, с. 140–143; Степанова Н.Ф., 1998, 2000, с. 18–20; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004), шерстяных, полотняных тканей и пошив из нее одежды (Глушкова Т.Н., 1994, с. 114–121; 2000, с. 158–161; Полосьмак Н.В., 2001; Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л., 2005), косторезное дело (Бородовский А.П., 1997, с. 121–129; 2000, с. 144–157), деревообрабатывающее производство (Семенов С.А., 1956; Мыльников В.П., 1999, 2000; Самашев З.С., Мыльников В.П., 2004; и др.). В этом же плане отметим воплощение в погребально-поминальных комплексах знати монументальной архитектуры (Грязнов М.П., 1950; Руденко С.И., 1953, 1960; и др.), требующей соответствующей суммы разносторонних знаний, умений и навыков. Особое место в пазырыкской культуре занимают художественные ремесла, сформировавшиеся и развивавшиеся по потребностям общества.

5. Наличие крупных центров консолидации населения. Городских центров у кочевников Алтая скифской эпохи по объективным причинам не существовало. Правда, исследователи выделяют отдельные, крупные по тем масштабам поселенческие комплексы (Шульга П.И., 1995, 1996, 1997), однако вопрос об их культурно-хронологической атрибуции в полной мере еще не решен (Абдулганеев М.Т., 1998; Дашковский П.К., 1998). Как указывалось выше, в рассматриваемом регионе можно выделить несколько политарных зон, где консолидировалось население (Ануфриев Д.Е., 1997). Главным показателем этого является наличие так называемых царских и элитных погребально-поминальных комп-

лексов, вокруг которых располагались остальные многочисленные объекты. Таким образом, в Горном Алтае можно отметить следующие территории с обозначенной концентрацией: Урсульская (центральная) группа – бассейн Урсула и среднее течение Катуня с некрополями Улита, Шибе, Талда, Туэкта, Курота, Башадар, Боочи, Нижняя Соору, Кер-Кечу и др. (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003, рис. 3); Чуйская (юго-восточная и восточная) группа – бассейн Чуи, Чульшмана с могильником Пазырык и другими объектами; Бухтарминская (юго-западная) группа формировалась вокруг памятника Берель в верховьях Бухтармы; Укокская (южная) группа близка к предыдущей и фиксируется в бассейне Аргута, на плато Укок и прилегающих районах Северо-Западной Монголии с «элитными» некрополями Ак-Алаха-1, 3, Кутургунтас и др. Можно указать еще Чарышскую (северо-западную) группу в бассейне верхнего и среднего течения Чарыша с комплексом в долине Сентелека (Шульга П.И., 2000; Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., Демин М.А., Тишкин А.А., 2001), а также два объекта Катанда и Кастахта, больше тяготеющие к центральной группе памятников (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003, рис. 3). На основе изучения географического расположения памятников пазырыкского времени Д.Е. Ануфриев (1997) высказал мнение о существовании пяти племенных центров. Не исключая этого, следует все же более детально установить время формирования предполагаемых локальных политарных зон.

Важно отметить, что в пазырыкский период население Горного Алтая было полиэтничным. Об этом свидетельствуют особенности погребального обряда (Марсадолов Л.С., 1996; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003; Кубарев В.Д., 1987; Суразаков А.С., 1988; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003; и др.). Антропологические материалы также наглядно демонстрируют разные этнические группы, проживавшие в отдельных районах, и их смешение (Чикишева Т.А., 1994, 1996–1998, 2000а–б, 2003; Тур С.С., 1999, 2003). Консолидирующей силой, по-видимому, выступал этнос-элита, который вырабатывал материальные и духовные ценности, а также оказывал значительное влияние на все сферы жизнедеятельности. Наличие этого показателя хорошо демонстрируют разные характеристики, но главное отражение мы находим в реализации погребального обряда по преобладающему «пазырыкскому» канону.

6. Социальная стратификация, включая аппарат управления. В основе общественной организации кочевников лежала половозрастная структура, определяющая место номада в зависимости от его физико-генетических показателей. Вертикальная иерархия базировалась на имущественной, профессиональной, ранговой и других структурах. В отличие от раннескифского времени для пазырыкского периода можно отметить высокую степень милитаризации общества и возможное сложение дружины. Кроме того, у номадов стала формироваться особая категория «служители культа», хотя определенные ритуальные действия по-прежнему отправляли главы патриархальных семей или кланов. Важно обратить внимание, что для «пазырыкского» общества характерно высокое положение женщин (Полосьмак Н.В., 2001). Имеющиеся данные позволяют считать, что женщины наравне с мужчинами участвовали в ведении хозяйства, а может быть, в определенных моменты жизни, когда «сильная половина» отсутствовала (военные действия, охота и др.), именно им приходилось нести груз ответственности за содержание скота и охрану своей территории (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 195–207). К этому следует добавить, что представительницы «прекрасного пола» были допущены к сакральному знанию, поскольку в так называемых погребениях служителей культа большая часть обнаружены останки именно женщин (Дашковский П.К., 2003).

Важную роль в развитии кочевого социума играла элита (Тишкин А.А., 2005а–б), включающая в себя представителей властного, религиозного и военного слоя. Эти типы элит определяли социокультурную динамику номадов фактически во всех сферах жизнедеятельности (Дашковский П.К., 2005а). Учитывая полиэтничность пазырыкского объединения, можно, вероятно, говорить о том, что лидирующее положение занимала пришлая этническая группа, поставившая под свой контроль остальное население разного происхождения. Для реализации многочисленных потребностей элиты требовалось зна-

чительное количество рабочей силы, которая могла формироваться из числа зависимых людей (военнопленных, рабов, бедных и др.). Для организации и контроля этой массы, а также для поддержания порядка в объединении был необходим аппарат управления. Проведенное авторами исследование продемонстрировало сложную иерархию «пазырыкского» социума (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003), однако необходимо продолжение данной работы для углубленного анализа обозначенных социальных групп.

7. Налогообложение. Вопрос о формах налогообложения и распределения материальных богатств (военных трофеев) в кочевых обществах – один из наиболее сложных (Крадин Н.Н., 1992, 2001а; Хазанов А.М., 2002; и др.). В каждом конкретном случае формы налогообложения или «повинностей» могли быть различны. Так, при возведении крупных элитных погребально-поминальных комплексов использовались огромные людские ресурсы. Например, для сооружения Второго Башадарского кургана требовалось примерно затратить 3000–3500 рабочих человеко-дней, не считая тягловой силы животных (Руденко С.И., 1952, с. 55–56). В связи с рассматриваемым вопросом примечательно и мнение М.П. Грязнова, который, внимательно изучив материалы из Первого Пазырыкского кургана, сделал предположение о том, что там «...были дары племенному вождю от десяти родовладык». Он также отметил, что практика подношения даров родоначальникам вождю существовала и в повседневной жизни. Это в свою очередь являлось «нормой экономических отношений» между массой основных производителей и должностными лицами в роде и племени (Грязнов М.П., 1950, с. 69–71). Позднее С.И. Руденко (1960, с. 240–241) попытался привести доказательства того, что вещи из Первого Пазырыкского кургана – это не дары, а личные предметы умершего. Тем не менее практика подношений и подарков была достаточно широко распространена в кочевом мире начиная с раннескифского периода (Грязнов М.П., 1980; Крадин Н.Н., 2001а, с. 107–110; и др.). Не стоит исключать широкое использование и других форм «непрямого» налогообложения. Кроме этого, наличие импортных престижных вещей (ковры, ткани, предметы быта и др.) в захоронениях элиты свидетельствует о том, что она получала значительную часть военной добычи или дохода от обменов.

8. Внешнеполитические контакты. Многочисленные находки в курганах пазырыкской культуры переднеазиатских, китайских и других изделий, а также милитаризованный характер общества свидетельствуют об активной военно-политической деятельности кочевников (Руденко С.И., 1952, с. 60–63; Марсадалов Л.С., 1996). Материалы из Пятого Пазырыкского кургана позволяют говорить о практике заключения брака между «правителем» номадов и китайской «принцессой». Кроме этого, если принять во внимание точку зрения ряда ученых об отождествлении «пазырыкцев» с юэжками (Руденко С.И., 1960; Савинов Д.Г., 1993; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1998; и др.), то китайские хроники относительно подробно характеризуют культурно-исторические и политические аспекты развития кочевников в конце I тыс. до н.э. Следует указать еще на один важный момент. В ходе контактов с восточными и западными державами «пазырыкцы» были знакомы с государственностью и могли заимствовать отдельные формы подобной организации в зависимости от имевшихся потребностей элиты, а также существующих возможностей и необходимых условий.

9. Знаково-коммуникативная система. В более поздний период основным носителем социокультурной информации выступает письменность. Достоверных данных о существовании письменности у кочевников Евразии в скифскую эпоху практически нет. В то же время, согласно одной из наиболее распространенных концепций – «гипотезы информационного взрыва», важнейшим источником коммуникации в дописьменный период являлось искусство, с помощью которого хранили и передавали различную информацию, касающуюся всех сфер жизнедеятельности коллектива (Первобытное искусство, 1998, с. 27–28). Полисемантизм сюжетов и образов пазырыкского искусства, в котором прослеживается переднеазиатское и китайское влияние, хорошо известен по многочисленным находкам в погребальных памятниках и петрогрифам (Руденко С.И., 1961; Кубарев В.Д., 1991; Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992; Переводчикова Е.В., 1994; Полосьмак Н.В., 2001; и др.). Информационную нагрузку как отдельных элементов, так и синкретичных образов

еще предстоит выяснить. Это большая работа потребует долгих лет расшифровки. Однако уже сейчас вполне очевидно большое мировоззренческое значение «звериного стиля» кочевников и выполнение им роли знаковой системы, носителя, передатчика и хранителя информации.

10. Система мировоззрений. Основу мировоззрения кочевников в пазырыкский период составляла господствующая религиозно-мифологическая концепция (Полосьмак Н.В., 1997, 2001; Дашковский П.К., 2002; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003). Религия «пазырыкцев» в силу особенностей культурно-исторического развития носила синкретичный характер, что проявляется в погребально-поминальной обрядности, обычаях и верованиях. Важными ее компонентами выступали шаманизм и маздаизм (вероятнее всего, в митраистском варианте). Существенное место в жизни кочевников, как и у земледельцев (Брагинская Н.В., 1994, с. 614–616), на мировоззренческом и идеологическом уровне занимала сакрализация правителей. Это связано с тем, что уже в скифскую эпоху правитель выступал как олицетворение единства и гармонии не только общества, но и всей Вселенной, поскольку мифологическое (космологическое) и социальное в нем не разделимы (Дашковский П.К., 2005б). Отсюда вполне понятно, что гибель правителя (позднее правящего клана или династии) для общества означала наступление переломного этапа, разрушение мира. Приход очередного «царя» с «небесным мандатом» должен был ознаменовать наступление порядка в мироздании. После похорон «царя» символом такого единства кочевников наряду с новым правителем выступает погребальный комплекс. Такие объекты кочевники часто начинают использовать для проведения сложных ритуальных действий. Показательными в этом отношении являются «царские» курганы могильника Пазырык на Алтае, которые могли неоднократно использоваться как своеобразные камеры-часовни (Савинов Д.Г., 1995–1997). Другим примером является погребально-поминальный комплекс Урочище Балчиново-3 (Шульга П.И., 2000; Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., Демин М.А., Тишкин А.А., 2001). К этому нужно добавить, что погребальный комплекс в кочевом обществе рассматривался как своеобразная модель мира (Дашковский П.К., 1997; Ольховский В.С., 1999; Марсадолов Л.С., 2000; Мартынов А.И., Герман П.В., 2001). В этом случае захоронение правителя выступало как своеобразный мировоззренческий центр для всего социокультурного объединения. Поэтому не случайно некоторые исследователи склонны видеть в Пазырыкском некрополе своеобразные сакральные центры кочевого мира (Курочкин Г.Н., 1993), а в погребенных – героизированных и обожествленных «вождей» кочевников (Могов Ю.А., 1998).

Подводя итог, отметим, что имеющиеся в настоящее время фактические данные и методические принципы характеристики государственности позволяют говорить о процессе формирования у «пазырыкцев» Горного Алтая одной из ранних форм политического образования рассматриваемого уровня. Дальнейшие теоретические исследования позволят конкретизировать критерии кочевого государства и наполнить обозначенные признаки дополнительным информационным материалом. В заключение заметим, что, по мнению С.Г. Кляшторного, юечжи уже имели во Внутренней Азии свою кочевническую империю – полиэтничное образование, созданное военной силой в процессе завоевания, управляемое военно-административными методами и распавшееся после упадка политического могущества создателей (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 9, 25).

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т. Поселение Майма-1 и культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений Горного Алтая // *Древние поселения Алтая*. Барнаул, 1998. С. 165–171.
- Акишев К.А. Социальная структура сакского общества в VI–IV вв. до н.э. // *Археологические памятники на Великом шелковом пути*. Алматы, 1993. С. 45–58.
- Амброзино Дж. Н. Внешние контакты между обществами и возникновение государства // *Альтернативные пути к ранней государственности*. Владивосток, 1995. С. 69–76.

- Артамонов М.И. Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977. Вып. 1. С. 4–13.
- Боковенко Н.А. Ранние кочевники по археологическим и этнографическим данным // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 50–53.
- Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск, 1997. 224 с.
- Бородовский А.П. Технология изготовления предметов из полого рога // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000. С. 144–157.
- Брагинская Н.В. Небо // Мифы народов мира. М., 1994. Т. 2. С. 206–208.
- Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV–III вв. до н.э.). Киев, 1985. 320 с.
- Васютин С.А. Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1998. 288 с. / Архив библиотеки АлтГУ (методический кабинет кафедры АЭИ). №451.
- Васютин С.А. Проблемы изучения социальной организации кочевников скифского времени Горного Алтая по материалам погребений // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 31–35.
- Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев, 1989. 112 с.
- Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии. VI–III вв. до н.э. Киев, 1999.
- Глушкова Т.Н. Плетение и ткачество в раннем железном веке (по материалам Ак-Алахи-I) // Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы». Новосибирск, 1994. С. 114–121.
- Глушкова Т.Н. Традиции изготовления пазырыкских тканей // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000. С. 158–161.
- Грач А.Д. Древние кочевники в Центре Азии. М., 1980. 256 с.
- Грязнов М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет издания АН СССР). М.; Л., 1939. 413 с.
- Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. 90 с.
- Грязнов М.П. Некоторые вопросы хронологии ранних кочевников в связи с материалами кургана Аржан // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975. С. 6–10.
- Грязнов М.П. Об едином процессе развития скифо-сибирских культур // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Кемерово, 1979. С. 4–7.
- Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 62 с.
- Дашковский П.К. Космологическая модель пазырыкского кургана // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997. С. 44–47.
- Дашковский П.К. Основные проблемы изучения поселений скифской эпохи Горного Алтая // Поселения: среда, культура, социум. СПб., 1998. С. 183–185.
- Дашковский П.К. Проблемы изучения социальной организации пазырыкцев Горного Алтая // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2000. С. 40–42.
- Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Горного Алтая скифского времени: Автореф. дис... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 24 с.
- Дашковский П.К. Синкретизм религиозно-мифологической системы и служители культа у кочевников Горного Алтая скифской эпохи // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2003. №11. С. 59–72.
- Дашковский П.К. Чинетинский археологический микрорайон: некоторые итоги и перспективы исследования // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2004. С. 34–37.
- Дашковский П.К. Формирование элиты кочевников Горного Алтая в скифскую эпоху // Социогенез в Северной Азии. Иркутск, 2005а. Ч. 1. С. 239–246.
- Дашковский П.К. К вопросу о формировании мировоззренческого статуса правителей кочевых обществ Евразии в скифо-сакский период // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005б. С. 147–149.
- Дашковский П.К. Производственная деятельность кочевников Горного Алтая в скифскую эпоху // Урал-Алтай: через века в будущее. Уфа, 2005. С. 163–166.
- Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977.

- Железчиков Б.Ф. Вероятная численность савромато-сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н.э. – I в. н.э. по демографическим и экологическим данным // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 65–68.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени средней Катунь. Барнаул, 2004. 292 с., ил.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. 234 с., ил.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с., ил.
- Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., Демин М.А., Тишкин А.А. Исследование и музеефикация «царского» кургана в долине Сентелека // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2001. Вып. XII. С. 29–36.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Пазырыкская узда. К предыстории хунно-юечжийских войн // Древние культуры Центральной Азии. СПб., 1998. С. 169–177.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. 346 с. (Исторические исследования).
- Колчин Б.А., Сайко Э.В. Особенности развития и организации скотоводства // Становление производства в эпоху энеолита и бронзы. М., 1981. С. 9–34.
- Кочевая альтернатива социальной волюции. М., 2002. 260 с. (Серия «Цивилизационное изменение». Т. 5).
- Крадин Н.Н. Особенности классообразования и политогенеза у кочевников // Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. М., 1991. Ч. II. С. 301–324.
- Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992. 240 с.
- Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1994. 37 с.
- Крадин Н.Н. Введение. От однолинейного взгляда на происхождение государства к многолинейному // Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995. С. 7–18.
- Крадин Н.Н. Империя хунну. М., 2001а. 312 с.
- Крадин Н.Н. Политическая антропология: Учеб. пособие. М., 2001б. 213 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 270 с.
- Кундо Л.П., Щербаков Ю.Г., Рослякова Н.В. Особенности бронзолитейного дела и сырьевые ресурсы металлургии скифской эпохи Горного Алтая // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000. С. 176–178.
- Курочкин Г.Н. Сакральный центр ранних кочевников Алтая (археолого-этнографическая реконструктивная модель) // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч. II: Археология и изучение культурных процессов и явлений. СПб., 1993б. С. 93–98.
- Кушкумбаев А. Проблема государственности евразийских кочевников // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. 1994. №6.
- Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. 320 с.
- Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80–х годов XX века). СПб., 1996. 100 с.
- Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): Автореф. дис. ... докт. культурологии. СПб., 2000. 56 с.
- Мартынов А.И. Скифо-сибирское единство как историческое явление // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 11–20.
- Мартынов А.И. О древней государственности у народов Южной Сибири (к постановке проблемы) // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1985. С. 28–33.
- Мартынов А.И. О хозяйственном освоении территорий скифо-сибирского мира // Исторический опыт освоения Сибири. Новосибирск, 1986. С. 11–14.
- Мартынов А.И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 284–292.

- Мартынов А.И. Два этапа развития степной скотоводческой цивилизации // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Улан-Удэ, 2000. Т. 1. С. 80–84.
- Мартынов А.И., Алексеев В.П. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. Кемерово, 1986. 144 с.
- Мартынов А.И., Герман П.В. Сакральная архитектура кургана (проектное моделирование в древности) // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул, 2001. С. 92–97.
- Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. 191 с.
- Мионов В.С. К вопросу о численности населения долины средней Катунь в скифское время // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Улан-Удэ, 1998. С. 58–60.
- Молодин В.И., Ламина В.В. Технологический анализ керамических сосудов // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000. С. 140–143.
- Мотов Ю.А. Героизация и обожествление вождей ранних кочевников Алтая (по материалам могильника Пазырык) // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья). Алматы, 1998. С. 28–48.
- Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. Новосибирск, 1999. 232 с.
- Мыльников В.П. Технология изготовления погребальных сооружений из дерева // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000. С. 125–139.
- Ольховский В.С. К изучению скифской ритуальности: посмертное путешествие // Погребальный обряд: Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999. С. 114–136.
- Оразбаева А.И. Цивилизация кочевников евразийских степей // SHYGYS (Восток). Алматы, 2004. Вып. 1. С. 65–75.
- Первобытное искусство: проблема происхождения. Кемерово, 1998. 211 с.
- Переводчикова Е.В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М., 1994. 206 с.
- Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура: Реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1997. 54 с.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001. 336 с.
- Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск, 2005. 232 с.: ил.
- Руденко С.И. Горно-алтайские находки и скифы. М.; Л., 1952. 268 с.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 359 с.
- Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тыс. до н.э.). М., 1961. 68 с.
- Савинов Д.Г. К изучению этнополитической истории народов Южной Сибири в скифскую эпоху // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 4: Историческая этнография. СПб., 1993. С. 128–135.
- Савинов Д.Г. О ритуальном назначении погребальных камер Больших Пазырыкских курганов // Сакральное в культуре. СПб., 1995. С. 6–8.
- Савинов Д.Г. Об обряде погребения Больших Пазырыкских курганов // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 107–111.
- Савинов Д.Г. Погребальные камеры-«часовни» Больших Пазырыкских курганов // Сакральное в истории культуры. СПб., 1997. С. 30–39.
- Самашев З.С., Мыльников В.П. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая. Алматы, 2004. 312 с.
- Семенов С.А. Обработка дерева на древнем Алтае // СА. 1956. Т. 26. С. 204–230.
- Степанова Н.Ф. К вопросу о терминологии и типологии керамики раннего железного века Горного Алтая // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 137–145.
- Степанова Н.Ф. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000. 26 с.
- Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988. 165 с., 49 ил.
- Тишкин А.А. Элита в древних и средневековых обществах скотоводов Евразии: перспективы изучения данного явления на основе археологических материалов // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2005а. Кн. 2. С. 43–56.

- Тишкин А.А. Элита кочевых обществ Алтая скифской эпохи и проблемы ее изучения // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие). Улан-Удэ, 2005б. С. 105–107.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. 430 с.
- Тортика А.А., Михеев В.К., Кортиев Р.И. Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ // Этнографическое обозрение. 1994. №1. С. 49–62.
- Тур С.С. Об уралоидном компоненте в антропологическом составе населения Горного Алтая скифского времени // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 203–205.
- Тур С.С. Антропологический состав населения средней Катунь скифского времени (внутригрупповой анализ) // Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. С. 137–169.
- Хаас Дж. Пути к государственности // Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995. С. 19–22.
- Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002. 604 с.
- Халдеев В.В. Сколько было сарматов // СА. 1987. №3. С. 230–231.
- Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 132–136.
- Чикишева Т.А. Характеристика палеоантропологического материала памятников Бертекской долины // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск, 1994. С. 157–174.
- Чикишева Т.А. К вопросу о формировании антропологического состава населения пазырыкской культуры Горного Алтая // Новейшие археологические и этнографические открытия. Новосибирск, 1996. С. 249–252.
- Чикишева Т.А. К вопросу об антропологическом сходстве населения пазырыкской культуры и сакской этнокультурной общности // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997. Т. III. С. 314–320.
- Чикишева Т.А. Особенности динамики антропологического состава населения Горного Алтая в древности (от эпохи неолита до нашей эры) // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. I. С. 631–643.
- Чикишева Т.А. Антропология носителей пазырыкской культуры // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000. С. 35–49.
- Чикишева Т.А. Вопросы происхождения кочевников Горного Алтая эпохи раннего железа по данным антропологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. №1. С. 107–121.
- Чикишева Т.А. Население Горного Алтая в эпоху раннего железа по данным антропологии // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). Новосибирск, 2003. С. 63–120, 182–278.
- Шульга П.И. Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические, фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 48–60.
- Шульга П.И. Поселение Элекмонар-4 на Средней Катунь // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. №1. С. 59–75.
- Шульга П.И. Поселение Чепош-2 на Средней Катунь // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 106–123.
- Шульга П.И. Поселение Куротинский Лог-1 // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997а. №2. С. 73–81.
- Шульга П.И. Погребальные конструкции скифского времени в долине р. Сентелек // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997б. С. 136–139.
- Шульга П.И. Поселение Партизанская Катущка на Катунь // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 146–164.
- Шульга П.И. Погребально-поминальный комплекс скифского времени на р. Сентелек // Святыни: археология ритуала и вопросы семантики. СПб., 2000. С. 215–218.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.Л. Кунгуров

Алтайский государственный университет, Барнаул

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ СТОЯНОК И МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ СЕВЕРНЫХ ПРЕДГОРИЙ АЛТАЯ

В палеолитических комплексах Алтая костяные изделия являются достаточно редкой находкой (за исключением культурных слоев в пещерах). Отчасти факт разрушения органических остатков связан с особенностями осадконакопления, преимущественно субаэрального, отчасти с современными природно-климатическими условиями. Тем не менее в настоящее время собрана достаточно представительная коллекция разнообразных изделий из кости, рога и бивня мамонта включающая в себя артефакты из стратифицированных палеолитических комплексов, материалы сборов на разрушенных объектах и случайные находки.

Костяные изделия из Верхнего Причумышья. Отрезок верхнего течения Чумыша от с. Черемшанки Ельцовского района до сел Степь-Чумыш и Победа Целинного является одним из самых насыщенных археологическими памятниками регионов Алтайского края. Этому есть несколько объяснений: во-первых, в с. Победа функционирует краеведческий музей, бессменным руководителем которого много лет работал недавно ушедший из жизни П.Ф. Рыженко; во-вторых, указанный район благоприятен для различных видов присваивающего и производящего хозяйства. Чумыш, прорезая Салаирский кряж, является прекрасным связующим звеном различных регионов и имеет водообильную пойму с многочисленными притоками, изобилующую богатой флорой и фауной. Все это постоянно привлекало в долину Чумыша древнего человека. Наиболее ранними свидетельствами освоения Причумышья стали многочисленные находки каменных артефактов мустьерской эпохи, происходящие как из сборов с отмели реки, так и из взорванной в районе с. Черемшанки пещеры (Кунгуров А.Л., 1986; Кунгуров А.Л., Маркин М.М., 1995; Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., 2001). Случайные находки местных жителей, самого П.Ф. Рыженко и участников его краеведческого кружка с 1960-х гг. концентрировались сначала в школьном, а затем и в поселковом музее. К палеолитическому времени нами отнесены восемь костяных орудий.

Костяные (2) и роговой гарпуны (здесь и далее фаунистические определения сделаны А.В. Гальченко и П.А. Косинцевым).

1. Полный двусторонний гарпун. Обнаружен П.Ф. Рыженко в начале 1960-х гг. на правобережной отмели Чумыша в юго-восточной части с. Победы. Цвет темно-серый, кость частично минерализована, что характерно для органических остатков из аллювиальных горизонтов долины реки. Сохранность изделия отличная, следов окатанности нет, размеры 16,5x1,7x0,6 см. Изготовлено из трубчатой кости крупного копытного. Предположительный алгоритм оформления гарпуна:

- продольное расщепление диафизной трубки, подгонка заготовки по длине и ширине;
- вырезание (вытачивание?) заготовки с зауживающимися концами овального сечения;
- оформление боковых «крыльев» заготовки с помощью скобления каменным инструментом, оставившим многочисленные параллельные борозды;
- вырезание подтреугольных выемок в «крыльях», образующих зубцы гарпуна, расположенных попеременно по шесть с обеих сторон;

– приострение жалец зубцов абразивной подточкой и углубление их оснований несколькими соединяющимися пропилами;

– оформление насада: пропиливание в начале насада подтрапециевидной выемки и нанесение насечек для закрепления в древке. Более крупные нарезки оформлены на стыке рядов зубцов и насада, при этом две нанесены на жальце нижнего зубца. Ниже крепежной выемки по краю подтреугольного насада нанесены пропилкой мелкие риски: с одной стороны – 15, с другой – 16.

– шлифовка законченного изделия.

Получившийся наконечник имеет центральный, округлый в сечении стержень с попеременно расположенными по краям зубцами с оттянутыми вниз острыми жальцами (рис. 1.-1).

2. Обломок двустороннего гарпуна. Обнаружен П.Ф. Рыженко в 1983 г. на левобережной отмели Чумыша в районе старого моста, соединяющего села Степь-Чумыш и Победу. Цвет темно-серый, кость частична минерализована. Сохранность аналогична преды-

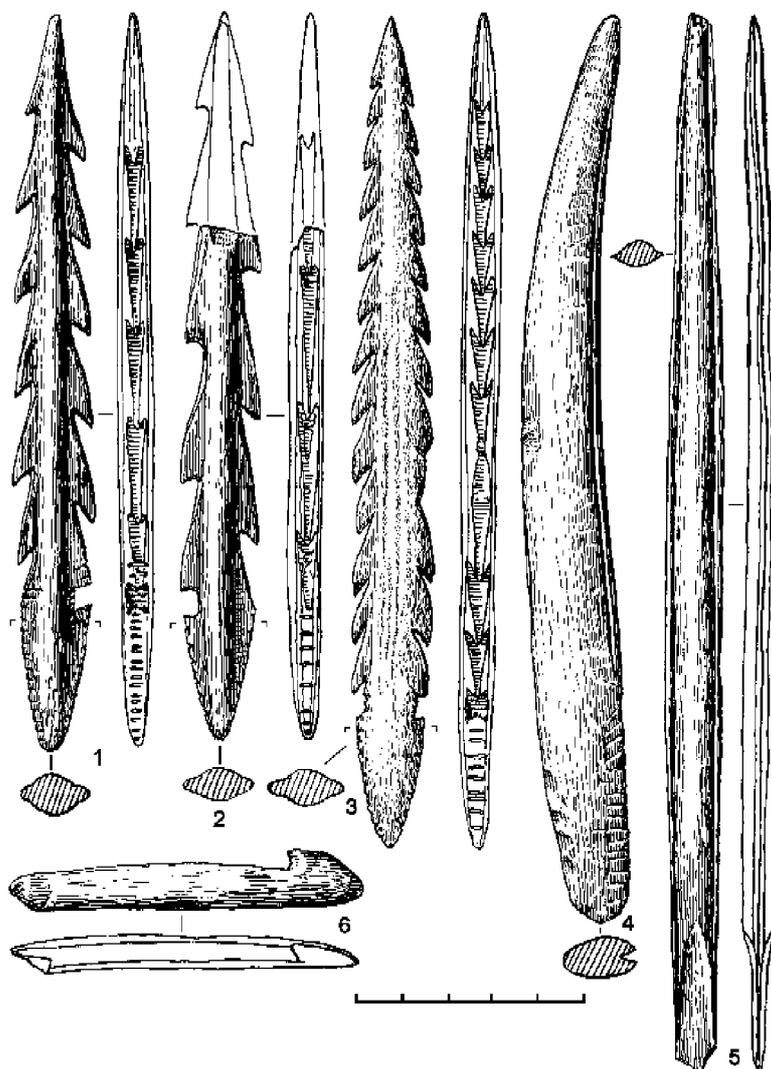

Рис. 1. Костяные и роговые изделия с Верхнего Причумышья

дущему изделию. Верхняя треть гарпуна отломана в более позднее время. Размеры 16–16,5x1,8x0,9 см. Изготовлен из трубчатой кости крупного копытного так же, как и предыдущий наконечник. Законченное изделие имело центральный, округлый в сечении стержень, от которого по краям отходили попеременно расположенные зубцы. В отличие от первого гарпуна зубцы крупнее и реже: пять с одной стороны и четыре с другой (не исключено немногим большее количество зубцов, если допустить увеличение длины изделия). Зубцы разных краев немного отличаются по форме: со стороны подпрямоугольного крепежного выреза выемка, выделяющая зубец, более округлая, а жальце имеет плавные очертания; противоположный ряд образуют зубцы треугольной формы. Четко видны пропилы, моделирующие структуру гарпуна (рис. 1.-2). Насад треугольный, по его краям также нанесены риски: девять со стороны выреза и восемь с противоположной.

3. Полный двусторонний гарпун. Обнаружен П.Ф. Рыженко там же, где и предыдущий, в 1997 г. Цвет светло-коричневый, рог частично минерализован. Сохранность изделия отличная, хотя имеются поздние отломы трех зубцов. Размеры 18,5x1,7x0,9 см. Изготовлено из рога северного оленя. Один фас изделия частично сохраняет остатки поверхности рога, хотя и несколько стертые шлифовкой. Алгоритм изготовления наконечника несколько иной, отличия связаны с другим сырьем:

- оформление заготовки из рогового отростка путем срезания изогнутых поверхностей в ее верхней трети и нижней части;
- обрезание и обскабливание роговой массы до придания заготовке необходимой овально-линзовидной в сечении формы;
- далее процесс изготовления аналогичен костяным гарпунам – вырезание треугольных выемок для зубцов, подтрапещиевидных для крепления и оформления насада.

Готовое изделие существенно отличалось от уже описанных не только более крупными размерами, но и большим количеством более мелких и часто посаженных зубцов (13 и 12), наличием двух крепежных выемок и существенным сужением толщины пера к острию. Последнее возможно связано с особенностью субстрата заготовки (рис. 1.-3). Зубцы, также оформленные с помощью пропила, имеют закругленные очертания, а их жальца сильнее оттянуты вниз. На треугольном насаде, отделенном от рядов зубцов двумя неровными крепежными выемками, фиксируются по краям риски (девять с одной стороны и десять с другой).

В целом же наконечники гарпунов достаточно схожи между собой и несомненно предназначены для охоты на животных, а не для добычи рыбы. Подобные изделия в Сибири не встречены, их обработка, размеры, расположение зубцов и насады вызывают явные верхнепалеолитические мадленские ассоциации. Этому не противоречит сохранность и частичная минерализация наконечников.

Двумя экземплярами представлены наконечники копий.

4. Полный цельнокостяной наконечник с режущими лезвиями и уплощенным насадом. Найден П.Ф. Рыженко на правобережной отмели Чумыша в районе северной окраины с. Победы. Цвет темно-коричневый, кость частично минерализована. Имеется незначительный поздний облом острия изделия и кромки насада. Размеры 23,5–24x1,4x0,7 см. Изготовлено из трубчатой кости крупного копытного по схеме и алгоритму, аналогичному процессу оформления костяных гарпунов. Существенные отличия заключаются в следующем:

- узкие боковые «крылья» заготовки не превращены вырезами в зубцы, а заточены шлифовкой до остроты ножа;
- насад оформлен двумя срезами костной массы с фасов наконечника и имеет неровно-подпрямоугольное сечение.

Законченная форма наконечника более всего напоминает восточноевропейские «веретенообразные» палеолитические наконечники округлого сечения (Палеолит СССР, 1984, с. 242; Палеолит среднего Приднестровья, 1959, с. 106–107 и т.д.) и наконечник копья из Мальты (Герасимов М., 1931, табл. 9). Однако отличие побединского копья не только в сырье, но прежде всего в наличии узких режущих перьев вдоль обоих краев наконечника. Подобного оформления наконечников копий автору неизвестно (рис.1.-5).

5. Полный наконечник с одним продольным пазом. Найден П.Ф. Рыженко в конце 1970-х гг. на отмели правобережья Чумыша в районе устья р. Шамоники. Цвет коричнева-то-серый, рог частично минерализован. Размеры 20x1,8x0,85 см. Сохранность хорошая. Наконечник изготовлен из слегка изогнутой роговой пластины и хорошо зашлифован, поэтому восстановить алгоритм его оформления сложно. Естественная поверхность рога срезана по всей поверхности. Сечение наконечника уплощенно-овальное, острие пера сужено, насад округлый и уплощенный. Имеются многочисленные короткие нарезки для сцепления с древком и крепления насада (рис. 1.-4). По всей поверхности сохранились затертые следы выборки рога долотовидным инструментом. Паз глубиной до 3 мм и шириной 1,5–3 мм начинается в 3 см ниже острия и заканчивается в 6 см выше основания – насада. Последний имеет округлую форму, 13 поперечных и четыре косых нарезки для закрепления в древке.

Подобные наконечники известны в кокоревской культуре Енисея (Абрамова З.А., 1979; Абрамова З.А., Гречкина Т.Ю., 1985).

Находка стольких наконечников метательного охотничьего вооружения на небольшом отрезке реки наводит на мысль о существовании здесь в позднесарганскую эпоху традиционного места охоты на переправляющихся через реку животных (покол). Только в этом случае утонувшие в случае промаха копья могли попасть в аллювий реки и сохраниться до нашего времени в таком прекрасном состоянии. К сожалению, многочисленные находки ископаемой плейстоценовой фауны на Чумыше трудно синхронизировать с временем бытования охарактеризованных наконечников копий и гарпунов.

6. Кинжал из ребра бизона. Найден П.Ф. Рыженко в 1973 г. на левобережной отмели Чумыша около северо-восточной окраины с. Черемшанки. Цвет темно-коричневый, кость минерализована. Размеры 30,8x2,8x1,2–1,4 см. Имеются поздние выкрошенности как по фасу, так и по краю изделия. Сохранность хорошая, окатанность слабая. Восстанавливается алгоритм оформления кинжала:

- обрезка ребра бизона до необходимой длины и ширины (следов, характеризующий этот процесс не сохранилось);
- удаление рельефа эпифиза ребра и превращение его в своеобразное навершие кинжала;
- оформление рукояти путем оббивки, наносимой по краю с внутренней стороны на наружную;
- удаление костной массы на предполагаемом лезвии кинжала с краев и фаса, возможно использовалось долотовидное орудие и абразивная шлифовка;
- оскабливание и шлифовка законченного изделия, заточка острия.

В законченном виде кинжал представлял собой чуть изогнутое в профиль изделие с рукоятью длиной 12–13 см и сужающимся к концу приостренным уплощенно-овальным в сечении лезвием (рис. 2.–1). Лезвие имело также два фасовых желобка – естественный и вырезанный резцом. Второй желобок имеет неровные очертания и многочисленные царапины от срывающегося каменного инструмента. Кинжал предназначен только для колющего удара. От наконечника копья его отличает наличие выраженной «рубчатой» (из-за отшлифованных фасеток оббивки) рукояти, крупные размеры и отсутствие насада. Подобные орудия автору неизвестны. Сохранность изделия, свидетельствующая о его первоначальном «аллювиальном» захоронении, позволяет предположить использование кинжала при добывании животных во время покола.

7. Орудие с бородкой. Найдено П.Ф. Рыженко на правобережной отмели Чумыша (северо-восточная окраина с. Победы) в конце 1980-х гг. Цвет темно-серый. Кость минерализована. Изделие обломано и довольно сильно окатано, т.е. место нахождения нельзя считать первоначальным. Из-за сглаживания поверхности технология оформления орудия не восстанавливается, как и часть кости, послужившая заготовкой. Отчасти бородка по очертаниям напоминает зубцы гарпунов (рис. 1.-6). Назначение орудия непонятно.

8. Обрезанный отросток рога северного оленя. Обнаружен в 1990-х гг. П.Ф. Рыженко на отмели Чумыша около старого моста (левый берег). Рог минерализован, имеет

следы подрезания и выдолбленную выемку на обломе. Возможно, этот обресток является заготовкой для оформления орудия. Минерализация и коричневый цвет свидетельствуют о плейстоценовом возрасте находки (рис. 2.-2).

9. Скульптура с верхнего Чумыша. Обнаружена С.В. Николаевым в 1987 г. между селами Брагино и Степной Чумыш. Находка и ее описание опубликованы (Ларичев В.Е., Николаев С.В., 2003). В.Е. Ларичев интерпретирует изделие как антропоморфную скульптуру, изготовленную из ребра крупного животного (рис. 4.-8). Датировка изделия определена авторами в пределах 20–13 тыс. л.н. Остается не совсем понятным, на каком основании регион находки описывается как «юг Кузбасса», административно отнесенный авторами к «Целинному району Кемеровской области» (Ларичев В.Е., Николаев С.В., 2003, с. 174). Верхнее Причумышье, административно входящее в Алтайский край (в том числе и Целинный район), в геоморфологическом отношении принадлежит Салаирскому краю.

Костяные изделия из Алтайских отрогов Горной Шории (бассейн р. Нени). Наиболее представительная серия палеолитических изделий из кости и бивня мамонта в этом

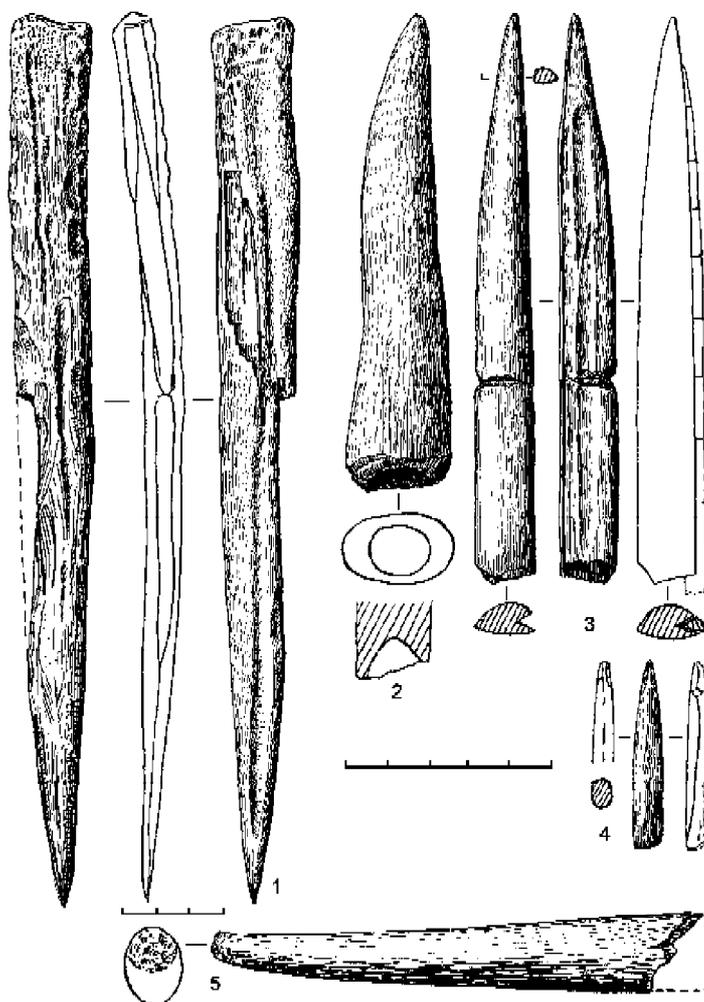

Рис. 2. Костяные и роговые изделия с Верхнего Причумышья (1, 2), местонахождения Соловьиня Лука (3), стоянок Усть-Куюм (5) и Тыткескень 3 (4)

регионе Алтая происходит из культурных слоев стоянки Ушлеп-6. Костяные изделия, обнаруженные при изучении нижнего восьмого культурного слоя, датирующегося мустьерским временем (открытая дата по образцам кости < 42000 л.н., СОАН-5045 и 39800±1100, СОАН-5498), открывают новую страницу в исследовании производительных сил общества палеантропов, так как ранее они в мустьерских комплексах Сибири не встречались (Кунгуров А.Л., Маркин М.М., Семибратов В.П., 2003).

10. Острие (наконечник ?) из бивня мамонта. Изготовлено из удлиненного скола, сохраняющего изогнутость бивня и имеющего участок естественной поверхности. Все плоскости заготовки несут следы обивки, стесывания и скобления зубчатыми орудиями. Изогнутость вызывает сомнения в возможности использовании изделия как наконечника. Однако не исключен тот факт, что древний мастер планировал выпрямить заготовку, а затем довести ее до рабочего состояния шлифовкой (найденное орудия явно не доведено до конечной формы). Технология распрямления бивня в верхнепалеолитическое время существовала, могла она существовать и в мустьерскую эпоху (рис. 3.-1). Причины хорошей сохранности найденных изделий пока непонятны. Возможно, решающее значение в этом сыграло их использование в трудовых операциях, приводящее к залощению поверхности кости, что и предотвратило ее разрушение. Не исключено также предположение о дополнительной обработке кости перед ее механической модификацией (вываривание, выщелачивание, вымачивание).

11. Лопатка (мотыга) из бивня мамонта представляет собой пластину, сколотую с поверхности бивня и имеющую подработку (стесывание и скобление) на торцах с вентральной стороны (рис. 3-2).

12. Острия (2 экз.) изготовлены из сколов диафизных трубок длинных костей крупных копытных. Заготовки обработаны сколами и ретушированием, имеют свидетельства использования в виде заполированности граней (рис. 3.-3-4).

В коллекции третьего культурного слоя, относящегося к периоду расцвета верхнепалеолитического времени и имеющего дату по образцам костей 17100±390 лет (СОАН-5044), присутствует шесть выразительных изделий из кости и бивня мамонта (Кунгуров А.Л., 1996, 1998, 2000). Это весьма показательный факт, свидетельствующий о широком использовании кости в эпоху расцвета верхнего палеолита региона. Из шести предметов два изготовлены из бивня мамонта, три – из диафизных трубок длинных костей крупных копытных животных, одно – из ребра бизона.

13. Скульптура из скола с бивня мамонта. Представляет собой стержень подтреугольного сечения, подвергнутый тщательной вторичной обработке. Две грани скола, менее всего нуждавшиеся, по мнению мастера костеобработки, в видоизменении, тщательно зашлифованы. Третья грань подвергнута обивке и только после этой операции отшлифована. У получившейся заготовки выделена более узкая часть путем срезания ее граней. Заполированы также торцы изделия, несущие следы пиления и сколов. Следует отметить целенаправленное выделение «тали» получившейся фигуры, осуществленное с помощью обивки и подшлифовки. Законченное изделие не имеет ни одной острой грани, пригодной для использования в работе. Более всего она напоминает или рукоять для какого-либо орудия, или стилизованную женскую статуэтку, точнее основу статуэтки (рис. 4.-1). На наш взгляд, вполне допустимо использование древним человеком для создания законченного образа скульптуры других органических материалов – дерева, кожи, меха. Изделия, подобные ушлепскому, вовсе не редкость. Традиционная интерпретация их как стилизованных женских изображений («столбообразных» фигур) в отечественной литературе утвердилась достаточно давно (Абрамова З.А., 1962).

14. Нож из скола с бивня мамонта. Изделие оформлено на «краевом» сколе с бивня, так как сохранился участок его наружной поверхности с характерным рельефом. Возможно, скол получен случайно, при утилизации древним человеком бивня. Затем этот скол был подретуширован. Более массивная часть модифицирована в рукоять, более тонкая при помощи ретушировки и подшлифовки края превращена в тонкое режущее лезвие (рис. 4.-2).

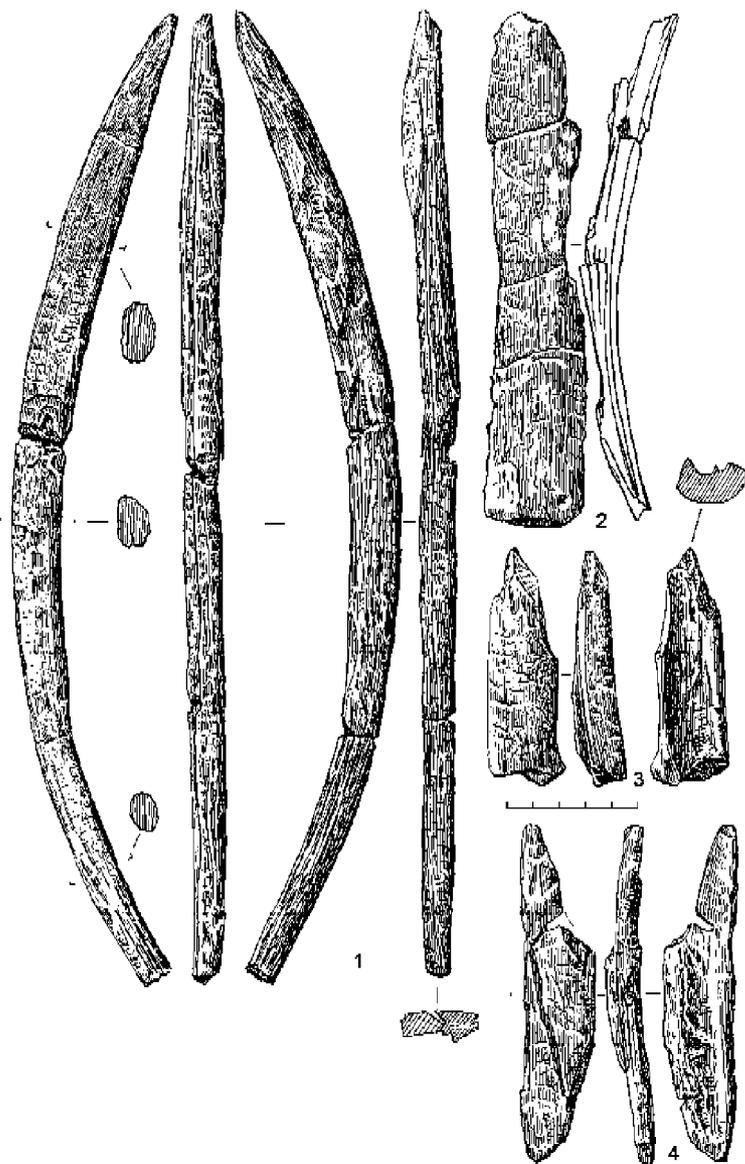

Рис. 3. Изделия из бивня (1, 2) и кости из 8 к.с. стоянки Ушлеп-6

15. Вкладышное орудие из ребра бизона. Утилизация ребра для получения необходимой человеку заготовки произведена обрубанием дистальной и проксимальной частей. Места отчленения дополнительно обрезаны, как и края ребра. Затем на вогнутой части заготовки был вырезан паз глубиной 3 см и максимальной шириной 0,7 см (практически выбиралась губчатая масса внутренней полости кости). Паз постепенно сужается к концам орудия (рис. 4.-3).

16. Острие с «бородкой». Изготовлено из продольного скола диафизной трубки длинной кости крупного копытного. Сечение скола подтреугольное. Одна плоскость заготовки оставлена без обработки, так как она достаточно ровная. Две другие грани тщательно оббиты и ретушированы для достижения необходимой формы. Один конец заготовки

намеренно утоньшен поперечной обивкой и окончательно доведен до рабочего состояния продольными срезами. Таким образом подготовлено острие, занимающее одну треть общей длины орудия. Кончик острия приострен подшлифовкой. Примерно посередине рабочей части выделен уступ-бородка, назначение которой не совсем понятно. Возможно, оно использовалось для продевания нити при шивании шкур, слишком толстых для костяной иголки с ушком (обувь, верхняя одежда, покрывка жилища) (рис. 4.-5).

17, 18. *Заготовки орудий* представлены двумя сколами, аналогичные предыдущему. Более крупное изделие напоминает описанное острие, но не доведенное до рабочего состояния. Фиксируются продольные и поперечные сколы, не связанные с пищевой утилизацией. Не исключено то, что подготовленная заготовка не реализована в орудие, но использовалась для каких-то разовых операций. Второй предмет можно охарактеризовать как костяной «вторичный» отщеп, сколотый при оформлении более крупного орудия (рис. 4.-4, 6).

19. *Случайная находка из с. Ненинка*. Представляет собой окончание отростка рога северного оленя с кольцевым пазом-пропилем, нанесенным каменным резцом. Рог минерализован, найден в аллювии правого берега Нени на северо-восточной окраине с. Ненинки в 1979 г. (рис. 4.-7).

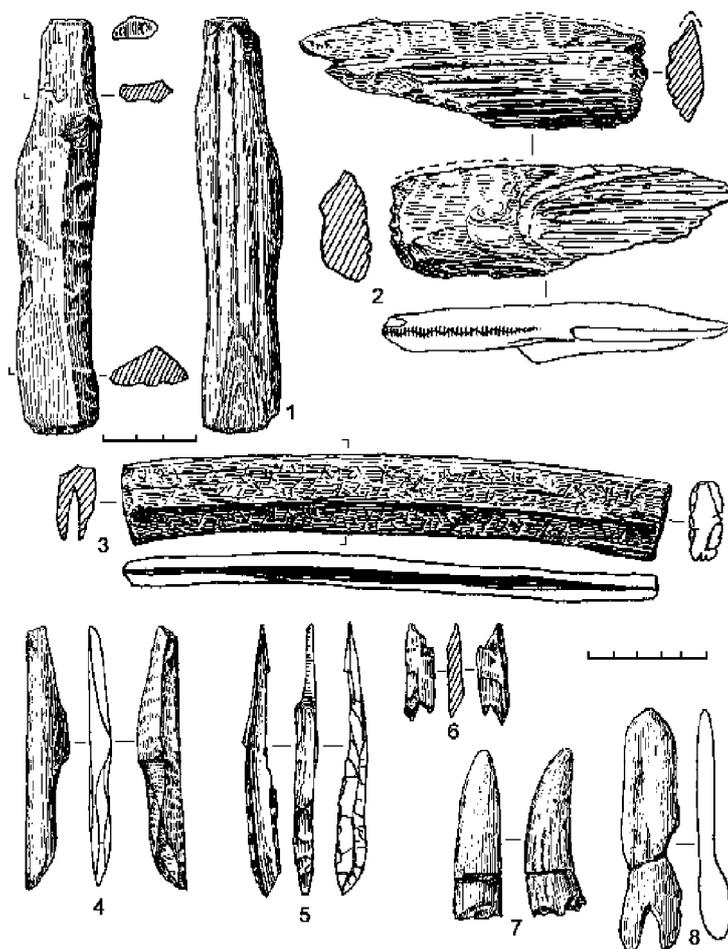

Рис. 4. Изделия из бивня, кости и рога из 3 к.с. стоянки Ушлеп 3 (1-6), местонахождений у с. Ненинки (7) и Верхнего Причумышья (8; по В.Е. Ларичеву)

Костяные изделия из памятников Нижней Катунь и Верхнего Приобья.

20. Роговой посредник (отбойник). Найден в 1990 г. при исследовании Н.Ю. Кунгуровой (1994) палеолитического жилища на многослойном поселении Усть-Кулом рядом с очагом №3. Изделие представляет собой обрезок отростка рога марала длиной 11,5 см. Проксимальная часть посредника, по которой наносились удары при обработке камня, частично разрушена, на дистальной (ударной) сохранились вмятины и каверны от контакта с поверхностью обрабатываемых изделий (рис. 2.-5)

21. Костяное острие. Обнаружено в 1990 г. при раскопках многослойного поселения Тыткескень-3 в шестом верхнепалеолитическом культурном слое. Радиометрическая датировка древесного угля из вышележащего пятого раннемезолитического слоя составляет 12850 тыс. л.н. (СОАН-2989), поэтому предварительно шестой культурный слой можно датировать временем 15–13 тыс. л.н. Острие представляет собой стержень, вырезанный из продольного скола диафизной трубки крупного копытного длиной 4,7 см. Продольными срезами заготовке была придана необходимая форма, микросколами и абразивной шлифовкой оформлено острие (рис. 2.-4).

22. Наконечник копья с местонахождения Соловьиная Лука (нижнее течение Алея). Найденный обломок верхней части наконечника имеет размеры 14x1,4x0,6 см (рис. 2.-3) (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., Шпакова Е.Г., 2000). Судя по имеющимся наконечникам подобных параметров, это или половина или чуть меньше половины изделия (Абрамова З.А., Гречкина Т.Ю., 1985). Форма наконечника слегка асимметрична, сечение плоско-выпуклое. Край, по которому проходит паз, более ровный, приостренная часть слегка загибается к острию. Возможно, симметричность изделия достигалась лезвием из вставленных в паз вкладышей, как у наконечника с Кокорево-I (Абрамова З.А., 1979, рис. 53). Судя по параллельности краев в нижней трети изделия, далее оно расширялось. Паз начинается в 1,2 см от острия, его глубина равномерно понижается к нижнему концу (обломку) до 0,45 см. Ширина паза до 0,35 см. Можно более-менее уверенно реконструировать алгоритм изготовления наконечника. Сырьем для него послужил вертикальный (продольный) скол диафизной трубки кости крупного копытного животного. Заготовка имела около 30–40 см длину, около 2 см ширину и плоско-выпуклое сечение. Один из краев заготовки на следующем этапе работы был срезан на 0,3–0,4 см под небольшим углом от выпуклого фаса к плоскому, а затем на срезе пропилен паз. Об этом свидетельствуют длинные ровные борозды на внутренней стороне желобка. Позже строганием оформлено острие и, возможно, несохранившийся насад. Острие обработано как с краев, так и с фасов заготовки. Практически готовый наконечник был тщательно обскоблен и зашлифован, а боковые грани, в том числе пазовые, приострены. О том, что паз нанесен на заготовку до ее заострения, свидетельствует прерывание параллельных царапин на стенках желобка из-за удаления части кости. Для создания режущего лезвия наконечника необходимы ровные пластины или сечения шириной до 0,6–0,7 см.

Наиболее близки изделию из Соловьиной Луки наконечники копий «кокоревского типа», характерные для позднесартанских комплексов Енисея. Существенным отличием является то, что кокоревские наконечники изготовлены из рога северного оленя и по иной методике утилизации сырья. В более позднее время вкладышевые орудия приобретают существенно иную форму: становятся относительно плоскими, соразмерными и симметричными (Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х., 2000). Интересным фактом является находка вместе с ископаемой фауной, мелкими сколами и наконечником копья обломка нижней челюсти ребенка (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., Шпакова Е.Г., 2000, с. 155).

Достаточно многочисленные находки костяных и роговых изделий в предгорно-равнинной части Алтайского края демонстрируют адаптационный момент древнего присваивающего хозяйства. Прежде всего за счет использования кости, рога и бивня древние мастера удовлетворяли потребность хозяйства в крупных колюще-режущих орудиях. За исключением долины Катунь, в остальных упомянутых в статье регионах отсутствует сырьевая база, которая могла бы компенсировать потребность в этих изделиях. Основное используемое в палеолите этих регионов минеральное сырье (аллювиальный галечник, алев-

ролит, кварцитовые коллювиальные россыпи и т.п.) не позволяло изготовить достаточно крупные, ровные и прочные охотничьи орудия. В долине нижнего Алея выходов пригодного для обработки камня нет совсем.

Библиографический список

- Абрамова З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР. М; Л., 1962. 86 с., 63 табл. (САИ. Вып. А4-3).
- Абрамова З.А. О вкладышевых орудиях в палеолите Енисея // КСИА. 1967. Вып. III. С. 12–18.
- Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск, 1979. 200 с.: ил.
- Абрамова З.А., Гречкина Т.Ю. Об охоте и охотничьем промысле в позднем палеолите Восточной Сибири // КСИА: Каменный век. 1985. Вып. 181. С. 44–49.
- Герасимов М. Мальта. Палеолитическая стоянка (предварительные данные). Результаты работ 1928/29 г. Иркутск, 1931. 34 с.: ил.
- Горбунов В.В., Кунгуров А.Л. Случайные археологические находки с Верхнего Чумыша (по материалам музея с. Победа) // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001. С. 111–126.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., Шпакова Е.Г. Местонахождение Соловьиная Лука // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. Т. VI. С. 147–155.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул, 2000. 119 с.: ил.
- Кунгуров А.Л. Палеолитические находки в предгорьях Алтая // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1986. С. 66–69.
- Кунгуров А.Л. Мальтинский культурный слой поселения Ушлеп-6 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. Вып. VII. С. 45–50.
- Кунгуров А.Л. Итоги изучения многослойной палеолитической стоянки Ушлеп-6 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. Вып. IX. С. 31–35.
- Кунгуров А.Л. Костяные изделия третьего культурного слоя стоянки Ушлеп-6 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 69–71.
- Кунгуров А.Л., Маркин М.М. К вопросу о сборах на галечных отмелях рек // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. Вып. VIII. С. 93–96.
- Кунгуров А.Л., Маркин М.М., Семибратов В.П. Восьмой культурный слой многослойной палеолитической стоянки Ушлеп-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX. Ч. 1. С. 159–162.
- Кунгурова Н.Ю. Палеолитическое жилище на поселении Усть-Куюм (по итогам раскопок 1989–90 гг.) // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 9–13, 193–197.
- Ларичев В.Е., Николаев С.В. Палеолитическая скульптура женщины на юге Кузбасса (описание объекта искусства, его датировка, аналогии и семантика) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX. Ч. 1. С. 173–182.
- Палеолит СССР. М., 1984. 384 с.: ил. (Археология СССР).
- Палеолит Среднего Приднестровья. М., 1959. 280 с. (Труды КИЧП. Т. XV).

Ю.П. Чемякин

Уральский государственный университет, Екатеринбург

ЭНЕОЛИТ СУРГУТСКОГО ПРИОБЬЯ

Заселение Сургутского Приобья началось в каменном веке. Сейчас на этой территории найдены не только неолитические, но и мезолитические и даже верхнепалеолитические памятники. Начиная с 1972 г. в регионе выявлено около 100 стоянок и местонахождений каменного века. Только в урочище Барсова гора находится 41 памятник, из которых

14 исследованы раскопками. На них изучены остатки 46 построек и три погребения. За пределами урочища в Сургутском Приобье раскопки проводились на 8 поселениях, на которых выявлены остатки 14 древних сооружений. Большинство памятников датировано неолитом. К энеолиту (III – начало II тыс. до н.э.) можно отнести 12 поселений и один могильник.

Самым массовым материалом при раскопках древностей этого периода на севере Западной Сибири пока является керамика. Посуда на протяжении всего рассматриваемого периода орнаментировалась полностью, включая венчики и днища. Встречаются узоры и на внутренней поверхности. Анализ орнамента на сосудах позволил выделить в энеолите региона минимум три культурных типа. В то же время каменный инвентарь поселений пока малочислен и не используется нами как культурный индикатор.

Барсовогорская группа памятников (поздняя, или 3-я, стадия стадия). До недавнего времени единственным памятником, где изучены остатки жилищ, была стоянка Барсова гора-I/5а. В 1972 г. В.М. Морозовым и в 1976 г. М.В. Елькиной на памятнике были раскопаны три жилища (Морозов В.М., Чемякин Ю.П., 2005; Матвеева Н.П., 1979). Расстояние между постройками превышало 70 м, что говорит о большой площади поселения. Два жилища в восточной части памятника имели прямоугольную форму, размеры 5,3х5,3 и 6,3х5,6 м (площадь 28 и 35 кв. м). Глубина котлованов 60–80 см, пол неровный. На дне наблюдалась прослойка охры.

В одном жилище ближе к южной стенке отмечен мощный прокол, а посередине котлована – неглубокая яма, засыпанная охрой. «В северной части жилища была обнаружена каменная кладка из крупных валунов и гальки, идущая от края постройки к центру в виде прямой стенки. Современная высота ее около полуметра, длина 2,7 м» (Матвеева Н.П., 1979, с. 75). Вокруг жилища выявлены небольшие ямы, а рядом с ними – ямки от столбов. Во второй постройке зафиксированы коридорообразный выход и два очага в виде линз бурой супеси. Один из них располагался ближе к северо-восточному углу постройки, другой – у западной границы котлована. Как полагает Н.П. Матвеева (1979, с. 75), он находился снаружи у стены жилища и запыль в котлован после его разрушения. Жилище 3 в западной части стоянки было также небольшое (4,2х3,6–4,2 м), глубина котлована до 65 см, а дно его посыпано охрой. В центре постройки обнаружены остатки очага в виде пятна прокала. С южной стороны к нему примыкала яма. У западной стены котлована и по обе стороны от очага расчищены три столбовые ямки (Морозов В.М., Чемякин Ю.П., 2005).

В 1994 г. Н.В. Шатуновым были раскопаны остатки полуразрушенной углубленной постройки на стоянке Барсова гора-II/15 (Шатунов Н.В., 1994). Дно ее было посыпано охрой мощностью 2–7 см.

Керамика стоянки Барсова гора-I/5а во многом напоминает барсовогорскую неолитическую (см.: Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г., 2002, с. 15–19, рис. 2, 4). В коллекции есть как открытые, так и закрытые емкости (рис. 1.-1–9). В то же время здесь больше сосудов с вертикальными и отогнутыми наружу стенками. Днища округлые и приостренные, плоских не найдено. Есть сосуды с волнистым краем и «ушками», оформленными защипами. Наплыв с внутренней стороны практически исчезает. Венчики в основном округлые и приостренные, плоские встречаются редко. На некоторых фрагментах венчик отогнут наружу. Сосуды средних и небольших размеров. Поверхность хорошо заглажена, местами залощена. В качестве примеси к глиняному тесту применялся шамот.

На посуде встречаются те же орнаментальные композиции и приемы нанесения узоров, что и в неолите. Среди технических приемов орнаментации доминирует отступающее-накольчатый (в том числе двузубым штампом) и «шагающий». На третьем месте – ямочные вдавления. Печатно-гребенчатый способ и ямки с внутренней стороны (жемчужины) применялись редко, практически нет прочерченной (резной) техники. В орнаменте полностью исчезают горизонтальные прямые и ломаные линии. Возрастает роль зон «шагающего» штампа – до 37,4%. Иногда эти зоны служили своеобразным фоном, на котором наносились узоры отступающее-накольчатый способом. Почти на 80% сосудов под венчиком есть ряды из ямок или, редко, жемчужин. Горизонтальные волнистые линии составляют пятую часть всех узоров. Более редкими, по сравнению с неолитом, стали пояски разно-

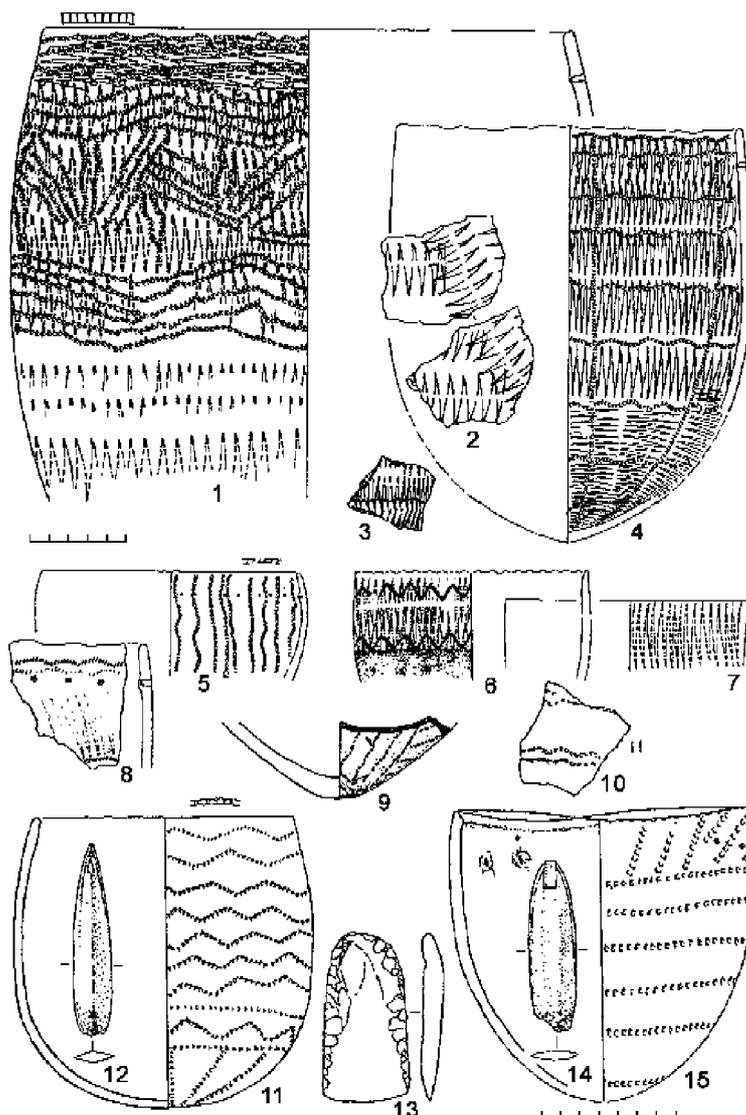

Рис. 1. Энеолит Сургутского Приобья: 1–9 – стоянка Барсова гора-I/5; 10–15 – поселение Барсова гора-II/8 (12–14 – камень, остальное – керамика)

наклонных отрезков, вертикальные волнистые линии и насечки по внешнему краю сосудов. Единичны пояски из ромбов и вертикальная «елочка». Два венчика орнаментированы наклонными линиями с внутренней стороны. Верхний срез венчика более чем у половины сосудов украшен прямыми или косыми (в обе стороны) насечками и овальными вдавлениями, что также не характерно для предшествующего периода.

Посуда, аналогичная найденной на стоянке Барсова гора-I/5а, происходит из энеолитического слоя городища Барсов городок-I/31, а также из сборов и раскопок на стоянках Барсова гора-II/9, 15, 42 и на селище Барсова гора-III/22. На ряде памятников найдены обломки сосудов, использовавшиеся в качестве лоцил (Барсова гора-I/5а, II/15). Боковые грани (сколы) этих фрагментов зашлифованы.

Отмеченные общие черты керамики стоянки Барсова гора-I/5a и ей подобных с барсовогорской неолитической посудой (в форме, приемах орнаментации, узорах) демонстрируют преемственность в развитии культуры. В то же время ряд признаков – тонкостенность сосудов, исчезновение наплывов на венчиках, появление приостренных днищ, новых орнаментальных мотивов, рядов ямок или жемчужин под венчиком и другие – свидетельствуют о новом этапе ее существования.

Каменный инвентарь энеолитических поселений очень непредставителен. На стоянке Барсова гора-I/5a найдены абразивная пила и шлифовальный брусок (Матвеева Н.П., 1979, с. 76, рис. 3.-3). Две узкие пластинки и боковой скребок, сделанный на высокой пластине треугольного сечения, обнаружены при раскопках городища Барсов городок-I/32 (стоянка Барсова гора-I/31a). На стоянке Барсова гора-II/15 найдены отбойники, наковальни, долотовидные орудия, шлифованные нож и тесло, скобель на пластине. Заготовки представлены нуклеусом и нуклеидными формами, основным же типом являлись отщепы. Они нередко имеют следы шлифовки на спинке, являясь сколами лезвий шлифованных орудий. Расщепление камня проводилось ударной и контрударной техникой скола. Для изготовления орудий применялось местное галечниковое сырье. Использовались различные породы камня: кварц и кварциты, кремнистые и глинистые сланцы, опоки и др. (Шатунов Н.В., 1994).

Постройки стоянки Барсова гора-I/5a чрезвычайно близки и по устройству, и по площади барсовогорским неолитическим, что свидетельствует об устойчивости домостроительной традиции. Даже такая оригинальная конструкция, как каменная кладка, выполнявшая, возможно, роль своеобразной батареи, известна в предшествующее время на стоянке Барсова гора-II/16a (Матвеева Н.П., 1990). Поселки по-прежнему имели большую площадь, а их топография аналогична топографии стоянок эпохи неолита.

При рассмотрении керамики со стоянки Барсова гора-I/5a Н.П. Матвеева сравнивала ее с последним, гребенчатым этапом зауральского неолита и нашла наибольшее сходство с керамикой северных стоянок Чэс-Тый-Яг и Вуграсян-Вад. В то же время, по ее мнению, описываемая керамика напоминает липчинскую и, видимо, одновременна ей (Матвеева Н.П., 1979, с. 78-81). В.Ф. Старков (1975, с. 157) отмечал, что тонкостенность, залощенность стенок, разреженность орнамента и отсутствие наплывов на внутренней стороне венчика, наблюдаемые на нижнеобских стоянках, являются общими чертами для всего ареала восточно-уральской культуры в самом конце неолита (середина III тыс. до н.э.). Согласно современным представлениям, III тыс. до н.э. соответствует энеолиту Урала и Сибири. Таким образом, перечисленные черты, в первую очередь отсутствие наплывов в сочетании с большим удельным весом поясков из ямок или жемчужин под венчиком, больше характеризуют энеолит (сосновоостровские памятники, липчинскую, шапкульскую и другие культуры). На этом основании мы присоединяемся к точке зрения Н.П. Матвеевой, датируя стоянку Барсова гора-I/5a и ей подобные энеолитом.

Необходимо отметить своеобразие сургутской керамики по отношению к посуде других энеолитических культур (типов памятников), возникших на основе восточно-уральского неолита (Ковалева В.Т., 1979; Старков В.Ф., 1980; Косарев М.Ф., 1981, 1993; Ковалева В.Т., Чаиркина Н.М., 1991). Оно проявляется в большом количестве волнистых линий, в отсутствии геометризма, в совокупности технических приёмов орнаментации, в том числе на одном сосуде, в манере перекрытия одного узора другим, в характере отступающе-накольчатой техники, в степени преемственности по отношению к неолитической. Эти черты позволяют выделить новую группу энеолитических памятников, локализирующуюся в Сургутском Приобье и сформировавшуюся на основе местной неолитической барсовогорской группы (типа) памятников. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно оставить за ней название барсовогорской, выделив в последней энеолитическую стадию.

Комплекс с «отступающе-накольчатой» керамикой. Некоторым своеобразием отличается поселение Барсова гора-II/8б (сооружения, в которых найдена керамика, украшенная отступающе-накольчатым способом). Одна из построек (№2) явилась типичной в ряду жилищ каменного века Сургутского Приобья. Иными оказались постройки №6 и 7

(Косинская Л.Л., 1993). Не выделяясь среди прочих размерами, они были менее глубокими, а на их полу не было охристой подсыпки.

Жилище №2 имело подпрямоугольный котлован размером 6х4,7 м и глубиной до 60–70 см, ярко-красную охристую прослойку на дне. По периметру котлована наблюдался уступ (следы нар?). Выступ в юго-западном углу длиной 0,9 м и шириной 1,1 м мог служить выходом. В северной части жилища в углублении находился очаг, а рядом с ним – хозяйственная (?) яма. В ней найден каменный терочник. Постройки №6 и 7 представляли собой прямоугольные полуземлянки площадью 50–55 кв. м. Небольшие коридорообразные выходы из них располагались близ южных углов и были направлены под углом в сторону реки.

На поселении Барсова гора-II/86 найдены обломки сосудов в основном полуяйцевидной формы, с округлым дном и почти вертикальными, чуть загнутыми внутрь стенками (Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г., 1999, с. 17, 19, рис. 6.-7–17). Один экземпляр имел митровидную форму (рис. 1.-11). Края сосудов прямые. Венчики округлые, уплощенные и приостренные. Последние скошены внутрь и напоминают редуцированные подтреугольные наплывы на неолитической посуде. Размеры емкостей небольшие – диаметр по венчику от 14 до 23 см. При лепке посуды в глину добавлялся шамот и органические добавки, выгоравшие при обжиге. Черепки плотнее, чем неолитические барсовогорские. Поверхность тщательно заглаживалась, а затем нередко лошилась.

Узоры на сосудах наносились в отступающе-накольчатой технике, в нескольких случаях представляя собой отдельные часто поставленные, но не соединяющиеся друг с другом наколы (рис. 1.-10, 11, 15). Обычно использовалась тонкая палочка шириной 1–1,5, максимум 2 мм. В единичных случаях применялась лопаточка. Края венчиков с внешней стороны либо сверху украшались насечками. Орнамент на тулове разреженный. Как правило, выделялись зоны под венчиком (бордюрная) и в придонной части. Иногда бордюрную зону обрамляли ямочные вдавления. В двух случаях они представляли простой пояс, в двух других образовывали горизонтальный ряд треугольников или параллелограммов. Среди узоров доминируют горизонтальные зоны или пояски из 2–5 прямых или волнистых линий, разделенных относительно широкими неорнаментированными зонами. Редки пояски наклонных линий, одиночный или двойной зигзаг, оконтуренный прямыми линиями. Тулова 3–4 емкостей были орнаментированы редкими вертикальными поясками волнистых линий. Нижняя зона украшалась прямыми или волнистыми линиями, сходящимися в центре дна. Интересны два фрагмента, украшенные в придонной части изнутри. Орнамент был нанесен в той же отступающе-накольчатой манере, а композиции были близки или повторяли узор на внешней стороне.

Из трех жилищ происходят восемь орудий и единичные мелкие кварцевые и сланцевые отщепы. Еще семь орудий отнесены к данному комплексу условно, исходя из условий их залегания или типологической близости найденным в постройках. Тесла, наконечники стрел и ножи обработаны шлифовкой (рис. 1.-12–14). В качестве материала использовались сланцевые и кремневые породы. Один из наконечников стрел имел иволистную форму, расширяющуюся к суженному насаду, и ромбовидное сечение. Близкие наконечники найдены на памятниках быстринского, барсовогорского и амнинского типов. Другой наконечник представлен уплощенным обломком шестигранного сечения. Ножи симметричной иволистной формы, плоско-выпуклые в сечении. Концы их обломаны; не исключено, что первоначально они использовались как наконечники стрел. Долога и однокомбинированное орудие изготовлены оббивкой и ретушью на кварцевых отщепах. Есть также абразивная пила из кварца и сланцевые абразивные плитки.

О датировке и культурной принадлежности комплекса с «отступающе-накольчатой» керамикой поселения Барсова гора-II/86 говорить еще сложнее, чем о барсовогорских. В предшествующее время в Сургутском Приобье неизвестна отступающе-накольчатая орнаментальная традиция в чистом виде, за исключением немногочисленных сборов на стоянках Барсова гора-IV/19 и II/25. Л.Л. Косинская (1991, с. 178) допускала его существование в конце неолита или энеолите, однако потом пересмотрела свою позицию в сторону

удревнения комплекса. Находя типологическую близость между ним и быстринским (ранне-неолитическим) комплексом этого же памятника, она предположила их генетическое родство и не слишком значительный хронологический разрыв между ними (Косинская Л.Л., 1993, с. 79–80; Косинская Л.Л. и др., 2002, с. 143).

Среди памятников, сравнимых с Барсовой горой-II/8б, следует назвать Большеларьяжское-II поселение эпохи неолита на р. Вах (Посредников В.А., 1969, с. 83–84, рис. 32.-1–6; 1973, с. 79–83, табл. 2). Там найдена аналогичная по форме посуда, украшенная отступающе-накольчатой и, редко, прочерченной техникой. В коллекции есть также сосуды, орнаментированные шагающей и печатно-гребенчатой техникой. Кроме неолитической, на поселении найдена энеолитическая посуда. Узоры в виде волнистых линий, покрывающих все тулово сосудов, зон взаимопроникающих заштрихованных треугольников предполагают более древний возраст керамики Большеларьяжского-II поселения по сравнению с Барсовой горой-II/8б, с чем согласна и Л.Л. Косинская (1993, с. 80). Как и в постройках №6, 7 поселения Барсова гора-II/8б, в большеларьяжских ранних жилищах нет охристой подсыпки на полу. Однако керамика из них как раз и отличается применением, наряду с отступающе-накольчатой техникой, шагающей и печатной гребенки. Аналоги посуде поселения Барсова гора-II/8б можно найти и среди сосудов третьей энеолитической группы Васюганья (Кирюшин Ю.Ф., 2004, рис. 65.-1).

Определенное сходство с керамическим комплексом поселения Барсова гора-II/8б имеет посуда стоянки Артын в Среднем Прииртышье. Правда, на последнем памятнике большой удельный вес имеют ямочные вдавления. Комплекс был определен как позднеэнеолитический, однако его абсолютная дата – середина или 2-я половина III тыс. до н.э. (Косинская Л.Л., 1982, с. 20, 23, 26, рис. 3, 4.-1) – соответствует современному пониманию стоянки как энеолитической (Косарев М.Ф., 1987, карта 33.-№38; 1993, с. 56–57, рис. 18.-1–4, 6, 8, 11). Некоторую близость сургутской посуде по форме и ряду узоров, в первую очередь разреженным вертикальным колонкам, можно обнаружить на керамике атымьинского этапа энеолита бассейна р. Конды (Стефанов В.И., Кокшаров С.Ф., 1990, с. 48, рис. 2, 3; Кокшаров С.Ф., 1991, рис. 1-10). Сходство есть и в устройстве жилищ.

Приведенные сравнения позволяют предварительно отнести комплекс с «отступающе-накольчатой» керамикой поселения Барсова гора-II/8б к позднему неолиту или энеолиту. Этому не противоречит и некалиброванная радиоуглеродная дата из жилища №6 – 4815 ± 80 (JE-4976a) (Косинская Л.Л. и др., 2002, с. 142–144). Калиброванная дата опускает памятник в IV тыс. до н.э. Что касается его происхождения, то нам кажется вероятней его связь с барсовогорской группой, чем с быстринской. Еще ближе к нему комплекс типологически более архаичной керамики со стоянки Барсова гора-IV/19. Но последний очень мал. В силу этого, до конца не ясно его происхождение и не определен характер его связи с поселением Барсова гора-II/8б. Наконец, не исключен пришлый характер носителей отступающе-накольчатой традиции орнаментации керамики, но эта гипотеза в настоящее время также не имеет достаточных аргументов.

Своеобразен **керамический комплекс поселения Барсова гора II/9а**. На нем исследованы четыре ранних постройки с углубленными на 0,5–0,6 м прямоугольными котлованами и охристыми подсыпками на полу. Одна из них имела размер 6×5 –5,5 м, остальные частично разрушены (Чемякин Ю.П., 1999; Чемякин Ю.П., Ушаков М.А., 1999, с. 33–34). Посуда представлена двумя орнаментальными группами. На одной узоры нанесены отступающе-накольчатой техникой, на другой – гребенчатым штампом (печатным и шагающим). Сосуды первой группы (рис. 2.-6–8) отличаются отсутствием напылов под венчиком с внутренней стороны, на нескольких экземплярах в верхней части был нанесен пояс из жемчужин (Чемякин Ю.П., Ушаков М.А., 1999, рис. 1). Разреженные узоры на них состоят из горизонтальных и вертикальных волнистых линий, сгруппированных ямочных вдавлений. Они находят аналогии как по форме, так и по узорам среди сургутской керамики с отступающе-накольчатой орнаментацией, в частности, поселения Барсова гора-II/8б, а также энеолитической барсовогорской (Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г., 2002, с. 21, рис. 5.-2, 9, 17, 18; 6.-12–17). Есть некоторое сходство с посудой артынского типа (Прииртышье) и неолитическими сосудами Большеларьяжского II поселения (бассейн р. Ваха).

Вторая группа (Чемякин Ю.П., Ушаков М.А., 1999, рис. 2) сравнима с керамикой стоянки Барсова гора-I/8a (Чемякин Ю.П., 2001) и, вероятно, генетически связана с ней. Л.Л. Косинской (2003) такая керамика отнесена к еттовскому типу. Она имеет такую же форму, но венчики у ряда сосудов более приостренные, а с внутренней стороны у 2 экз. были карнизники (рис. 2.-1-5). Встречаются округлые венчики без наплывов изнутри. Есть несколько небольших чаш. Внешняя поверхность емкостей иногда заглаживалась до лощения. Часть сосудов по краю венчика украшена овальными вдавлениями. Орнаментальная композиция часто начиналась пояском из наклонных вправо отрезков. Они сменялись поясками прямых или ломаных линий, рядом (или рядами) «шагающей» гребенки. Иногда

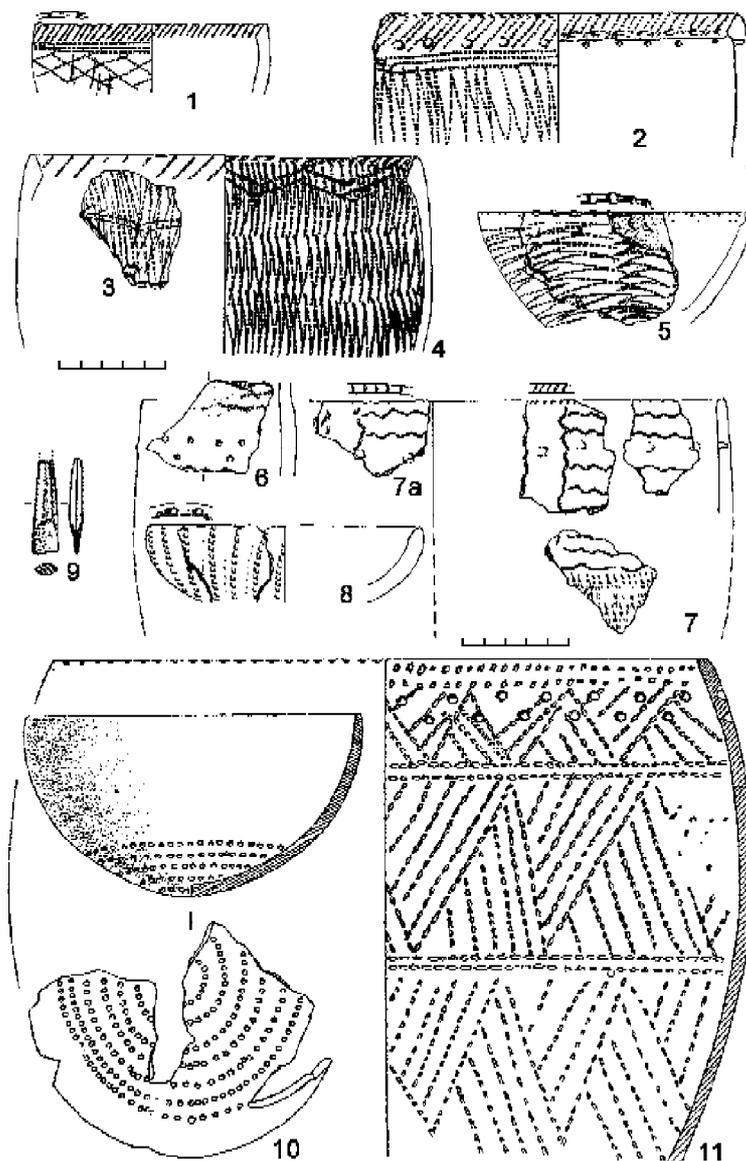

Рис. 2. Энеолит Сургутского Приобья: 1-8 – поселение Барсова гора-II/9; 9-11 – могильник Барсовский-II (9 – камень, остальное – керамика)

поверх «шагающей гребенки» наносились узоры печатным способом. Напльвы с внутренней стороны венчика украшены поясками из наклонных вправо оттисков гребенчатого штампа, зигзагом, овальными вдавлениями. На двух сосудах с внутренней стороны нанесены глубокие ямки, от которых снаружи образовались жемчужины (как на посуде сосновостровского типа). К этой группе примыкает сосуд, украшенный оттисками гладкого штампа. В целом же данный комплекс посуды выглядит моложе комплекса стоянки Барсова гора-I/8а, в первую очередь за счет формы венчиков, пояска жемчужин под ними, тонкостенности, большей плотности черепка и более тщательной обработки поверхности, включая лощение. Подобная характеристика присуща энеолитической керамике стоянки Барсова гора-I/5а и ряду других. Интересно, что в разных жилищах поселения Барсова гора-II/9а соотношение между «отступающе-накольчатой» и «гребенчатой» керамикой различно.

Каменный инвентарь состоит из галек, небольших бульжников, в том числе расколотых, отщепов, среди которых есть кварцевые. Найдены скребок округлой формы с круговым лезвием, абразивы и тесла со следами пришлифовки, шлифованный нож, обломки шлифованных орудий. Интересны абразивы (лощила?) на обломках керамики (рис. 2.-б). Такие изделия известны на многих неолитических и энеолитических стоянках Барсовой горы. В одной из построек обнаружены округлые бусины диаметром 9–10 мм из обожженной глины (Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г., 2002, рис. 3-б).

Остеологический материал представлен костями рыбы (щука, карповые и осетровые), бобра и пережженными костями млекопитающих. В постройке №9 наряду с костями рыбы найдены кальцинированные косточки собаки.

Находки во всех исследованных жилищах, но в разных соотношениях, керамики двух орнаментальных традиций (гребенчатой и отступающе-накольчатой) свидетельствуют, на наш взгляд, во-первых, о возможной одновременности построек, во-вторых, о взаимодействии двух разных (этнических?) групп населения. Подобное взаимодействие, но с носителями барсовогорской культурной традиции, зафиксировано на стоянке Барсова гора-IV/5 и поселении Барсова гора-II/10 (Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г., 1999, с. 16–17, рис. 3.-5–7; 4). Жилища поселения Барсова гора-II/9 предварительно датированы энеолитом. Они представляют собой достаточно оригинальный комплекс, но он не выглядит чужеродным среди древностей Сургутского Приобья и характеризует одну из стадий энеолита региона.

Ваховский тип памятников охарактеризован Е.А. Васильевым по материалам поселений Большой Ларьяк-II и III. Он определяется круглодонными сосудами закрытого типа с напльвом на внутренней стороне венчика. Исследователь отмечает тенденцию к некоторой уплощенности днищ. Узор наносился преимущественно, а на некоторых памятниках исключительно печатной гребенкой, удельный вес «шагающей гребенки и отступающей палочки» минимален. Среди орнаментальных мотивов широко представлены геометрические: зигзаги, ромбы, треугольники (контурные и заштрихованные), ромбическая сетка, зоны взаимопроникающих заштрихованных треугольников. Они составляют до половины всех узоров (Васильев Е.А., 1989, с. 10). Жилище на поселении Большой Ларьяк-III представляло собой постройку с углубленным на 40 см в материк прямоугольным котлованом размером 6,4x5 м и коридорообразным выходом, направленным в сторону реки (Васильев Е.А., 1978, с. 8, рис. 3). Охристая подсыпка в нем отсутствовала. Васильевым отнесены к ваховскому типу и стоянки Барсовой горы (Барсова гора-I/8а, IV/5). Он пишет: «Сопоставление и анализ материала поселений Ваха и Барсовой горы приводят к выводу об их культурной идентичности». И далее: «Наиболее яркие, характерные черты ваховской керамики – гребенчатость, геометризм и четкая зональность – не имеют генетических корней в среднеобской неолитической орнаментальной традиции, но находят достаточно полные аналогии в широком круге гребенчатых культур Южного и Среднего Зауралья. Цепочка поселений ваховского типа, вытянувшаяся вдоль Оби и Ваха, отразила путь древних уральцев с восточных склонов Урала в глубинные таежные районы Западной Сибири» (Васильев Е.А., 1989, с. 13). Соглашаясь с мнением об уральском происхождении этих памятников как самым аргументированным, я полагаю недостаточно обоснованным

объединение древностей Барсовой горы и бассейна Ваха в один тип. Но не исключена генетическая связь ваховских древностей с памятниками так называемого еттовского типа.

Энеолитический погребальный комплекс. Своеобразие керамики, обнаруженной в Барсовском-II могильнике, невозможность в настоящее время соотнести ее с известными поселенческими комплексами заставляет рассмотреть материалы этого памятника отдельно. Могильник находится на самом высоком – 26–28 м от уровня воды – участке Барсовой горы. Всего обнаружено три могильных ямы, но лишь в одной из них сохранились останки человека (Чемякин Ю.П., 1980). Погребение 1 было совершено в овальной яме размером 205x70 см и глубиной 35 см, ориентированной по линии ЮЗ–СВ и заполненной слоем охры мощностью до 30 см. На дне ее расчищены спекшиеся скопления пережженных костей человека, в одном из которых найден сломанный наконечник стрелы. В двух скоплениях были фрагменты черепа. Погребальный инвентарь представлен обломками двух сосудов, каменным отщепом и черепком от третьего сосуда. По определению В.А. Дремова, пережженные кости принадлежали взрослому мужчине. Могильные ямы 2 и 3 имели размеры 210x90 и 150x75 см, глубину 20–30 см и были ориентированы по линиям З–В и ЮЗ–СВ соответственно. По отсутствию останков умерших и погребального инвентаря их можно отнести, предположительно, к кенотафам. В целом погребальный обряд реконструируется как кремация на стороне, после которой останки умершего помещались в неглубокую могилу.

Материал, обнаруженный в могильнике, происходит из погребения 1 и состоит из обломков сосудов, наконечника стрелы и краевого скола. Один сосуд полуяйцевидной формы с закрытым верхом и, вероятно, округлым или приостренным дном (рис. 2.-11). Вся внешняя поверхность покрыта орнаментом, нанесенным отступающе-накольчатой техникой. Округлый венчик с внутренней стороны украшен короткими насечками. Композиция состоит из двух рядов неглубоких наколов, рядов взаимопроникающих заштрихованных треугольников, разделенных двойными горизонтальными линиями. Под венчиком расположены в шахматном порядке ямки. Второй сосуд – открытая чаша с округлым дном (рис. 2.-10). Верхняя часть его лишена орнамента, нижняя треть украшена горизонтальными концентрическими линиями, выполненными отдельными наколами тупой палочки. Шлифованный, шестигранный в сечении наконечник стрелы удлиненно-треугольной формы изготовлен из серой сланцевой породы (рис. 2.-9). Керамика из погребения различается по форме, узорам, и технике орнаментации. Посуда, сравнимая с сосудом №1, бытует на территории Урала и Западной Сибири на протяжении длительного времени. Такая форма и композиции известны и в неолите, и в энеолите (Чернецов В.Н., 1968, с. 47–48; Бадер О.Н., 1970, с. 159–163), но исчезновение утолщений с внутренней стороны венчика, появление поясков из глубоких ямочных вдавлений под краем емкостей ряд авторов относит к сосновостровскому этапу; широкое распространение эти явления получают в энеолите (липчинская, шапкульская и другие культуры) (Бадер О.Н., 1970, с. 163). Характер техники орнаментации – «отступающая палочка» с редкими нажимами, местами переходящая в отдельные наколы, также свидетельствует о позднем времени. Ряд признаков позволяет провести параллели с керамикой кошкинского и боборыкинского типов. Но они, скорее, будут носить преемственный характер, чем хронологический. Общие признаки у сосудов из погребения 1 есть с посудой из Самусьского могильника. Последняя тоже отличается большим разнообразием, что, по мнению М.Ф. Косарева (1974, с. 47), отражает сложный период перехода от каменного века к эпохе металла и разнородный характер влияний.

Среди известных на Урале и в Западной Сибири погребений неолитического и энеолитического времени обряд полного трупосожжения зафиксирован в могильниках Самусьском, Томском, Козловоперейминском-II, на Большом Андреевском озере. Следы огня и охра встречаются значительно чаще (обзор см.: Шорин А.Ф., 1991, с. 74–77; Зах В.А. и др., 1991, с. 40). Нередкой является преднамеренная порча вещей, которые клались в могилу. Среди последних очень редко встречалась керамика. Только в трех могильниках таежной зоны, кроме Барсовского-II, бесспорно, найдены сосуды: в Самусьском, Томском и на Старом мусульманском кладбище (мы не учитываем неопубликованные могильники,

изученные в Среднем Прииртышье). Кенотафы (?) известны в Самусьском могильнике и ряде других. По погребальному обряду сургутский могильник наиболее близок могильникам бассейна Томи, и в первую очередь самому раннему из них – Самусьскому, датированному концом III – началом II тыс. до н.э. (Матющенко В.И., 1973, с. 109; Косарев М.Ф., 1974, с. 47–50). Перечисленные аналогии позволяют отнести Барсовский-II могильник к энеолиту. Е.А. Васильев и Ф.И. Мец (1994, с. 36) определяют его как памятник игрековского типа. Не исключая этого, я полагаю, что для однозначного определения культурной принадлежности могильника данных недостаточно. Более конкретно можно говорить о его вхождении в урало-западносибирскую историко-этнографическую область.

В Васюганье в энеолите Ю.Ф. Кирюшин (2004, с. 57–58) выделил **верхневасюганский локальный вариант среднеиртышской культурной общности**, отличающийся многокомпонентным составом. Многокомпонентность присуща и барсовогорским памятникам, и древностям типа поселения Барсова гора-II/9а, что свидетельствует о сложных этнокультурных процессах в регионе в каменном и кануне бронзового веках.

Расширение объема раскопок в ХМАО, вероятно, приведет к открытию новых культурных типов памятников, в том числе энеолитических, высветит новые связи и взаимоотношения между ними, позволит уточнить их хронологические рамки.

Библиографический список

- Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. М., 1970. С. 157–171. (МИА. №166).
- Васильев Е.А. Энеолитическое время в бассейне р. Вах // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978. С. 3–12.
- Васильев Е.А. Энеолит и ранний бронзовый век средне- и северотаяжного Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 21 с.
- Васильев Е.А., Мец Ф.И. Памятники игрековского типа в Среднем Приобье // Сургут, Сибирь, Россия. Екатеринбург, 1994. С. 35–38.
- Зах В.А., Зогова С.В., Панфилов А.Н. Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991. С. 13–42.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таяжной зоны Западной Сибири. Барнаул, 2004. 295 с.
- Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск, 1979. 80 с.
- Ковалева В.Т., Чаиркина Н.М. Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного – начале бронзового века: итоги и проблемы исследования // ВАУ. Екатеринбург, 1991. Вып. 20. С. 45–70.
- Кокшаров С.Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды // ВАУ. Екатеринбург, 1991. Вып. 20. С. 92–101.
- Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974. 220 с.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 280 с.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Сибири и Дальнего Востока // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 248–317, 364–398. (Археология СССР).
- Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М., 1993. 302 с.
- Косинская Л.Л. Позднеэнеолитическая стоянка Артын на среднем Иртыше // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск, 1982. С. 18–27. (ВАУ. Вып. 16).
- Косинская Л.Л. Исследования на Вычегде и в Сургутском Приобье // АО Урала и Поволжья. Ижевск, 1991. С. 176–178.
- Косинская Л.Л. Поселение Барсова Гора-II/8 и проблема выделения неолитических культур таяжного Приобья // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 78–80.
- Косинская Л.Л. Керамика егтовского типа в неолите севера Западной Сибири // Угры. Тобольск, 2003. С. 95–101.
- Косинская Л.Л., Чемякин Ю.П., Зайцева Г.И. Радиоуглеродные даты с археологических памятников из окрестностей Сургута // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. Сургут, 2002. С. 141–146.

- Матвеева Н.П. Энеолитическая стоянка в Сургутском Приобье // ВАП. Тюмень, 1979. Вып. 2 С. 73–81. (НТ ТюмГУ. Сб. 64).
- Матвеева Н.П. Неолитический памятник в Сургутском Приобье // СА. 1990. №2. С. 127–135.
- Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. I: Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье (Верхнеобская неолитическая культура). Томск, 1973. 182 с. (ИИС. Вып. 9.).
- Морозов В.М., Чемякин Ю.П. Береговые кулайские городища на Барсовой Горе // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга). Екатеринбург, 2005. С. 201–230.
- Посредников В.А. Археологические работы на р. Вах // ИИС. Томск, 1969. Вып. 2. С. 76–85.
- Посредников В.А. Большеларьякское поселение-II – археологический памятник Сургутского Приобья // ИИС. Томск, 1973. Вып. 5. С. 65–93.
- Старков В.Ф. Неолитические памятники в Нижнем Приобье // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 151–157.
- Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980. 220 с.
- Стефанов В.И., Кокшаров С.Ф. Северное Зауралье накануне бронзового века // СА. 1990. №3. С. 44–63.
- Чемякин Ю.П. Новый могильник в Сургутском Приобье // СА. 1980. №3. С. 276–280.
- Чемякин Ю.П. Новое энеолитическое жилище на Барсовой горе // XIV Уральское археологическое совещание (21–24 апреля 1999 г.). Челябинск, 1999. С. 47–48.
- Чемякин Ю.П. Ранние комплексы на городище Барсов городок- I/8 // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут, 2001. С. 18–25.
- Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Материалы к атласу. Екатеринбург, 1999. С. 9–66.
- Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Материалы к атласу: 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2002. С. 6–74.
- Чемякин Ю.П., Ушаков М.А. Новый тип энеолитических памятников в Сургутском Приобье // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Ч. 2: Новейшие открытия уральских археологов. Екатеринбург, 1999. С. 32–39.
- Чернецов В.Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 41–53.
- Шатунов Н.В. Отчет об археологических работах в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа летом 1994 г. / АИА РАН. Р-1. №18645.
- Шорин А.Ф. Доандроновское погребение могильника Березки-Vг в горно-лесном Зауралье // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991. С. 68–79.

А.В. Варенов

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

К ДАТИРОВКЕ СЕВЕРОКИТАЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ ШИЛОУСКОГО ТИПА С «КАРАСУКСКИМИ» НОЖАМИ*

Уезд Шилоу расположен на западе провинции Шаньси КНР, в 180–200 км от ее административного центра города Тайюань. По западной границе уезда с севера на юг протекает река Хуанхэ, отделяющая Шаньси от соседней провинции Шэньси. Рельеф местности там гористый, изрезанный, поскольку большая часть поверхности района сложена лессовыми толщами. Начиная с конца 50-х гг. XX в. в Шилоу и других соседних уездах провинций Шаньси и Шэньси стали находить изделия специфического облика (ложковидные кинжалы с навершием в виде змеиной головы, бронзовые луновидные украшения, золотые подвески в форме фибул), нигде в Китае или за его пределами более не встречающиеся. По этим признакам мы и предложили выделить особый, Шилоуский тип памятни-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 03-01-00667).

ков (Варенов А.В., 1987, с. 38, 39; 1995, с. 27, 28). Существует не менее десяти комплексов шилоуского типа. Это Таохуачжуан, Сячжуанмао, Хоуланьцзягоу, Эрланпо, Чуцзяюй, Идэхуйпин уезда Шилоу и Ляньсыгоу уезда Синьсянь провинции Шаньси; Яньтоуцунь уезда Суйдэ, Цзецзягоу уезда Цинцзянь и Люцзяюань уезда Тинчуань, все три в провинции Шэньси. Шилоуский тип характеризуется сочетанием так называемых «северных» и шанских бронз. К шанским бронзам, помимо сосудов, принадлежат клевцы, секиры юэ, наконечники стрел. Попадаются в шилоуских комплексах и бронзовые «карасукские» ножи с кольцевым навершием (часто с тремя кнопками) или с навершием в виде козлиной голо-

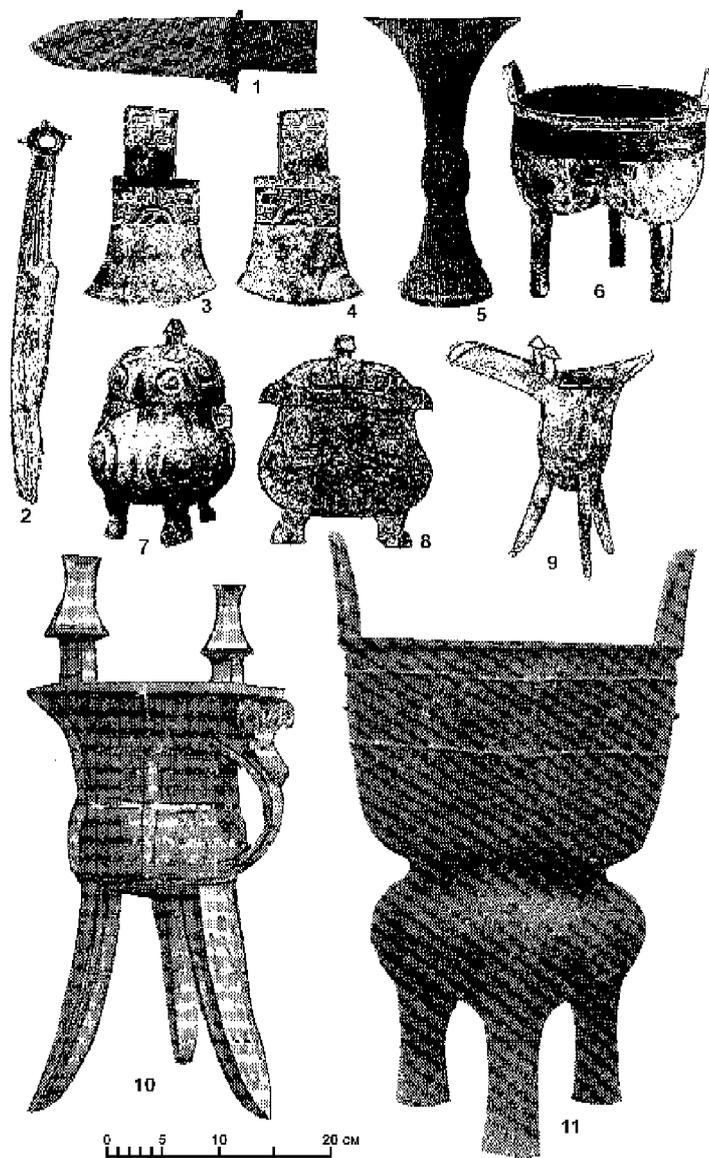

Рис. 1. Комплекс бронзовых изделий из Эрланпо: 1 – клевец гэ; 2 – нож с кольцевым навершием с тремя выступами; 3, 4 – секиры юэ; 5 – кубок гу; 6 – треножник дин; 7, 8 – фляжка ю в виде совы (одно и то же изделие); 9 – бокал цзюэ; 10 – трипод цзя; 11 – пароварка янь. Все – фотографии в одно масштабе (масштабирование выполнено автором)

вы. Комплексы с «карасукскими» ножами мы и опишем в своей статье. Всего их четыре. В двух случаях (в Эрланпо и Хоуланьцзягоу) найдены ножи с кольцевым навершием с тремя выступами, в одном (Яньтоуцунь) нож с козлиноголовым навершием и в одном (Чуцзяюй) – с простым кольцевым навершием.

Комплекс Эрланпо. Летом 1956 г. крестьяне Цзя Бин и Чжи Сюнди при сборе хвороста в местечке Эрланпо, что в 2,5 км от административного центра уезда Шилоу, в овраге, разрезающем лессовое плоскогорье, нашли 15 бронзовых изделий. Вокруг места находки, на площади в 1200 кв. м были разбросаны фрагменты серой керамики с тонким и/или грубым шнуровым орнаментом, каменные топоры и отщепы. Крестьяне произвели на месте своей находки грабительские раскопки и открыли в итоге три группы древних бронзовых изделий: два треножника *дин* стоящих вместе, расположенные ряжом друг с другом трипод *цзя* и фляжку *ю*, кубки *гу*, стоящие рядом с паровиком *янь* – с расстоянием между сосудами в одной группе не более полуметра друг от друга, а также две раковины каури. Еще позже в отвале земли они обнаружили черепную крышку от человеческого черепа. В силу этого комплекс из Эрланпо можно считать разрушенным древним захоронением.

Вся партия бронз из Эрланпо делится на сосуды для пищи, вина, оружие и орудия труда. Для пищи служили два треножника *дин* и паровик *янь*. В качестве контейнеров для вина использовались трипод *цзя* и фляжка *ю*, а также четыре кубка *гу*. Оружие и орудия труда представлены: клевцом *гэ* и двумя секирами *юэ*, ножом, кельтом-топором и долотом. Комплекс бронз из Эрланпо и обстоятельства его обнаружения были весьма оперативно изданы в журнальной публикации 1958 г. (Бронзовые Шан-чжоуские, 1958, с. 36, 37). Кроме того, в вышедшем более сорока лет спустя красочном альбоме «Сокровища культуры, хранящиеся в Шаньсийском провинциальном музее» (где ныне содержатся находки из Эрланпо), как происходящий из Эрланпо упомянут и один бокал *цзюэ* (Сокровища культуры, 1999, с. 11). Находки из Эрланпо включали:

Клевец *гэ* – 1 экз. Общая длина 24,9 см; ширина 6,1 см, длина обуха 6,7 см, ширина 4,7 см, толщина 0,4 см. Конец прямого обуха украшен зооморфным узором (рис. 1.-1).

Секиры *юэ* – 2 экз. Общая длина 16,8 см, ширина 11,1 см, толщина обуха 0,5 см. Это оружие короткое, но широкое, прямоугольные обухи секир украшены зооморфным орнаментом, таким же, как и обух клевца (рис. 1.-3, 4). Зооморфным орнаментом украшены и основания бойков секир, веерообразно расширяющихся к дугообразным лезвиям.

Нож с кольцевым навершием рукояти с тремя выступами – 1 экз. Контур спинки ножа лишь слегка выпуклый, почти прямой. Острие и лезвие клинка уничтожены коррозией. Клинок ножа шире рукояти и отделяется от нее «покрытым» уступом. Рукоять с желобком по центру, но без прорези. Ее края украшены косыми насечками. Общая длина ножа 33,6 см, ширина 3,8 см, толщина рукояти 0,7 см (рис. 1.-2).

Кельт-топор – 1 экз. Длина 11,6 см, ширина лезвия 5,7 см, толщина 2,5 см. Долото – 1 экз. Длина 12,2 см, ширина 2,1 см, толщина 2 см. Рисунки или фотографии кельта-топора и долота никогда не публиковались.

Треножник *дин* со спиральным орнаментом и сегментированным доньшком – 1 экз. Общая высота 19,5 см, диаметр устья 15,1 см, окружность тулова 53 см. Вертикальные ручки, столбообразные ножки, на тулове пояска из узора косых клиньев и меандров (рис. 1.-6).

Паровик *янь* с узором прямых линий – 1 экз. Общая высота 50,4 см, диаметр устья 26,6 см, окружность тулова 83,9 см. Две орнаментальные зоны: сверху и снизу, вертикальные ручки, тулово с двумя полосками линейного узора, между ними узор шляпок гвоздей (рис. 1.-11).

Треножник *дин* с узором прямых линий – 1 экз. Общая высота 26,6 см, диаметр устья 19,2 см, окружность тулова 66,6 см. Вертикальные ручки, столбообразные ножки, тулово украшено двумя полосками линейного узора, между ними – узор шляпок гвоздей. Рисунков или фотографий этого сосуда не опубликовано.

Трипод *цзя* с узором *тао-те* – 1 экз. Общая высота 50 см, диаметр устья 22,2 см, высота ручек-столбиков 11,3 см, высота ножек 21,2 см. Тулово орнаментировано узором *тао-те* и узором цикады, ножки украшены узором листьев банана (рис. 1.-10).

Фляжка ю в виде совы – 1 экз. Общая высота 19,2 см, ширина 11,4 см, поперечник 8,1 см. Тулово фляжки ю овальное, оформлено как пара сов, повернувшихся друг к другу спиной. Крышка в виде совиных голов с круглыми глазами и острым клювом, украшена меандром. В центре крышки квадратный в сечении столбик-ручка под четырехскатной шляпкой. Тулово сосуда представляет тела двух птиц, и украшено узором перьев, образующих крылья. Фляжка стоит на четырех ножках, оформленных как лапы с когтями (рис. 1.-7, 8).

Рис. 2. Комплекс находок из Хоуланьцзягоу: 1 – кинжал-ложка би; 2 – нож с кольцевым навершием с тремя выступами; 3 – прямообушный клевец гэ; 4 – наконечники стрел; 5 – луновидная пектораль; 6 – долото; 7 – кельт-топор; 8, 9 – броневые блишки пао; 10 – подвески; 11 – обломок диска би; 12 – обломок кольца хуан; 13 – бокал цзюэ; 14 – ковш шао; 15 – трипод цзя; 16 – кастрюля поу (пэй); 17 – кубок гу.

10 – золото; 11, 12 – нефрит, остальное – бронза.

Все – фотографии в одно масштабе (масштабирование выполнено автором)

Кубки *гу* со спиральным узором – 4 экз. Общая высота самого крупного – 27,4 см; общая высота самого мелкого – 26,1 см. Размеры, форма и орнаментация всех этих сосудов аналогичны, тулова и ножки у всех украшены спиральным узором (рис. 1.-5).

Бокал *цзюэ* с узором *тао-те* – 1 экз. Общая высота 19,4 см, длина устья от слива до носика 18 см. У него длинный слив, короткий носик, полукруглые в сечении ручки-столбики под грибовидной шляпкой, яйцевидное тулово с округлым доньшком. Тулово украшено узором глаз, меандров и «перьев», составляющих орнамент *тао-те* (рис. 1.-9).

Комплекс Хоуланьцзягоу (Го Юн, 1962, с. 33). Местечко Хоуланьцзягоу также расположено в уезде Шилоу, в 25 км к северо-западу от его административного центра, в глубине гор. В августе 1958 г. член отряда юных пионеров Лань Биншуань при обработке земли нашел бронзовые изделия. Восстановить первоначальные условия находки оказалось сложно. Похоже, что подросток наткнулся на разрушенное древнее захоронение, поскольку в перемешанной земле остались разрозненные человеческие кости. Кроме того, были встречены изделия из бронзы, золота, нефрита. Бронз найдено 24 экз., среди них преобладают сосуды для вина, а сосудов для пищи не встречено. Остальные находки – это украшения, орудия труда и оружие.

Бронзовое оружие и орудия труда. Нож с кольцевым навершием с тремя выступами – 1 экз. Общая длина ножа 32,5 см. У него дугообразная спинка и почти прямое лезвие, отделяющееся от желобчатой рукояти хорошо выраженным шипом (рис. 2.-2). В тексте китайской статьи сказано, что рукоять ножа украшена «узором змеи» (возможно, ромбами или, скорее елочным орнаментом – на опубликованных иллюстрациях разобрать это невозможно).

Кинжал-ложка или двулезвийный нож – 1 экз. Общая длина 35 см, навершие рукояти представляет собой прорезное изображение змеи, язык которой может двигаться (рис. 2.-1).

Клевец *гэ* – 1 экз. Общая длина 22 см, боек укреплен широким линзовидным утолщением, проходящим по центру, прямой обух с закругленными углами снабжен шипом (рис. 2.-3).

Стрелы – 4 экз. По форме все они одинаковы, двухлопастные с треугольным пером с опущенными жальцами и коротким черешком-насадом (рис. 2.-4).

Кельт-топор – 1 экз. Общая длина 12 см, ширина лезвия 5 см, полая втулка. Обе грани кельта сплошь покрыты узором прямыми линиями (рис. 2.-7).

Долото – 1 экз. Общая длина 10,5 см, ширина лезвия 2 см, полая втулка, поверхность украшена узором треугольных линий (рис. 2.-6).

Луновидное украшение – 1 экз. Высота 13,5 см, ширина между рогами – 24,5 см, два заостренных конца загибаются наружу, образуя крючки. У их основания – отверстия для подвешивания. Снизу по центру – прямоугольный выступ (рис. 2.-5). По нашему мнению, данное украшение носили на груди, как пектораль, подвешивая за отверстия в концах рогов, и одновременно использовали в качестве детали защитного вооружения (Варенов А.В., 1990, с. 59).

Бронзовые бляшки *пао* – 9 экз. больших и маленьких. Все они круглые, с полями. Самая большая диаметром 14 см (рис. 2.-8), маленькие диаметром по 5,5 см (рис. 2.-9). По нашему мнению, бронзовые бляшки могли использоваться как умбоны щита или детали защитного вооружения (Варенов А.В., 1990, с. 59–65). В последнем случае их крепили на матерчатой или кожаной основе доспеха.

Сосуды. Кастрюля *бу* – 1 экз. Общая высота 20 см, диаметр тулова 28 см, плечики украшены тремя бараньими головами, тулово украшено узором косой решетки составленной из меандров с сосцевидными выступами в центре (рис. 2.-16).

Трипод *цзя* – 1 экз. Общая высота 36 см, диаметр устья 23 см, тулово украшено двумя поясками узора *тао-те* (рис. 2.-15).

Бокал *цзюэ* – 1 экз. Общая высота 21 см, тулово украшено узором *тао-те* (рис. 2.-13).

Кубок *гу* – 1 экз. Общая высота 26 см, и тулово, и ножка сосуда украшены узором *тао-те* (рис. 2.-17).

Ковш *доу* – 1 экз. Общая длина 37 см, диаметр устья чашки черпака 4,8 см, ширина ручки 2,5 см. Чашка черпака снаружи украшена узором *тао-те*, на навершии рукоятки – две змеи, противостоящие лягушке (рис. 2.-14).

Золотые изделия. Подвески в форме серег или фибул – 3 экз. Ширина поверхности самой большой – 4 см, маленькой – 2,4 см. Хвост в виде маленького проволочного крючка, на каждой сверху надето по зеленой бусине (рис. 2.-10).

Нефритовые изделия представлены кольцом *хуан* – 1 экз. и диском *би* – 1 экз. Один конец кольца обломан, другой конец с отверстием, сохранившаяся длина 6 см, ширина 2 см (рис. 2.-12). Обломок диска с обеих сторон слегка отполирован, с каждой стороны просверлено маленькое отверстие, сохранившаяся ширина 4,5 см, длина 6 см (рис. 2.-11).

Комплекс Яньтоуцунь. Деревня Яньтоуцунь расположена в 30 км к востоку от административного центра уезда Суйдэ, еще примерно в 10 км к юго-востоку протекает река Хуанхэ, местность там пересеченная. Весной 1965 г. крестьяне деревни Яньтоуцунь коммуны Ихэ уезда Суйдэ провинции Шэньси при выравнивании поверхности земли на горном склоне напротив деревни нашли клад бронзовых изделий. Место захоронения клада представляло собой прямоугольную в плане яму длиной 2 м и шириной 1 м с вертикальными стенками и глубиной свыше 1 м от поверхности земли. В этом хранилище размещалось 22 бронзовых изделия: кельт-топор, долото, нож, кинжал-ложка, клевец, секиры, стрелы, треножник *дин*, кастрюля *поу* (*пэй*), кувшин *ху*, бокал *цзюэ*, котел *зуй*, ковш *доу*, кубок *зу*. Кроме бронз, других находок не обнаружено (Хэй Гуан, Чжу Цзюань, 1975, с. 82–87).

Оружие и орудия труда:

Нож с головой козла (по мнению китайских археологов – лошади) – 1 экз. Выпуклая спинка, вогнутое лезвие, конец рукоятки оформлен в виде головки козерога, длина 32 см, ширина 6,1 см (рис. 3.-3).

Кинжал со змеиной головой – 1 экз. Вытянуто-удлиненной формы, с закругленно-острым концом, с двух сторон клинка – лезвия, рукоять полая, прорезная, оформлена в виде змеиной головы, язык которой может двигаться. Длина 36 см, ширина 3,5 см (рис. 3.-2).

Клевец *зэ* – 1 экз. Длина 32 см, ширина 7,8 см, острый конец, короткая бороздка, с двух сторон лезвия. На прямом обухе отверстие и надпись, которая, похоже, должна быть шанской клановой эмблемой (рис. 3.-1).

Секиры *юэ* – 2 экз. Обе удлиненно-вытянутой формы, с тонким бойком, с одного конца которого расположено дугообразное лезвие. В обухе проделано отверстие. Длина одного экземпляра – 18 см, ширина 6,6 см (рис. 3.-9). Длина другого экземпляра 16,1 см, ширина 8,8 см. Боек с обеих сторон украшен узором дракона *куй* со свернутым в спираль хвостом, близ обуха в бойке две прорези, на обухе с круглым отверстием нанесена надпись из одного иероглифа (рис. 3.-8). Данный иероглиф изображает двух человек, сидящих на корточках рядом с сосудом, т.е. в позе приступивших к трапезе людей, причем левый из сидящих людей уже протянул руку, чтобы взять из сосуда пищу. Похоже, что это знак «*сян*», который означает: 1) «угощать, потчевать (гостей); устраивать (давать) пир (кому-либо)»; 2) «делать подношение, преподносить, дарить»; 3) «приносить жертву»; 4) «пользоваться, наслаждаться; вкушать (подношение)»; 5) «угощение, подношение, жертва».

Наконечники стрел – 5 экз. Все они с треугольным пером, двухлопастные, с опущенными жальцами, с коротким черешком и выступающим по центру ребром. Длина самой длинной стрелы 6,7 см, ширина 2 см; длина самой короткой стрелы 4,2 см, ширина 2 см (рис. 3.-6–7).

Долото – 1 экз. Длина 14,3 см, ширина 3,2 см. Удлиненно-вытянутой формы, тело плоское, с одного конца прямое острое лезвие, с другого конца квадратная втулка с остатками гнилого дерева внутри, поверхность украшена треугольным орнаментом (рис. 3.-4)

Кельт-топор – 1 экз. Длина 14,5 см, ширина 4,5 см. Вытянуто-удлиненной формы, тело плоское, с одного конца дугообразное лезвие, с другого конца – прямоугольная втулка, внутри которой сохранились остатки сгнившего дерева, поверхность украшена треугольником с двумя точками по бокам (рис. 3.-5).

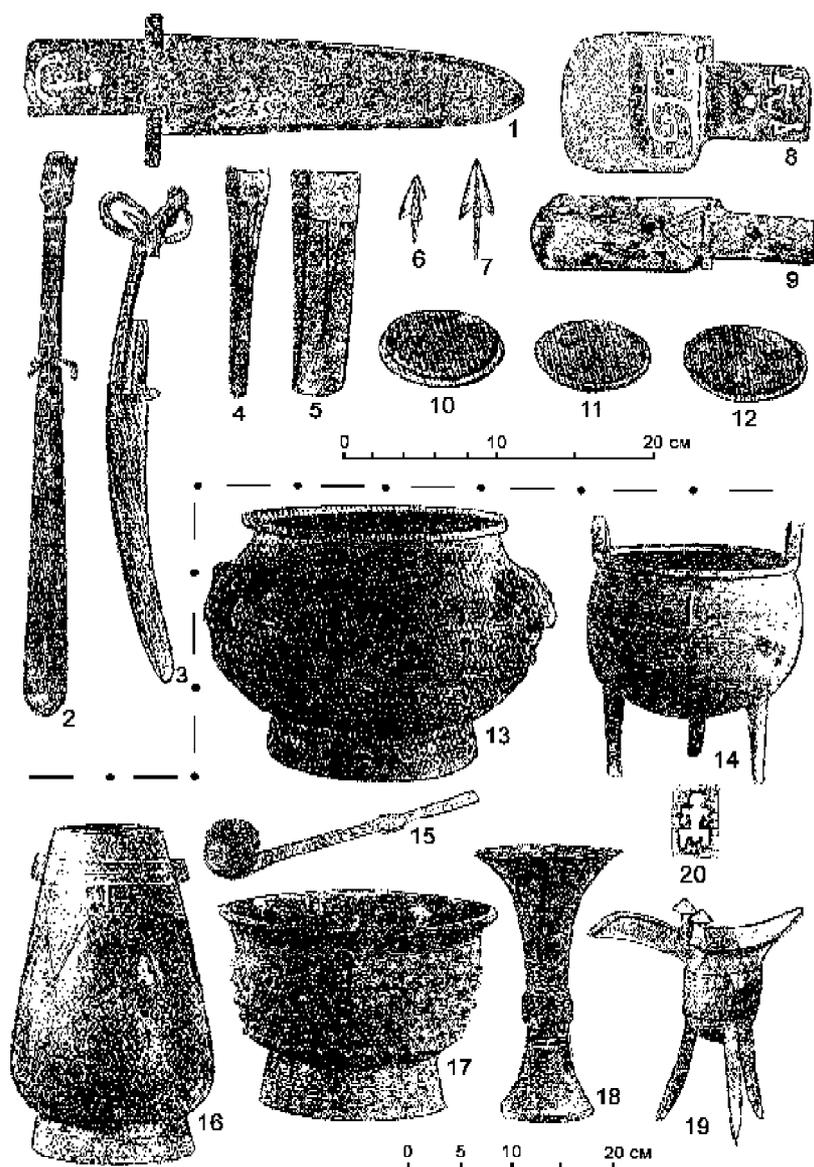

Рис. 3. Комплекс бронзовых изделий из Яньтоуцунь: 1 – клевец *ээ*; 2 – ложка-кинжал *би*; 3 – нож с козлиноголовым навершием; 4 – долото; 5 – кельт-топор; 6, 7 – наконечники стрел; 8, 9 – секиры *юэ*; 10–12 – бронзовые бляшки *пао*; 13 – кастрюля *поу* (*пэй*); 14 – треножник *дин*; 15 – ковш *шао*; 16 – кувшин *ху*; 17 – котел *гуй*; 18 – кубок *гу*; 19 – бокал *цзюэ*; 20 – протирка иероглифа-тамги, отлитого на внутренней стороне стенки треножника *дин*. 1, 6, 7, 8, 20 – протирки, остальные – фотографии вещей (1–12 и 13–19 даны в одном масштабе, 20 – не в масштабе. Масштабирование выполнено автором)

Бронзовые бляшки – 3 экз. Они круглые, с одной стороны выпуклые, с другой стороны вогнутые, есть по два отверстия для гвоздей или заклепок на полях, диаметр бляшек 8 см (рис. 3.-10–12).

Сосуды:

Кувшин *ху* с узором цикады – 1 экз. Плоскодонный сосуд округлой формы с глубоким туловом и круглым кольцевым поддоном (ножкой). На верхней части тулова имеется пара трубчатых ушек, шейка украшена зубчатым орнаментом, внутри зубчиков нанесен узор цикады. Кольцевая ножка украшена узором наклонных клиньев и меандрами, в ней есть два отверстия. Высота сосуда 32,7 см, диаметр устья 10 см, окружность тулова 62 см (рис. 3.-16).

Кастрюля *бу* с узором *тао-те* – 1 экз. Круглый сосуд с пузатым туловом, сжатым устьем, кольцевой ножкой. По плечикам украшен тремя литыми скульптурными бараньими головами, тулово украшено меандром как фоном для узора *тао-те*. Высота 32,5 см, диаметр устья 24,5 см (рис. 3.-13).

Кубок *гу* с меандровым орнаментом – 1 экз. Устье сосуда отлито с отогнутыми наружу губами, длинным горлышком, маленьким туловом, высокой кольцевой ножкой. И тулово, и кольцевая ножка кубка украшены меандром, еще на ножке есть четыре сосцевидных выступа (имитации шляпки заклепок). В районе стыка тулова с кольцевой ножкой расположена сквозная прорезь в форме креста. Высота кубка 25 см, диаметр устья 14,5 см, диаметр ножки 9 см (рис. 3.-18).

Треножник *дин* с узором драконов *куй* – 1 экз. Треножник с круглым корпусом, пузатым туловом, сжатым устьем с перегибом наружу, на котором расположена пара вертикальных ручек, и с тремя столбообразными ножками. Ниже устья сосуд украшен орнаментальной лентой, заполненной драконами *куй* с меандрами в качестве фона (рис. 3.-14). Изнутри на стенке тулова нанесена надпись из одного иероглифа (рис. 3.-20).

Котел *гуи* с узором драконов *куй* – 1 экз. Сосуд с круглым корпусом, глубоким туловом, расширенным наружу устьем, кольцевой ножкой. Ниже устья тулово украшено пояском узора, составленного из драконов *куй*, еще есть три зооморфных личины, а тулово орнаментировано сосцевидными выступами (шляпками гвоздей) с узорами клиньев и меандра в качестве фона. Там, где тулово примыкает к доньшку, в ножке есть сквозное квадратное отверстие. Диаметр устья 25 см, высота сосуда 17,8 см (рис. 3.-17).

Бокал *цзюэ* с узором драконов *куй* – 1 экз. Сосуд с круглым корпусом, глубоким туловом, тремя острыми ножками, сливом и носиком. На устье есть пара столбиков под грибовидными шляпками, ниже устья бокал украшен узором листьев банана, тулово орнаментировано узором, составленным из драконов *куй*, перемежающихся с меандрами в качестве фона. На носике был завязан тонкий пеньковый шнурок. На внутренней поверхности носика изначально была нанесена надпись, в данный момент частично закрытая патиной. На нижней половине двух острых ножек есть следы отливки в виде литейного шва. Высота сосуда 21,6 см, длина устья 19,5 см, ширина устья 8 см (рис. 3.-19).

Ковш *доу* с узором драконов *куй* – 1 экз. Диаметр черпака ковша – 5 см, длина с рукоятью – 17,5 см. Черпак ковша круглый, с прямым устьем, рукоять вытянутая. И черпак ковша, и его рукоять украшены узором, составленным из драконов *куй* (рис. 3.-15).

Комплекс Чуцзяюй. 5 июля 1976 г. крестьянин Ли Чжэнцин из деревни Чуцзяюй коммуны Идэ уезда Шилоу провинции Шаньси при сельхозработах к западу от родной деревни на глубине 50 см от поверхности земли нашел группу бронзовых изделий. Сначала он обнаружил человеческий череп и бронзовый клевец *гэ*, а потом и остальной инвентарь. Исходя из этого, можно предположить, что комплекс из Чуцзяюй представлял собой разрушенное погребение. Всего было найдено 12 бронзовых изделий, в основном оружие и орудия труда и только один сосуд – кубок *гу*, а также нефритовый серп, раковины *каури* и костяные бусины. Кратко опишем эти находки.

Ложка-кинжал *би* со змеиной головой – 1 экз. Общая длина 32,5 см, длина рукояти 13,5 см. Клинок двулезвийный, конец его загнут вверх. По центру лицевой стороны клинка выступает ребро, близ перекрестья нанесен орнамент – треугольник, заполненный меандрами. Рукоять прорезная, навершие ее оформлено в виде змеиной головы, язык в пасти которой может двигаться. Тыльная часть клинка ровная, без ребра, она сохранила следы ткани. Возможно, изделие было завернуто в ткань или лежало в могиле близ одежды покойного, сохранив ее отпечаток (рис. 4.-1,10).

Нож с кольцевым навершием – 1 экз. Общая длина 24,4 см, длина клинка – 13,5 см. Рукоять слегка изогнутая, рамчатая, по центру прорезная, с боков украшена двумя группами шевронов. Навершие рукояти оформлено в виде кольца (рис. 4.-2, 9).

Клевец *гэ* с эмблемой длиннохвостой птицы – 1 экз. Общая длина 21,5 см, длина обуха 6 см, ширина 4,5 см. В центре обуха есть отверстие, на конце обуха клановая эмблема (тамга) в виде длиннохвостой птицы (рис. 4.-11, 14).

Клевец с эмблемой-иероглифом – 1 экз. Общая длина 22 см, длина обуха 6 см, ширина 4,5 см. В центре обуха отверстие, на конце обуха клановая эмблема (надпись?) в виде иероглифа (рис. 4.-12, 15).

Проушной клевец *гэ* – 1 экз. Общая длина 24,5 см, длина бойка 17,5 см, ширина 6,5 см; длина обуха с втулкой 7 см, ширина 4 см, диаметр овальной втулки 3х2,3 см. По центру бойка, заходя на втулку, выступает ребро. На заднем конце обуха нанесена тамга-эмблема (надпись?) в виде копыя (рис. 4.-13, 16).

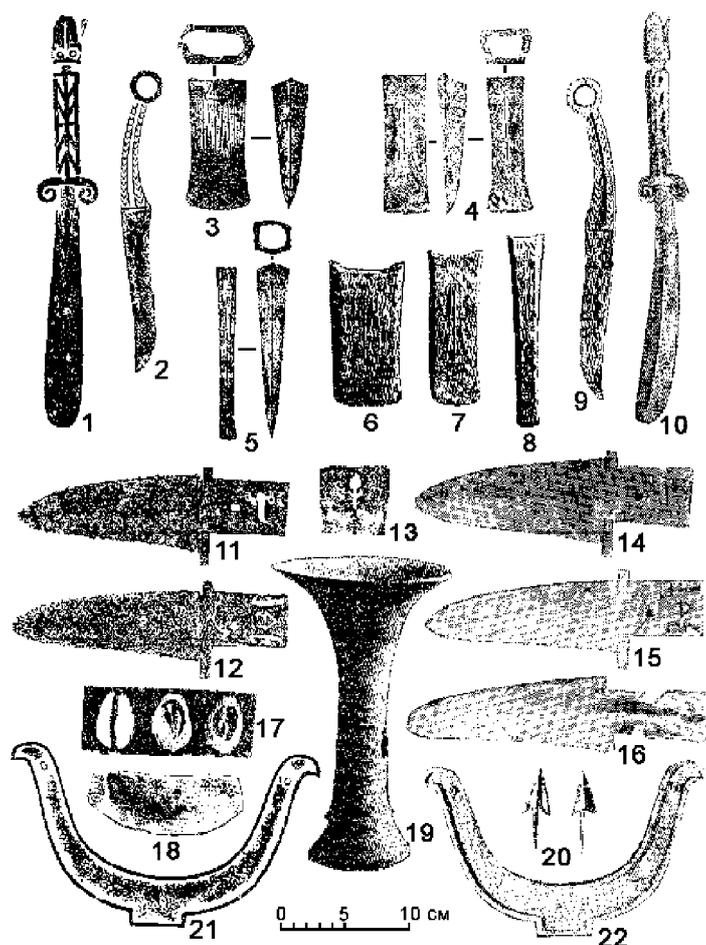

Рис. 4. Комплекс находок из Чуцзяюй: 1, 10 – кинжал-ложка *би*; 2, 9 – нож с кольцевым навершием; 3, 6 – кельт-топор; 4, 7 – кельт – тесло; 5, 8 – долото; 11–12, 14–16 – клевцы *гэ*; 13 – протирка иероглифа-эмблемы «копье» на обухе проушного клевца; 17 – раковины каури и костяные имитации каури; 18 – нефритовый серп; 19 – кубок *гу*; 20 – наконечники стрел; 21, 22 – луновидное украшение. 1–5, 11–13, 21 – протирки, остальные – фотографии вещей.

Пары 1 и 10, 2 и 9, 3 и 6, 4 и 7, 5 и 8, 11 и 14, 12 и 15, 13 и 16, 21 и 22 представляют одно и то же изделие (все, кроме 13 и 17, даны в одном масштабе.

Масштабирование выполнено автором)

Бронзовые стрелы – 2 экз. Двухлопастные черешковые, с опущенными жальцами, по центру пера выступает ребро. Длина 6,5 см (рис. 4.-20).

Луновидное украшение – 1 экз. Высота 14,5 см, расстояние между концами рогов – 24,8 см. По кромке выступает ребро, в центре – квадратный выступ. Оба конца загибаются наружу, в каждом по одному отверстию (рис. 4.-21–22).

Кельт-топор – 1 экз. Длина 11 см, ширина лезвия 5 см. Обе грани украшены узором прямых линий (рис. 4.-3, 6).

Кельт-телсо – 1 экз. Длина 11,5 см, ширина лезвия 4 см. Лицевая грань украшена прямой линией, тыльная грань – узором косой решетки и трех прямых линий (рис. 4.-4, 7).

Долото – 1 экз. Длина 14,3 см, ширина лезвия 1,3 см. Обе грани украшены узором треугольников, составленных из прямых линий (рис. 4.-5, 8).

Бронзовый кубок *гу* – 1 экз. Высота 24,5 см, диаметр устья 13,8 см. У сосуда устье в виде трубы, высокая кольцевая ножка. Нижняя половина внешней поверхности сосуда украшена узором прямых линий, узорами шляпок гвоздей, меандрами и *тао-те*, а также двумя крестообразными сквозными прорезями (рис. 4.-19).

Нефритовый серп – 1 экз. Цвет камня темно-белый (зелено-белый?). Длина 12,3 см, ширина 4,5 см. В конце просверлено отверстие (рис. 4.-18).

Еще были найдены природные раковины *каури* и маленькие костяные бусинки – имитации *каури*, по 5 экземпляров каждой (рис. 4.-17).

Выводы. Как видим, каждый комплекс шилоуского типа практически обязательно содержит ряд бронзовых сосудов шанского стиля. Все эти сосуды, так же, как и оружие и орудия труда шанского стиля, найденные в шилоуских комплексах, принадлежат ко времени существования Иньского городища в Аньяне или, иначе, к стадии Иньской. Согласно датировкам набора бронзовых сосудов, Шилоуские комплексы можно разделить на группы раннего периода Иньской и позднего периода Иньской (Чжан Чаншоу, 1979, с. 271–300). Ранняя группа характеризуется прорезными рукоятками ложковидных кинжалов со змеиноголовым навершием и кельтами, украшенными геометрическим орнаментом, составленным из тонких линий (встречаются в Хоуланьцзягоу и Чуцзяюй, оба в уезде Шилоу провинции Шаньси). Поздние комплексы характеризуются стержневидными рукоятками ложковидных кинжалов со змеиноголовым навершием и секирами *юэ* с длинным прямоугольным бойком и закругленным лезвием, встреченными в Яньтоуцунь уезда Суйдэ, Цзецзягоу уезда Цинцзянь (Гао Сюэ, 1984, с. 760–761) и Люцзяюань уезда Тинчуань (Янь Чэньфэй, Люй Чжижун, 1988, с. 103–104), все три в провинции Шэньси). Следует подчеркнуть, что на правом берегу реки Хуанхэ в провинции Шэньси встречаются только позднешилоуские комплексы, в то время как большинство шилоуских памятников, как ранних, так, возможно, и поздних, сосредоточено на левом берегу, в провинции Шаньси.

Ножи с кольцевым навершием с тремя выступами, помимо памятников Шилоуского типа, бытуют только в Аньяне и на памятниках Цинлунского типа, распространенных на стыке провинций Хэбэй и Ляонин. В Аньяне это так называемая «могила слона», погребения М539 из Дасыкунцуня (Ян Сичжан, 1992, с. 509–517; Варенов А.В., 2003, с. 289–293) и М164 из сектора С Сяотуня. Памятники Цинлунского типа – Чаодаогу в уезде Цинлун провинции Хэбэй (Чжэн Шаоцзун, 1962, с. 644–645; Варенов А.В., 2004а, с. 66–81), Янхэ в уезде Синчэн провинции Ляонин (Ли Цзяньминь, Фу Цзюньшань, 1978, с. 387; Варенов А.В., 2004а, с. 66–81) и Фэнцзяцунь в уезде Суйчжун провинции Ляонин (Ван Юньган, Ван Гочжун, Ли Фэйлун, 1996, с. 51–55; Варенов А.В., 2004б, с. 205–210) – относятся к иньскому времени. Ножи с кольцевым навершием с тремя выступами никогда не попадают в комплексах периода Западного Чжоу (X–VIII вв. до н.э.). Например, такой нож с найден на стоянке Ванхуа, что расположена в городе Фушунь провинции Ляонин (В городе Фушунь, 1981, с. 190). Для керамики со стоянки Ванхуа в 1980 г. термолюминесцентным методом получена абсолютная дата 3090±100 лет тому назад, т.е. конец XII в. до н.э. (Ван Сюянь, 1983, с. 61).

Комплексы с козлиноголовыми ножами обнаружены на территории Китая, помимо Яньтоуцунь уезда Суйдэ провинции Шэньси (Хэй Гуан, Чжу Цзеюань, 1975, с. 82–87),

в Хуаюань уезда Хами (Кумул) Синьцзян-Уйгурского автономного района (Ван Бинхуа, 1986, с. 188–190; Варенов А.В., 1997, с. 170–175), в Чаодаогоу уезда Цинлун провинции Хэбэй (Чжэн Шаоцзун, 1962, с. 645; Варенов А.В., 2004а, с. 66–81), в могиле Фу-хао в Аньяне, провинции Хэнань (Могила Фу-хао, 1980, с. 103), в погребении НРКМ 1311 из Хоуцзячжуана, тоже в Аньяне (Ли Цзи, 1949, с. 35), на стоянке Ваньлюцзе уезда Факу провинции Ляонин (Пэй Юэцзюнь, Сюй Чжиги, Цао Гуйлинь, Чжоу Сяньюн, 1990, с. 39), и в виде ряда случайных находок. Ножи с козлиноголовым навершием встречаются в комплексах как раннеиньского времени (могила Фу-хао), так и позднеиньского времени (Яньтоуцунь в уезде Суйдэ провинции Шэньси, Чаодаогоу в уезде Цинлун провинции Хэбэй). «Карасукский» нож с бараньеголовым навершием обнаружен в погребении М2 могильника Цзинцзецунь, что в уезде Линши провинции Шаньси, в ее центральной части (Тао Чжэнган, Лю Юншэн, Хай Цзиньлэ, 1986, с. 1–18; Варенов, 2004в, с. 209–216). Временем создания погребения М2 в Цзинцзецунь является конец III – начало IV периодов существования Иньского городища. В абсолютных датах, по исправленной хронологии Аньяна, это соответствует эпохе правления ванов Вэнь-дина (1094–1084 гг. до н.э.) и Ди-и (1084/1080 – 1060/1050 гг. до н.э.), т.е. 1-й половине XI в. до н.э. (Варенов А.В., 2004г, с. 216). Таким образом, все перечисленные комплексы с территории Китая с «карасукскими» ножами надежно датируются эпохой Шан-Инь, т.е. XIII–XI (реально XII–XI) вв. до н.э.

Библиографический список

- Бронзовые шан-чжоуские изделия, найденные в Эрланпо уезда Шилоу провинции Шаньси // Вэньу цанькао цзыляо. 1958. № 1. С. 36–37 (на кит. языке).
- В городе Фушунь провинции Ляонин найден иньский бронзовый нож с кольцевым навершием // Каогу. 1981. №2 (на кит. языке).
- Ван Бинхуа. Несколько групп бронзовых изделий, найденных в Восточном Синьцзяне // Каогу. 1986. №10 (на кит. языке).
- В Идэ уезда Шилоу провинции Шаньси найдены шанские бронзы // Каогу. 1972. №4 (на кит. яз.).
- Ван Сюянь. Памятники двух типов культур эпохи бронзы – раннего и позднего – в районе города Фушунь // Вэньу. 1983. №9 (на кит. языке).
- Ван Юньган, Ван Гожун, Ли Фэйлун. Клад бронзовых изделий шанской эпохи, найденный в Фэнцзяцунь уезда Суйчжун // Ляохай вэньу сюэкань. 1996. №1 (на кит. языке).
- Варенов А.В. Древнейшие кинжалы Китая // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия: Истории, филологии и философии. Вып.2. 1987. № 10. С. 34–41.
- Варенов А.В. Реконструкция иньского защитного вооружения и тактики армии по данным оружейных кладов // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 1990. С. 56–72.
- Варенов А.В. К датировке оружия, изображенного на оленних камнях Монголии // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 26–35.
- Варенов А.В. «Карасукские» ножи и кинжалы из Восточного Туркестана: находки, аналогии, контакты, проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997. Т. III. С. 170–175.
- Варенов А.В. Шанское погребение с «карасукским» ножом на могильнике Дасыкунцунь в Аньяне // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX. С. 289–293.
- Варенов А.В. Бронзовые боевые топоры из Северного Китая и датировка комплексов Чаодаогоу и Янхэ с «карасукскими» ножами и кинжалами // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ, 2004а. Вып.2. С. 66–81.
- Варенов А.В. Комплекс бронзового оружия с «карасукскими» ножами из Фэнцзяцунь уезда Суйчжун в Южной Маньчжурии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004б. Т. X. Ч. 1. С. 205–210.
- Варенов А.В. Шанское погребение с «карасукским» ножом на могильнике Цзинцзецунь в Северном Китае // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004в. С. 209–216.
- Гао Сюэ. В уезде Цинцзянь провинции Шэньси вновь найдены шанские бронзы // Каогу. 1984. №8 (на кит. языке).

- Го Юн. Краткий отчет о находке шанских бронз в Хоуланьцзягоу уезда Шилоу // Вэнь. 1962. №4/5 (на кит. языке).
- Жертвенные ямы Саньсиндуй [Саньсиндуй цзисыкэн]. Пекин, 1999. 628 с. (на кит. языке).
- Иньская могила, найденная к северу от деревни Угуаньцунь в Аньяне // Каогу. 1979. №3 (на кит. языке).
- Инь-чжоуские бронзы, найденные в Шаньваньцзы уезда Кацзо провинции Ляонин // Вэнь. 1977. №12 (на кит. языке).
- Ли Ци. О древних бронзовых изделиях, найденных в Сяотуне. Ч.2: Лезвийные орудия // Чжунго каогу сюэбао. 1949. Т. 4. С. 1–69 (на кит. языке).
- Ли Цзяньминь, Фу Цзюньшань. Бронзовые изделия, найденные в Янхэ уезда Синчэн пров. Ляонин // Каогу. 1978. №6 (на кит. языке).
- Ма Дэчжи, Чжоу Юнчжэнь, Чжан Юньпэн. Отчет о раскопках в дер. Дасыкунцунь вблизи Аньяна в 1953 г. // Каогу Сюэбао. 1955. Т. 9. С. 25–90 (на кит. языке).
- Могила Фу-хао на Иньском городище [Иньсюй Фу-хао му]. Пекин, 1980. 242 с. (на кит. языке).
- Пэй Юэцзюнь, Сюй Чжиго, Цао Гуйлинь, Чжоу Сяньюн. Отчет о раскопках стоянки Ваньлюцзе в уезде Факу // Ляохай вэнью сюэкань. 1990. №1 (на кит. языке).
- Раскопки и исследования Иньского городища [Иньсюй дэ фацзюэ юй яньцзю]. Пекин, 1994. 490 с., XLIV л. илл. (на кит. языке).
- Сокровища культуры, хранящиеся в Шаньсийском провинциальном музее. [Шаньсишэн боу-гуань гуаньцан вэнью цзинхуа]. Пекин, 1999. 320 с. (на кит. языке).
- Сокровища материальной культуры Хэнани [Хэнань вэнью цинхуа]. Чжэнчжоу, 1999. 234 с. (на кит. языке).
- Тао Чжэнган, Лю Юншэн, Хай Цзиньлэ. Шанские могилы в Цзинцзецунь уезда Линши провинции Шаньси // Вэнь. 1986. №11. С. 1–18 (на кит. языке).
- Хэй Гуан, Чжу Цзюэюань. Клад шанских бронз, найденный в Яньтоуцунь уезда Суйдэ провинции Шэньси // Вэнь. 1975. №2. С. 82-87 (на кит. языке).
- Чжан Чаншоу. Бронзовые сосуды эпохи Шан-Инь // Каогу сюэбао. 1979. №3. С. 271–300 (на кит. языке).
- Чжэн Шаоцзун. Группа бронз, найденная в Чаодаогоу уезда Цинлун провинции Хэбэй // Каогу. 1962. №12 (на кит. языке).
- Чжун Сук-Бэ. О хронологии комплексов с кинжалами эпохи поздней бронзы из Северного Китая // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000. С. 110–137.
- Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972. 248 с.
- Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. М., 1976. 104 с.
- Шан-чжоуские бронзы, найденные в Хэнани [Хэнань чуту Шан-Чжоу цинтун ци]. Пекин, 1981. Т. 1. (на кит. языке).
- Шанская стоянка Тайси в уезде Гаочэн. [Тайси Гаочэн шандай ичжи]. Пекин, 1985 (на кит. языке).
- Шэньсийские бронзы [Шэньси цинтунци]. Сиань, 1994. 420 с. (на кит. языке).
- Ян Баочэн, Ян Сичжан. Отчет о раскопках могильника в Западном районе Иньского городища в 1969–1977 гг. // Каогу сюэбао. 1979. №1. С. 27–146 (на кит. языке).
- Ян Сичжан. Краткий отчет о раскопках погребения М539 в Дасыкунцуне в Аньяне, провинции Хэнань, в 1980 г. // Каогу. 1992. №6. С. 509–517 (на кит. языке).
- Ян Шаошунь. Несколько вновь найденных шанских бронз из уезда Шилоу провинции Шаньси // Вэнь. 1976. №2 (на кит. языке).
- Ян Шаошунь. Шанские бронзы, вновь найденные в Идэ уезда Шилоу провинции Шаньси // Вэнь цзыляо цункань. 1980. Вып. 3 (на кит. языке).
- Ян Шаошунь. Шанские бронзы, найденные в Чуцзяюй и Цаоцзяюань в уезде Шилоу провинции Шэньси // Вэнь. 1981. №8. С. 49–53 (на кит. языке).
- Янь Цзиньчжу. Шанские бронзы, найденные в уезде Цзисянь провинции Шаньси // Каогу. 1985. №9 (на кит. языке).
- Янь Чэньфэй, Люй Чжигун. Несколько шанских бронз, поступивших в управление культуры уезда Тинчуань провинции Шэньси // Каогу юй вэнью. 1988. №4 (на кит. языке).
- Яо Шэнминь. Шан-чжоуские бронзы, найденные в уезде Чуньхуа провинции Шэньси // Каогу юй вэнью. 1986. №5. С. 12–22 (на кит. языке).

А.Б. Шамшин

Алтайский государственный университет, Барнаул

**КОМПЛЕКС ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
С ПОСЕЛЕНИЯ КАЗЕННАЯ ЗАЙМКА В БАРНАУЛЕ***

Многие дискуссионные проблемы в археологии нередко возникают в том числе по причине слабого введения в научный оборот источников. Типична ситуация, когда материалы базовых памятников какой-либо культуры вообще не опубликованы либо опубликованы фрагментарно, но при этом регулярно выходят тезисы обобщающего характера, что приводит порой к бурным спорам на конференциях.

Не является исключением и эпоха поздней бронзы Верхнего Приобья. Достаточно привести пример по одной из ярких культур этого периода – корчажкинской. Она была выделена нами совместно с Ю.Ф. Кирюшиным в 1985 г., т.е. 20 лет тому назад. Вскоре в 1987 г. вышла статья с первой очень краткой публикацией материалов данной культуры, в которой были одновременно рассмотрены ее хронология и периодизация, проблемы культурогенеза корчажкинского населения, ее взаимоотношения с близким кругом андронидных культур, а также с ирменской культурой и т.д. (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1987).

С момента выделения корчажкинской культуры вокруг нее не стихают споры, что также связано с почти полным отсутствием крупных исследованных могильников. Нет недостатка в самых разных точках зрения, высказанных в многочисленных тезисах и материалах конференций. Однако с момента публикации указанной выше статьи и до последних лет материалы крупных корчажкинских поселений, исследованных уже довольно давно, не издавались. Лишь в 2004 г. был опубликован корчажкинский комплекс поселения Фирсово-ХVII, относящийся к раннему фирсовскому этапу этой культуры (Шамшин А.Б., 2004а). Примеры такого рода можно продолжить.

Вывод, который следует из данной ситуации, очевиден. Необходимо больше публиковать материалы крупных базовых памятников. Именно на исправление сложившейся ситуации по эпохе поздней бронзы и переходному времени от бронзы к железу лесостепного и степного Обь-Иртышского междуречья будут направлены наши усилия в ближайшее время. В том числе этому посвящена и данная статья. В ней публикуется позднебронзовый комплекс поселения Казенная Займка.

Интерес к этому памятнику не случаен. Во-первых, это одно из крупных поселений эпохи поздней бронзы – корчажкинской и ирменской культур в Барнаульском Приобье. Более того, это практически единственное большое корчажкинское поселение на левобережье Оби, к тому же расположенное достаточно изолировано, вне археологических микрорайонов этой культуры (Шамшин А.Б., 2004б, с. 101–102).

Во-вторых, как и в ряде других случаев, на Казенной Займке существовало, видимо, одновременно поселение двух культур – корчажкинской и ирменской, что подтверждают материалы изученного здесь зольника. Аналогичная ситуация прослежена на поселениях Фирсово-ХVIII и Милованово-III, где также исследовались зольники (Шамшин А.Б., Изоткин С.Л., 1992; Шамшин А.Б., Цивцина О.А., 2001; Сидоров Е.А., 1983).

Наконец, в-третьих, большой интерес представляет ряд находок с поселения, среди которых имеются датирующие вещи, в частности, бронзовые нож и наконечник стрелы, а также предметы, связанные с бронзолитейным производством, среди которых уникальное керамическое сопло и, безусловно, значительная коллекция керамики, в том числе много крупных, археологически целых и графически восстанавливаемых сосудов. Останемся на характеристике самого памятника и проведенных на нем работ.

Поселение Казенная Займка находится на западной окраине одноименного поселка в северо-западной части Барнаула. Памятник занимает правый склон оврага, параллельного обскому берегу. По дну оврага протекает безымянный ручей, сливающийся с речкой Землянухой примерно в 200–250 м от места впадения последней в р. Обь. Поселение тя-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №03-01-00475а).

нется по правой стороне оврага, начиная от мыса у речки Землянухи, вверх по течению безымянного ручья не менее чем на 400 м и в глубь берега не менее чем на 50 м (Бородаев В.Б., Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1983, с. 8).

Памятник открыт весной 1976 г. студентами-историками Алтайского государственного университета, членами археологического кружка АлтГУ, в числе которых был и автор данной статьи. Поселение аварийное. Уже тогда часть его была занята садовыми участками и распахивалась под огороды. С 1976 г. практически ежегодно сначала силами студентов, а потом членами школьного археологического кружка под руководством автора статьи проводились сборы подъемного материала. За долгие годы сборов составила огромная коллекция находок, включающая нижние камни зернотерок и их обломки, два каменных песта, каменный, костяной и бронзовый наконечники стрел, бронзовые кинжал (?) и нож, керамические пряслице, ложило, фишки, изготовленные из стенок сосудов, глиняный шарик, а также несколько тысяч фрагментов орнаментированной керамики (Бородаев В.Б., Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1983, с. 17–19).

По мере расширения строительства в поселке Казенная Заимка сначала садовых, а затем и коттеджных домиков, засаживания площади поселения деревьями и кустарника-

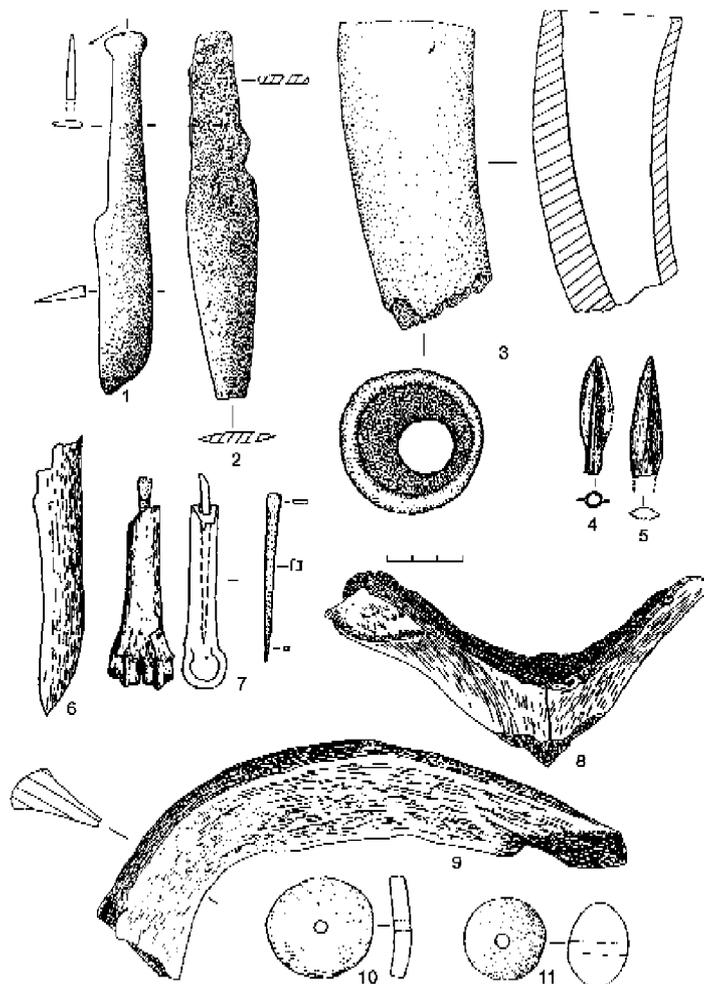

Рис. 1. Инвентарь поселения Казенная Заимка: 1, 2, 4 – бронза; 7 – бронза, кость; 5, 6, 8, 9 – кость; 3, 10, 11 – глина

ми и ежегодной распашки остальной части под огороды, становилось ясно, что сохранить памятник не удастся, хотя нами такие попытки делались неоднократно как в поселковом совете, так и в райисполкоме Ленинского района г. Барнаула. Ситуация усугублялась тем, что подмываемый протекающим вдоль поселения ручьем берег постоянно осыпался в овраг. При этом погибала наиболее насыщенная находками часть поселения с самым мощным культурным слоем, расположенная ближе к берегу. За годы, прошедшие со времени открытия памятника, оврагом и ручьем уничтожена значительная часть берега. Наконец в 1977 г. жителями поселка Казенная Заимка была построена дамба через ручей, которая насыпана землей, срезанной бульдозером с культурного слоя поселения, что также привело к разрушению части памятника, причем расположенной довольно далеко от обрыва.

Все это побудило начать аварийные раскопки поселения. Они проводились нами, несмотря на активное противодействие некоторых владельцев участков, в 1983–1984 гг. и позднее в 1993–1994 гг. Работы велись только на береговой кромке поселения, т.е. в самой его аварийной части на трех раскопах, там, где удалось договориться с владельцами участков. За все это время было вскрыто 316 кв. м площади памятника. В 1983 г. В.Б. Бородаев, Ю.Ф. Кирюшин и А.Л. Кунгуров (1983, с. 8–11, 14–15, 17–20, 26, рис. на с. 20) опубликовали несколько вещей из сборов с поселения и учли его в сводке археологических памятников г. Барнаула. В 1987 г. один корчажнинский сосуд из Казенной Заимки был введен в научный оборот (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1987, с. 156, рис. 10.-6). Кроме того, краткая информация о раскопках поселения и их результатах появилась в специальной литературе (Шамшин А.Б., 1986; 1987, с. 38, 40). Поселение Казенная Заимка упомянуто в энциклопедии «Барнаул» как памятник эпохи поздней бронзы в черте города. В ней переопубликованы наконечники стрел и кинжал с этого памятника (Кунгуров А.Л., Шамшин А.Б., с. 26, рис. 1.-13, 19, 20).

Наконец фрагменты валиковой керамики, происходящие с Казенной Заимки, также опубликованы (Шамшин А.Б., Цивцина О.А., 1999, с. 50–51, рис. 1.-10–12). Больше материалы поселения нигде не издавались. Следует также отметить, что кроме основного позднебронзового комплекса на нем встречены в небольшом количестве материалы энеолита, ранней бронзы, андроновской культуры и раннего железного века. Единично обнаружена большевеченская керамика переходного времени от бронзы к железу.

Всего на памятнике нами было заложено, как уже отмечалось выше, три раскопа, все на краю берегового обрыва. Никаких конструкций в них выявлено не было, однако зафиксировано несколько пятен, в том числе и уходящих под стенки раскопа. Тем не менее судить о том, от каких объектов они остались, на сегодняшний день либо пока преждевременно, либо уже невозможно.

Раскоп №1. Заложен в западной части памятника. Его площадь 76 кв. м. Раскоп захватил часть зольника, выделявшегося по концентрации находок, особенно по большому количеству костей животных, в два раза превышающих их количество на остальной части поселения. Кроме того, зольник выделялся по структуре заполнения. Земля в нем была беловатого цвета, насыщенная золой. Часть зольника уже обрушилась под откос, часть уходила под стенку раскопа. Нами вскрыто 44 кв.м его площади. В зольнике обнаружено костяное изделие неизвестного назначения (рис. 1.-6), пряслице, а также большая коллекция ирменской и корчажнинской керамики, в том числе развалы двух корчажнинских сосудов, найденные в нижних его горизонтах, на третьем (рис. 4.-3) и четвертом (рис. 4.-2).

Раскоп №2. Заложен в центральной части поселения. Площадь его составила 180 кв. м. В раскопе было обнаружено несколько вещей и большая коллекция керамики, практически не отличимая от найденной в первом и третьем раскопах и в сборах с поверхности памятника, в том числе развалы трех сосудов. Один из них – крупный сосуд корчажнинской культуры (рис. 4.-1), значительная часть фрагментов которого, видимо, уже обрушилась в обрыв. Сохранившиеся куски, по которым он был графически реконструирован, были вынуты буквально из стенки оврага. Из вещевых находок отметим два костяных трепала с хорошо выраженными следами сработанности (рис. 1.-8, 9), а также бронзовое комбинированное орудие (проколка-стамеска?), находившееся в костяной рукояти (рис. 1.-7).

Раскоп №3. Заложен к юго-востоку от раскопа №2, на краю узкого мыса, образованного обрывом к ручью и спуском к дамбе. Мыс появился в ходе строительства дамбы в 1977 г., после чего началось его быстрое осыпание в обе стороны. За прошедшее до начала раскопок время значительная часть его уже разрушилась. Нами на мысу заложен раскоп площадью 60 кв. м, включивший в себя практически всю его сохранившуюся часть. В ходе работ на раскопе №3 найдена керамическая фишка и коллекция керамики.

На всех трех раскопах найдено много костей животных, которые были определены археозоологом А.В. Гальченко. Как уже отмечалось, особо много костей обнаружено в зольнике. При этом значительный процент костей там – очень фрагментарны и сильно обожжены, т.е. практически не определимы. В ходе проведения раскопок поселения нами также делались сборы подъемного материала с остальной разрушаемой и распахиваемой

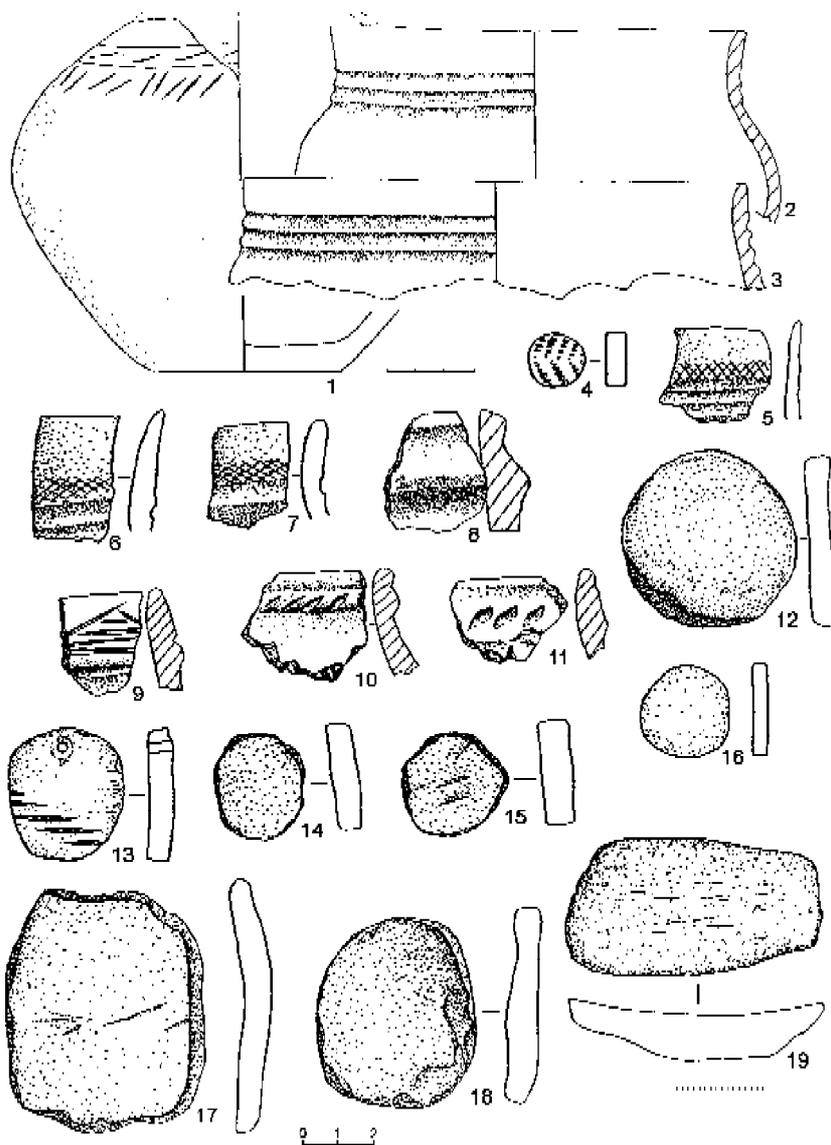

Рис. 2. Инвентарь поселения Казенная Заимка: 1–18 – глина; 19 – камень

площади памятника. В результате была собрана значительная коллекция керамики и несколько вещей.

Следует отметить, что мощность культурного слоя поселения Казенная Заимка очень велика: от 25–30 до 80–100 см, что достаточно редко для поселений лесостепного Алтая данного времени. При этом древний слой практически везде еще перекрыт русским культурным слоем деревни Казенная Заимка. Это, с одной стороны, привело к разрушению во многих местах древнего слоя русским, а, с другой, способствовало перемещению и смешению находок этих двух исторических периодов.

Остановимся на краткой характеристике полученных находок.

Изделия из бронзы представлены кинжалом (?), ножом, наконечником стрелы и шилом-стамеской.

Кинжал (?) имеет обломанные с одной стороны перекрестье и конец клинка (рис. 1.-2). Изделие относится к формам, широко распространенным в андроновское и постандоновское время. Круг аналогий ему очень велик. Подобные вещи характерны также для андронидных культур, в частности, для еловской. Есть основания связывать его с корчажкинскими материалами поселения Казенная Заимка.

Наконечник стрелы втульчатый листовидный. Имеет дефект на одной из лопастей, возможно, являющийся следствием литейного брака (рис. 1.-4). По мнению Г.Е. Иванова (1995, с. 13), втульчатые листовидные наконечники стрел господствуют в XIII (XII) – 1-й половине VIII в. до н.э. и генетически связаны с типами андроновской культуры. Бронзовые наконечники – редкая находка на поселениях эпохи поздней бронзы. Определить культурную принадлежность данного изделия в рамках эпохи сложно, однако, на наш взгляд, он скорее является ирменским.

Еще с большей уверенностью это можно сказать о ноже с монетовидным навершием (рис. 1.-1). Это типичная вещь для ирменской культуры. С.А. Ковалевский (2001, с. 268–270) собрал сводку распространения подобных изделий и отметил, что территорией их бытования являются Кузнецкая котловина и Верхнее Приобье, а также привел мнение Н.Л. Членовой, которая датирует их VIII–VII вв. до н.э. Он указывал на находку такого ножа на поселении Милованово-III (Ковалевский С.А., 2001, с. 270), которое по культурным компонентам (корчажкинское и ирменское) идентично поселению Казенная Заимка. При этом нож, видимо, маркирует верхнюю границу существования памятника. Подобные формы известны и в большебереченской культуре переходного времени. В настоящее время данный предмет хранится в Государственном Эрмитаже.

Еще одним бронзовым предметом является шило. Возможно, это комбинированное орудие – шило-стамеска (рис. 1.-7). Изделие находилось *in situ* в костяной рукояти. При этом, на наш взгляд, возможно использование его в двух вариантах, как шила и как небольшой стамески, переворачивая рабочую часть в рукояти. Очень близкой аналогией является шило в рукояти с поселения Быстровка-IV (Матвеев А.В., 1993, табл. 19.-1). На этом поселении также присутствуют корчажкинский и ирменский культурные комплексы.

Костяные изделия на поселении Казенная Заимка представлены тремя трепалами, наконечником стрелы, предметом неизвестного назначения, а также целым рядом изделий в разной степени готовности. К таковым, например, относятся проколки, для которых использовался нередко просто подходящий обломок кости.

Наиболее интересными орудиями являются трепала, имеющие хорошо выраженные следы сработанности (рис. 1.-8, 9; 3.-12). Эти предметы служили для обработки шкур животных и являлись орудиями скотоводов. На Казенной Заимке они относятся к ирменскому комплексу. Подобные изделия встречены на многих поселениях ирменской и саргаринской культур. Например, трепала были найдены М.П. Грязновым (1956, с. 41, рис. 14.-8–10) при раскопках эталонного ирменского поселения Ирмень-1. Ближайшим ирменским памятником, где обнаружены такие же трепала, является Фирсово-XVIII, расположенное через Обь, на правом ее берегу напротив г. Барнаула.

Костяной наконечник стрелы, черешковый, ромбический в сечении, найденный на поселении Казенная Заимка, обломан в древности (рис. 1.-5). Там также обнаружено неиз-

вестное костяное изделие, напоминающее нож (рис. 1.-6). Предмет также обломан в древности. Еще одним костяным изделием является астрагал барана с обработанной поверхностью. Одна из граней его обрезана и зашлифована (рис. 3.-13). Возможно, это заготовка подвески-амулета. Подобные изделия, нередко просверленные, широко известны в ирменских и большереченских памятниках. Однако возможно и другое использование данного предмета. Так, Н.Ю. Кунгурова и В.С. Удодов (1987, с. 78) отмечают, что такие орудия служили в качестве инструмента для доводки поверхности отлитых бронзовых изделий. В частности, они найдены на поселениях бурлинского типа. На поселении Казенная Заимка также обнаружен целый комплекс предметов (сопло, литейная форма) и отходов (шла-

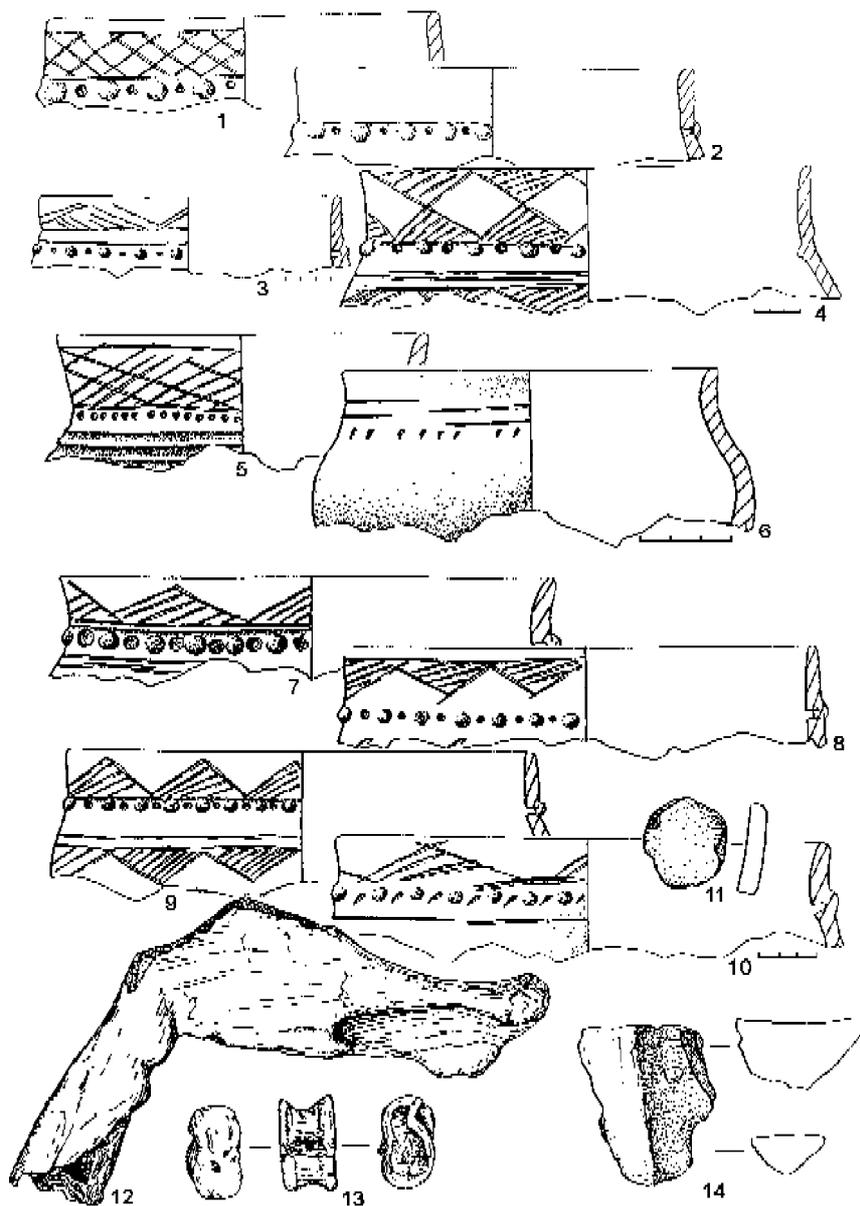

Рис. 3. Инвентарь поселения Казенная Заимка: 1-11 – глина; 12-13 – кость; 14 – камень

ки, сплески бронзы), связанных с бронзолитейным производством, так что такое использование астрагала вполне возможно.

На памятнике найдено несколько изделий из глины. Прежде всего это целая серия фишек, которые часто делались из стенок или доньшек сосудов (рис. 1.-10; 2.-4, 12-18; 3.-11). Вероятно, они выполняли функции скребков или лоцил, о чем говорят их хорошо сработанные края. Некоторые из них небольшие, округлые (рис. 2.-4, 13-16), другие более крупные и овальной формы (рис. 2.-17, 18). Аналогии им хорошо известны в степных и лесостепных памятниках эпохи поздней бронзы. Из глины сделан также предмет, напоминающий грузило. Встречено пряслище (рис. 1.-11).

Особый интерес представляет керамическое изделие, видимо, связанное с бронзолитейным производством. Это обломок глиняной трубки, по всей видимости, сопла для печи (рис. 1.-3). Изделие хорошо сохранилось и не имеет следов нагара. Вероятно, оно было сломано в древности и практически не использовалось в процессе производства. Это первая подобная находка на памятниках эпохи поздней бронзы в лесостепном Алтае. Обломок сопла еще раз подтверждает факт изготовления бронзовых изделий прямо на поселениях, о чем также свидетельствуют бронзовые вещи с литейным браком, обломки форм, сплески бронзы и части отшлакованных тиглей.

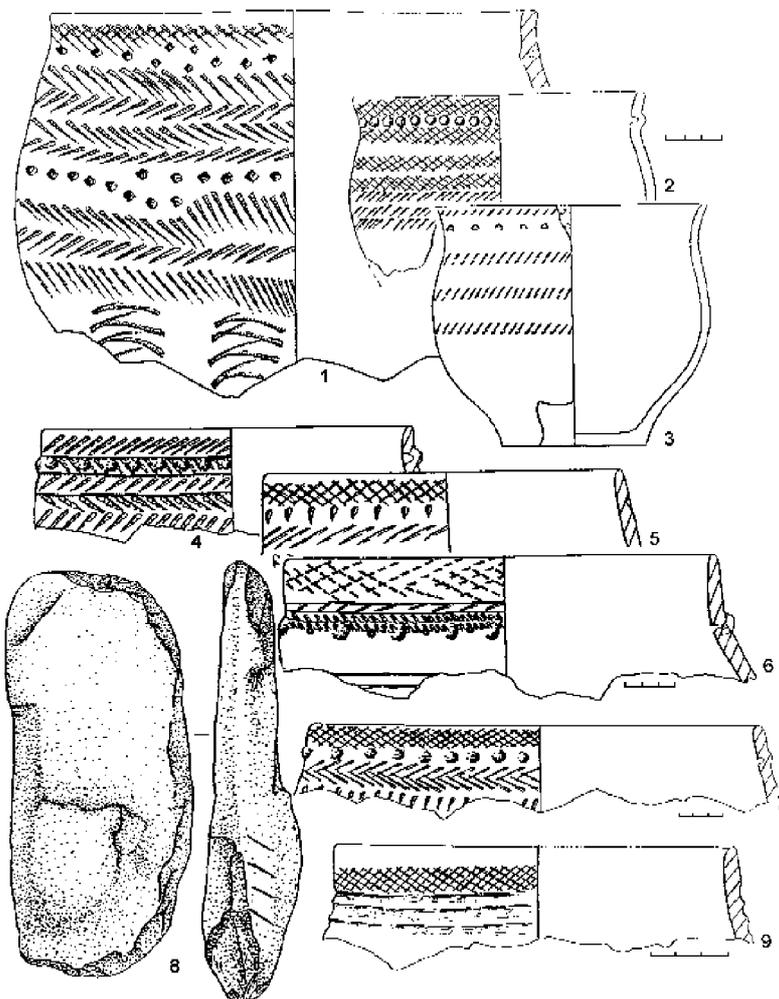

Рис. 4. Инвентарь поселения Казенная Займка: 1-7, 9 – глина; 8 – камень

Известна очень близкая аналогия находке из Казенной Заимки. Это обломок орнаментированной глиняной трубки, также, видимо, от сопла, служившего для подачи воздуха при плавке металла. Поверхность ее оплавлена. Изделие найдено на поселении Линево-1 в Новосибирской области и может быть связано с ирменским комплексом памятника (Зах В.А., 1997, с. 71, рис. 29.-22).

Наконец на поселении Казенная Заимка найдено несколько изделий из камня. Здесь обнаружено два комбинированных орудия, которые могут быть определены как терочники-отбойники. Оба изготовлены из серого камня. Особый интерес представляет одно из них. На боковой грани орудия в древности были нанесены насечки (рис. 4.-8). Подобные насечки просматриваются и на одной из плоскостей, причем в одном случае они образуют острый угол. Из камня также изготовлен обломок литейной формы (рис. 3.-14). К сожалению, его небольшие размеры не позволяют определить, что отливалось в данной форме. Встречены нижние камни зернотерок (рис. 2.-19) и их обломки.

Как уже было выше сказано, с поселения Казенная Заимка получена значительная коллекция керамики. Она найдена как в раскопах, так и в сборах с поверхности. Присутствие большого числа крупных стенок и нескольких развалов позволило восстановить формы сосудов (рис. 2.-1-3; 3.-1-10; 4.-1-7, 9). Столь большая керамическая коллекция требует особого внимания и отдельной публикации. В данной работе мы ограничимся лишь несколькими общими замечаниями.

Прежде всего отметим, что абсолютное большинство позднебронзовой керамики с Казенной Заимки принадлежит двум культурам – ирменской (рис. 3) и корчажкинской (рис. 4). И та, и другая присутствуют на Казенной Заимке в классических вариантах. Ирменские материалы аналогичны целой группе ирменских коллекций с других памятников Барнаульского Приобья: Речкуново-III (Шамшин А.Б., 1985), Заковряшино-I (Шамшин А.Б., 1991), Фирсово-XVIII и др. Корчажкинская коллекция Казенной Заимки относится к позднему иткульскому этапу культуры и также имеет многочисленные аналогии в других памятниках региона: Костенкова Избушка, Корчажка-V (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1987), Фирсово-XVIII и др.

Наряду с этими материалами на Казенной Заимке в небольшом количестве встречено еще две группы позднебронзовой керамики.

Первая – это валиковая посуда, которая скорее всего может быть связана с саргаринской культурой Кулунды (рис. 2.-8-11). Подобные материалы известны и на других ирменских поселениях Барнаульского Приобья: Заковряшино-I, Фирсово-XVIII (Шамшин А.Б., Цивцина О.А., 1999), Цыганкова Сопка-I и др. Присутствие этой посуды на Казенной Заимке, видимо, свидетельствует о контактах этих двух групп населения.

Сложнее объяснить присутствие еще одной группы керамики, особой, количественно небольшой. Ее составляют тщательно изготовленные тонкостенные сосуды, хорошо обожженные и залощенные, украшенные по венчику каннелюрами, либо сеточкой, выполненной тонкими резными линиями (рис. 2.-2, 3, 5-7). Верх венчика чаще всего не орнаментирован. Подобная керамика также в небольшом количестве известна и на других ирменских и корчажкинских памятниках лесостепного Алтая, а также на саргаринских поселениях степной Кулунды. Возможно, происхождение этой группы керамики связано с межплеменным обменом, возможно, она имела ритуальное значение. В любом случае столь ее широкое распространение и резкое отличие от керамики основных культурных комплексов, в которых она встречается, позволяет выйти на новые исторические реконструкции.

Библиографический список

- Бородаев В.Б., Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Археологические памятники на территории Барнаула // Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул, 1983. С. 7-30.
- Грязнов М.П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири // КСИИМК. М., 1956. Вып. 64. С. 27-42.
- Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микро-района). Новосибирск, 1997. 132 с.

- Иванов Г.Е. Вооружение и военное дело населения лесостепного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы – раннем железном веке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1995. 28 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажкинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 137–158.
- Ковалевский С.А. К вопросу о происхождении и территории распространения бронзовых ножей с монетовидными навершиями // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул, 2001. С. 268–270.
- Кунгуров А.Л., Шамшин А.Б. Археологические памятники // Барнаул: Энциклопедия. Барнаул, 2000. С. 26–29.
- Кунгурова Н.Ю., Удодов В.С. Орудия металлообработки эпохи бронзы // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 76–79.
- Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993. 181 с.
- Сидоров Е.А. Стратиграфия поселения Милованово-3 // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск, 1983. С. 10–20.
- Шамшин А.Б. Поселение Речкуново-III – новый памятник эпохи поздней бронзы Верхнего Приобья // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 129–147.
- Шамшин А.Б. Работы в Алтайском Приобье // АО 1984 года. М., 1986. С. 207.
- Шамшин А.Б. Новые памятники эпохи поздней бронзы и переходного времени в Барнаульско-Бийском Приобье // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1987. С. 38–40.
- Шамшин А.Б. Заковряшино-I – поселение эпохи поздней бронзы на Обском море // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 135–147.
- Шамшин А.Б. Поселение Фирсово-XVII и проблемы формирования корчажкинской культуры на Верхней Оби // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004а. С. 155–169.
- Шамшин А.Б. Микрорайоны эпохи поздней бронзы в лесостепном Барнаульском Приобье и Кулундинской степи // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2004б. С. 101–108.
- Шамшин А.Б., Изоткин С.Л. Керамика зольника поселения Фирсово-XVIII // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск, 1992. С. 26–28.
- Шамшин А.Б., Цивцина О.А. Валиковая керамика с поселений ирменской культуры лесостепного Алтая // История, археология и этнография Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 1999. С. 50–52.
- Шамшин А.Б., Цивцина О.А. Взаимодействие носителей культур эпохи поздней бронзы в Алтайском Приобье (по материалам поселения Фирсово-XVIII) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2001. С. 213–217.

Л.А. Чиндина

Томский государственный университет, Томск

ПОГРЕБЕНИЯ КОНЦА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА РЁЛКА*

Могильник Релка известен в археологической науке как памятник раннего средневековья, но мало кто знает, что он возник на месте погребений молчановской культуры финального этапа поздней бронзы в Нарымском Приобье, поскольку в литературе сведения на этот счет отрывочные и не всегда точные.

Г.В. Евдокимова (1973, с. 117–124) в статье о проблемах молчановской культуры опубликовала новые для того времени материалы по керамике поселений Остяцкая гора, Малгет и ранних погребений Релки из раскопок В.И. Матющенко (1964 г.) и моих (1966 г.). Обрядности позднебронзовых погребений она не коснулась. В.И. Матющенко Релку упоминает в числе прочих памятников, относимых им к еловско-ирменской культуре, но не берет во внимание материалы, собственных и моих раскопок указанных лет (Матющенко В.И., 1974, с. 26). М.Ф. Косарев (1981, с. 199; 1987, с. 301) позднее напишет: «Погребальный

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект №04-01-00379а).

Рис. 1. 1966 г. Могильник Релка в с. Молчаново Томской области. Курган №2. 15-минутный перерыв. «Кто на лавочке сидел, кто на улицу глядел». Юра Кирюшин думал: «Может еще одно погребение с еловским горшком выскочит?..»

Рис. 2. 1966 г. Могильник Релка. Коллективный портрет прощания с Релкой. Впереди Малгет. Юра Кирюшин ехал закладывать краеугольный камень своей будущей кандидатской диссертации, еще не ведая о том; пока его манили археологические дали

обряд молчановского населения не изучен. Г.В. Евдокимова сообщает, что при раскопках средневекового могильника Релка в Молчаново были вскрыты две могилы с керамикой молчановского типа. К сожалению, никаких подробностей его устройства она не сообщает. В каждой из них стояло по горшку. Останков погребенных не обнаружено». В недавней работе Ю.Ф. Кирюшина (2004, с. 98–99) о погребениях также нет дополнительных сведений. В моей монографии о раннесредневековом могильнике Релка содержание погребений эпохи поздней бронзы не раскрывается, а лишь указывается их номер и местонахождение (Чиндина Л.А., 1977, с. 23–24). Однако при практически полном отсутствии знания погребального обряда молчановской культуры публикация материалов этих погребений, несомненно, необходима. Сегодня, благодаря юбилею Ю.Ф. Кирюшина, мне предоставляется возможность, хотя и с запозданием, ликвидировать пробел и внести необходимые коррективы в существующие публикации.

Пусть читатель не удивляется связи релкинских находок со знаменательным событием в жизни и научной деятельности Юрия Федоровича. Дело в том, что открытие нового вида памятника произошло в первой для него археологической экспедиции в 1966 г. Память уносит нас к событиям 40-летней давности: Юра Кирюшин, активный, энергичный, влюбленный в археологию мальчик, после I курса попал на археологическую практику в мой Нарымский отряд археологической экспедиции Томского государственного университета. Мы должны были работать на могильнике Релка и поселении Малгет. Для меня 1966 год на Релке тоже был своеобразным дебютом: первые самостоятельные раскопки без В.И. Матюшенко, желание реализовать опыт, приобретенный на памятнике под его руководством, одновременно тревоги и опасения за собственные силы, знания. В этой ситуации меня не очень устраивало иметь в отряде ершистого, амбициозного студента: лишние хлопоты. Но... очень скоро стало ясно, что он коммуникабельный, добрый, лю-

бознательный, самостоятельный, выносливый, крепкий, несмотря на худобу (см. фото 1–3) юноша. Наш контакт состоялся. Долгие годы Юра, затем Юрий Федорович, был надежным помощником в моих северных скитаниях, нелегких поисках научных и житейских истин, благодарным учеником и соратником. В итоге окрепло непрерывное творческое сотрудничество, теплые дружеские отношения, несмотря на все превратности стремительной жизни. Поэтому пусть предложенная заметка будет маленьким научным подарком юбиляру и коллегам.

Памятник Релка открыт в 1947 г. В.С. Синяевым. По находкам керамики был изначально отнесен к селищу поздней бронзы (Синяев В.С., 1950). В 1955 г. А.П. Дульзон провел на Релке небольшие археологические раскопки и внес данный объект в археологическую карту как селище, «занимающее площадь 1800 кв.м, на котором имеются неровности, возможно, древние курганы (два). По керамике памятник должен быть отнесен к карасукскому времени» (Дульзон А.П., 1956, №350, с. 174–175). В ходе раскопок автора в 1966 г. выяснилось, что на Релке был не только раннесредневековый могильник, давший название релкинской культуре, но и могильник эпохи бронзы: два погребения с костяками и сосудом в одном из них (Чиндина Л.А., 1966, 1977). Керамика позднебронзового периода встречалась и во время работ В.И. Матющенко на памятнике в 1964 г. (Матющенко В.И., 1964; *Опись находок...*, 1964, №173), один из сосудов из Релки, опубликованный Г.В. Евдокимовой (1973, рис. 3.-1), как раз взят из раскопок В.И. Матющенко. Однако паспортная информация – курган №4, могила 2 – дана ею неверно. Могила 2 с парным захоронением женщины и ребенка оставлена «релкинцами» в VI–VII вв. н.э. (Матющенко В.И., 1964; Чиндина Л.А., 1977, с. 15–16). Данный сосуд фигурирует в полевых документах и отчете как находка из насыпи (рис. 4). Никаких костей при сосуде не было (Архив МАЭС. №268; *Опись находок...*, №173).

Относительно содержания погребений раскопок 1966 г. следует сказать, что М.Ф. Косарев (1981, с. 199; 1987, с. 301), писавший о полном отсутствии в них костных останков, был неточен: в могилах сохранились костяки, содержавшие хотя и не исчерпывающую, но показательную информацию.

Погребение 2 из кургана №27 обнаружено на глубине 60 см от дневной поверхности, под погребенной почвой кургана, на глубине 15–20 см в светло-желтом грунте. Могильное пятно отсутствовало. Размеры погребения по максимальным параметрам расположения костей – 120х50 см. Умершая женщина положена головой на ЮЗЗ (рис. 5). От костяка сохранились фрагменты таза, конечностей (две бедренных, берцовая, кости стоп, обломки и тлен плечевых костей) и почти целый череп, около которого стоял сосуд устьем вверх (рис. 6; по Г.В. Евдокимовой, это второй сосуд). Хотя погребение не производит впечатления переотложенного, часть костей и, возможно, предметов могла быть уничтожена при сооружении могилы релкинской культуры, врезавшейся северным углом в раннее погребение (Чиндина Л.А., 1966; Архив МАЭС. №283, 268а, 322).

Погребение 1 из «кургана» №36* находилось на глубине 50 см от дневной поверхности, углубляясь в однородный желтый суглинок на 20–30 см. Признаков могильного

Рис. 3. 1966 г. Малгет, Нарымское Приобье. Староверы Малгет покинули, археологи вернулись, чтобы оставить о нем память навсегда. Портрет Юры Кирушина: первобытные радости цивилизованного человека

*Курганом данный объект назван условно, так как в результате раскопок выяснилось, что это было естественное всхолмление; под дерном сразу же находились пред- и материковый слои и отсутствовала погребенная почва.

Рис. 4. Релка. Сосуд из кургана №4

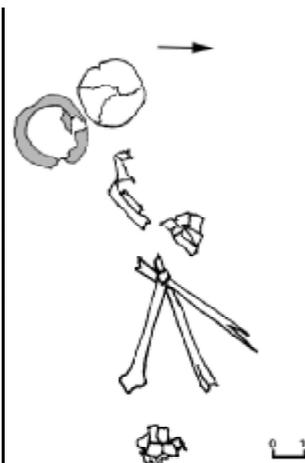

Рис. 5. Релка. Курган №27, погребение 2

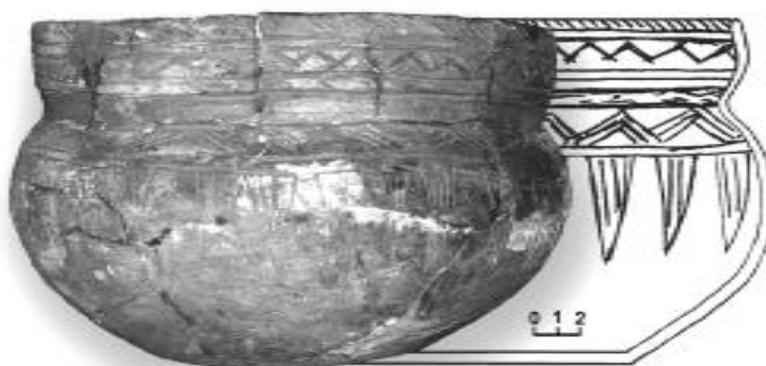

Рис. 6. Релка. Курган №27. Сосуд из погребения 2

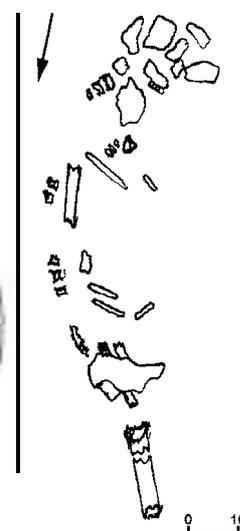

Рис. 7. Релка. Курган №36. Погребение

пятна или каких-то стратиграфических нарушений окружающего слоя не отмечалось. Костяк сохранился очень плохо. Его положение определено по фрагментам черепа, истлевшего позвоночника, костей рук (плечевых, лучевой, трех фрагментов кисти), остатков таза, бедра, двух берцовых костей и двух ребер. Костяк размером 100x50 см лежал головой на ЮЮЗ, лицевой частью на запад, на левом боку, по-видимому, с сильно скорченными ногами: берцовые кости лежали частично под тазом и под бедром (рис. 7). Никаких вещей при погребении не найдено, их не было и в раскопанной части холма (Архив МАЭС. №283, 268а, 322).

Местонахождение погребений из Релки исследователи включают в ареал разных культур эпохи бронзы: молчановской (Евдокимова Г.В., 1973; Косарев М.Ф., 1981, 1987; Кирюшин Ю.Ф., 2004) и еловско-ирменской чulyмско-молчановского локального варианта (Матющенко В.И., 1974). В настоящее время дискуссия между учеными заключается в различной трактовке культурных процессов в регионе относительно количества, куль-

турной атрибутики, исходных центров и путей проникновения компонентов культуры, форм и конечных результатов их интеграции.

К сожалению, описанный выше материал погребений не может предоставить объемной сравнительной информации, кроме отдельных реплик.

Керамика могильника (рис. 4, б) как часть всей молчановской керамики с подробной типологической характеристикой, генезисом и дальнейшим развитием рассматривалась исследователями неоднократно (Васильев Е.А., 1982; Евдокимова Г.В., 1973; Кирюшин Ю.Ф., 2004; Косарев М.Ф., 1981; Чемякин Ю.П., 1981; и др.).

Анализ погребальных особенностей молчановской культуры затруднен из-за почти полного отсутствия могильников этого времени в Нарымском Приобье. В.И. Матюшенко отнес к еловско-ирменской культуре выделенную А.П. Дульзоном группу погребений эпохи бронзы на соседнем с Релкой позднесредневековым могильнике Пачанга (Матюшенко В.И., 1974, с. 117; Дульзон А.П., 1955, с. 132–136). Однако использовать эти материалы приходится с осторожностью: при сравнении керамики из погребений в Релке и Пачанге заметны различия в форме и орнаментации, горшки из Пачанги архаичнее релкинских.

Два описанных погребения указывают на наличие между ними общих и индивидуальных признаков. Их объединяет:

1. Расположение захоронений на естественных всхолмлениях. Трудно сказать, был ли данный признак, как считает В.М. Матюшенко, ритуальным явлением, связанным с идеей курганной обрядности, возникшей именно в еловско-ирменское время (Матюшенко В.И., 1974, с. 117). Может быть, для юга это так и было, но погребение в холмах в районе Молчанова могли быть продиктованы и природной необходимостью: местность здесь холмистая и практически не оставляла иной площадки при выборе захоронения.

2. Оба погребения находились неглубоко в грунте, не намного ниже дернового слоя. То же самое отмечено и на Пачанге (Матюшенко В.И., 1974, с. 118).

3. Захоронение в скорченном состоянии на боку. В Пачанге все костяки лежали вытянуто на спине (Дульзон А.П., 1955, с. 132–136).

К индивидуальным особенностям следует отнести плавающую ориентацию (но в ЮЗ секторе), положение погребенных на разных боках, наличие или отсутствие сосуда. Аналогии данным признакам есть в южных могильниках (Томском, ЕК-II и др.). Однако какие-то закономерности из-за скудости информации проследить пока нельзя.

Очевидно, что индивидуальность объяснялась различиями в традиции, так как молчановская культура формировалась из двух или даже трех компонентов, удельный вес которых при становлении и развитии культуры постоянно менялся. Восстановить эти процессы будет возможно с накоплением материалов и решением ключевого вопроса – установления узкой хронологии внутренних изменений в культуре.

Библиографический список

Васильев Е.А. Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы (хронология и культурная принадлежность памятников) // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982. С. 3–14.

Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. V. Томск, 1956. С. 89–316.

Дульзон А.П. Остяцкие могильники XVI и XVII веков у села Молчанова на Оби // Ученые записки ТГПИ. Т. XIII. Томск, 1955. С. 97–154.

Евдокимова Г.В. К вопросу о молчановской культуре // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 7. С. 117–124.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны западной Сибири. Барнаул, 2004. 295 с., ил.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 278 с.

Косарев М.Ф. Эпоха бронзы Западной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 289–304.

Матюшенко В.И. Отчет о полевых исследованиях кафедры археологии и этнографии Томского государственного университета летом 1964 г. / Архив МАЭС. №281.

Матющенко В.И. Древняя история лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 4: Еловско-ирменская культура. Томск, 1974. 194 с., приложение: описание могильников и рисунки. (Из истории Сибири. Вып. 12).

Опись находок из раскопок Молчановского могильника Релка за 1964 год / Архив МАЭС ТГУ.

Полевые дневники раскопок могильника Релка за 1964 год / Архив МАЭС. №268.

Полевые дневники раскопок могильника Рёлка за 1966 год / Архив МАЭС. №283.

Сводный том полевых чертежей раскопок могильника Релка // Архив МАЭС. №268а.

Синяев В.С. Материалы к археологической карте нижнего Чулыма // СА. 1950. Т. XIII. С. 331–340.

Чиндина (Павленок) Л.А. Отчет об археологических исследованиях музея истории материальной культуры Томского государственного университета летом 1966 года / Архив МАЭС. №322.

Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск, 1977. 192 с., илл.

М.А. Дэвлет

Институт археологии РАН, Москва

КУРГАНЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ «ТООРА-ХЕМ ВТОРАЯ ПОЛЯНА» В ТОДЖИНСКОМ ХОШУНЕ ТУВЫ

В течение шести полевых сезонов 1969–1973, 1975 гг. Тоджинская экспедиция Института археологии АН СССР проводила раскопки и разведки в труднодоступном горнотаежном Тоджинском районе на северо-востоке Тувы. Исследовались памятники периода финального неолита, эпохи бронзы, скифского, гуннского, тюрского времени, этнографической современности. Курганная группа, состоящая из семи курганов, была открыта в 1969 г. на правом берегу р. Тоора-Хем в местности, носящей название «Вторая поляна». Курганы с оплывшими подквадратными земляными насыпями, ориентированными углами по странам света, находились по обе стороны от дороги, ведущей из районного центра пос. Тоора-Хем в пос. Адыр-Кежиг. В 1970 г. в первый год раскопок на Второй поляне в заполнении могилы кургана №1 были на разных уровнях обнаружены кварцевый ромбовидный наконечник стрелы и кремневая ножевидная пластинка. Напрашивался вывод, что эти предметы попали в могильную яму случайно, при ее засыпке. С целью проверки этого предположения в разных пунктах Второй поляны были заложены шурфы, показавшие наличие на краю поляны вблизи курганов стоянки с культурным слоем, содержащим каменный инвентарь и керамику, подобные находкам на стоянке Тоора-Хем Первая поляна (Дэвлет М.А., 1973а–б). Так была открыта стоянка с каменным инвентарем Вторая поляна (Дэвлет М.А., 1973а–в). Теперь не вызывает сомнений, что каменный наконечник стрелы и ножевидная пластинка попали в могильную яму при засыпке ее землей, взятой на территории стоянки более раннего времени.

В 1970 г. на Второй поляне было раскопано два кургана – №1 и 2. Материалы раскопок этих курганов были опубликованы (Дэвлет М.А., 1975). В кургане №1 единственная могила оказалась ограбленной. В кургане №2, ограбленном частично, были обнаружены следующие предметы: бронзовый кинжал с узким бабочковидным перекрестием-«усиками» (рис. 1.-1), три ножа, два из которых – с выделенной ручкой и головкой грифона в месте перехода ручки к лезвию, у одного из них навершие в виде фигурки стоящего кабана, у другого, вкладышевого, кольчатое навершие (рис. 1.-2–3), третий нож на конце ручки имеет круглое отверстие, его отличает «хвостатость» – слабая отогнутость конца лезвия (рис. 1.-4). Обнаружены также бляшки в виде фигурок стоящих кабанов, у более крупной на обратной стороне петелька (рис. 2.-1–2), бусины из талька, из глины с включениями минерала, из стекла, тальковые застежки, подвеска из клыка кабана, обрывки шерстяной ткани, а также мешочек из меха соболя со стрелами. На основании комплекса погребального инвентаря курган Тоора-Хем Вторая поляна №2 был датирован VI в. до н. э.

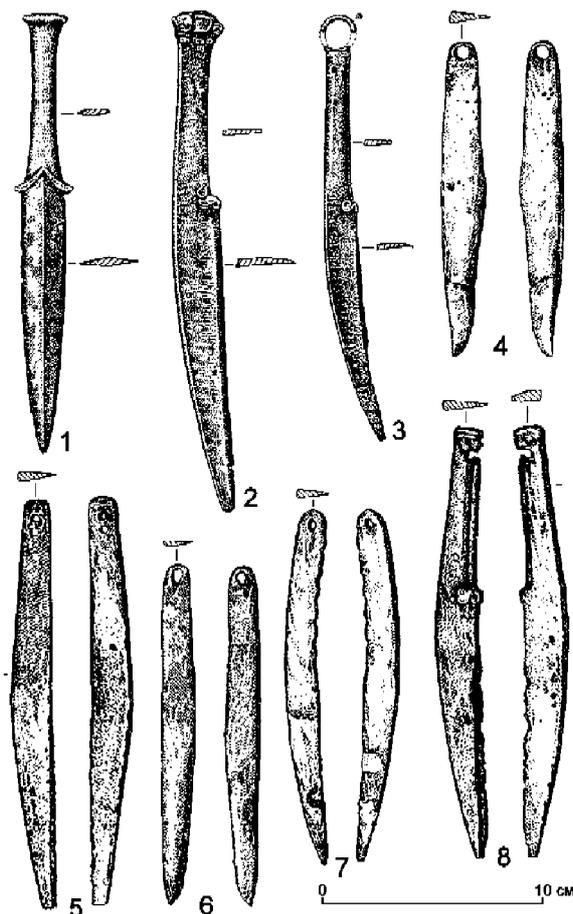

Рис. 1. Тоора-Хем, Вторая поляна. Бронзовый кинжал и ножи:
1–4 – курган №2; 5–8 – курган №3

До сих пор колчаный набор из кургана №2 не был опубликован, так как стрелы находились в покрытом лоскутом шерстяной материи мешочке, из которого их нельзя было извлечь, не повредив его. Были опубликованы только фотография мешочка с торчащими из него древками стрел и бронзовый втульчатый наконечник стрелы с пером ромбической формы VII–VI вв. до н.э., лежавший отдельно (Дэвлет М.А., 1971, рис. 7; 1975, рис. 3.-1). В рентгенографическом кабинете Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации Министерства культуры СССР был сделан рентгеновский снимок этого мешочка. Оказалось, что наконечники плотно налегают друг на друга, и это обстоятельство затрудняло их типологическое определение. С течением времени мешочек разошёлся (рис. 3), и бронзовые наконечники стрел удалось зафиксировать (рис. 4). В колчаный набор из кургана №2 Тоора-Хем, Вторая поляна входило девять бронзовых наконечников, из них шесть втульчатых и три черешковых. Среди втульчатых крупные двухлопастные экземпляры – два асимметрично-ромбические со скрытой втулкой и два асимметрично-листовидно-ромбические со слабо выступающей втулкой. Пара втульчатых наконечников пулевидной формы, сводчатые, круглые в сечении. Втульчатые наконечники стрел из кургана на Второй поляне наиболее близки группе втульчатых из кургана Аржан, которые составляют самый ранний набор, восходящий к образцам эпохи бронзы, известным по находкам с территории расселения носителей андроновской и анд-

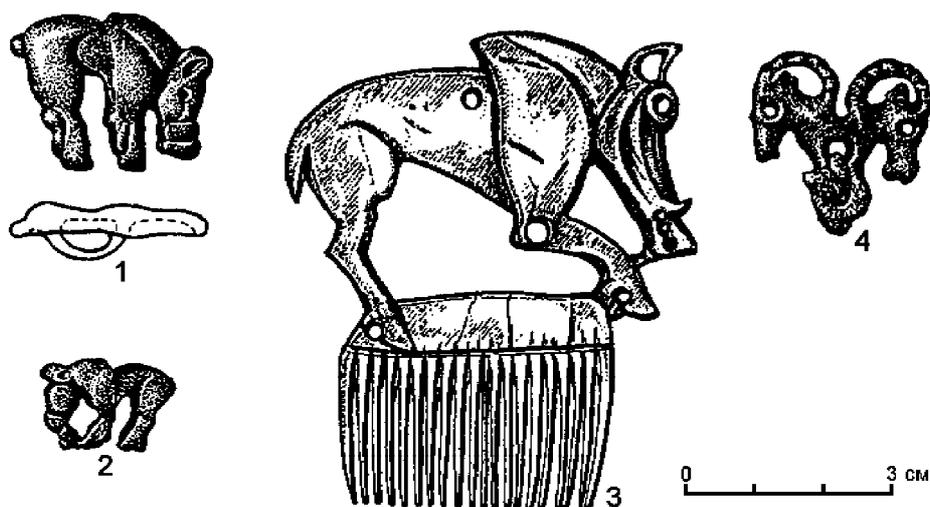

Рис. 2. Тоора-Хем, Вторая поляна. Художественные изделия:
1–2 – курган №2; 3 – курган №7; 4 – курган №5. 1–2, 4 – бронза; 3 – кость

роноидных культур (Чугунов К.В., 2000, с. 228). Черешковые наконечники стрел, представленные в наборе в количестве 3 экз., все трехгранно-трехлопастные. В кургане Аржан черешковых наконечников нет. К.В. Чугунов (2000, с. 228) отмечает, что черешковая группа наконечников появляется в Туве в постаржанское время вместе с носителями алдыбельских традиций.

Рис. 3. Тоора-Хем, Вторая поляна. Мешочек со стрелами (из двух частей)

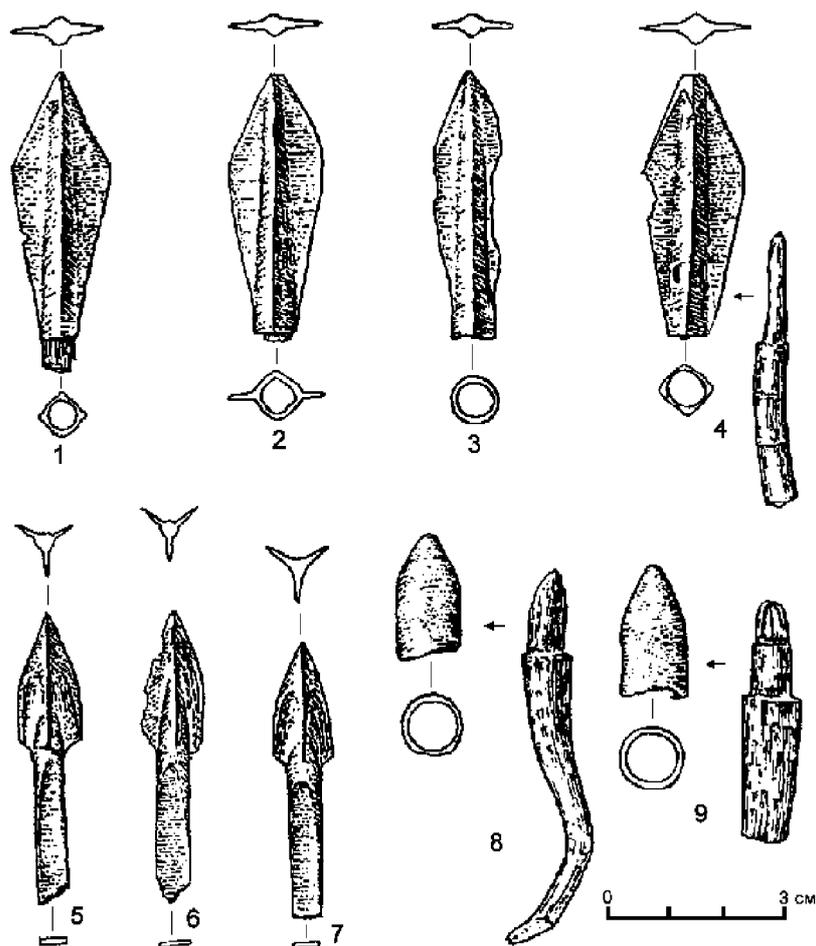

Рис. 4. Тоора-Хем, Вторая поляна. Бронзовые наконечники стрел из кургана №2

К.В. Чугунов произвел классификацию бронзовых наконечников стрел скифского времени Тувы с целью выявления тенденций типологического развития этой категории оружия. Рассматривая комплексы раннескифского времени, он использовал только наборы наконечников из колчанов, происходящих из закрытых погребальных комплексов. По данным К.В. Чугунова, на территории Тувы в 2000 г. были известны восемь погребений алды-бельской культуры, содержащих колчаны со стрелами (от 6 до 18 наконечников). Кроме того, в кургане Аржан обнаружено 48 экземпляров наконечников стрел, из них бронзовых втульчатых – 17, костяных втульчатых – 30 и один деревянный наконечник. В выделенную К.В. Чугуновым раннюю группу входят колчаные наборы из Аржана, Баданки, Усть-Хадынныга, Хута и Сары-Булун, курган №1. Они отличаются разнообразием типов, большим процентом втульчатых наконечников стрел, наличием пулевидных из кости и бронзы (Чугунов К.В., 2000, с. 223).

Еще два колчаных набора были обнаружены в Тодже, в долине нижнего течения р. Ий, притоке Бий-Хема, в кургане у Ийской лесной школы. Раскопки этого кургана производились в 1973 г. Тоджинской экспедицией Института археологии АН СССР под руководством автора. Бронзовые наконечники стрел были обнаружены в могиле 3 у колена правой ноги каждого из двух погребенных: при первом скелете – один бронзовый втульча-

тый двухлопастной ромбический и пять костяных, при втором погребенном – восемь бронзовых и пять костяных наконечников, из них бронзовых втульчатых ромбических – четыре, столько же черешковых. Черешковые бронзовые наконечники трехлопастные и трехгранно-лопастные. Вероятно, здесь помещались колчаны, сделанные из органических материалов и не сохранившиеся. Это могли быть легкие кожаные колчаны, в которых каркасной основой служила дощечка. Согласно реконструкции, произведенной В.Д. Кубаревым, в скифскую эпоху алтайский кожаный колчан представлял собою длинный и узкий, слегка сужающийся книзу мешочек и служил расходным колчаном. Наряду с легкими кожаными существовали большие деревянные, обтянутые берестой или кожей. Такой колчан служил магазином воина (Кубарев В.Д., 1981, с. 65–72). Колчаные наборы из Ийского кургана содержат наконечники стрел довольно ранних типов, которые могут быть датированы, скорее всего, VI в. до н.э. Наконечники стрел из кургана на Второй поляне можно отнести к VII–VI вв. до н.э., а весь комплекс вещей к VI в. до н.э.

В 1971 г. на Второй поляне были исследованы еще два кургана – № 3, 4, в 1972 г. – №5, в 1973 г. – №6, в 1975 г. – № 7.

Курган №3 находился справа от дороги, в курганной группе он ближайший к реке. На поверхности земли он отмечен сильно оплывшей земляной насыпью диаметром 14 м, высотой 0,5 м от нулевой точки, находящейся у северной полы насыпи. Первоначально подквадратная форма насыпи лишь угадывалась. Поверхность кургана была изрыта, по свидетельству местных жителей, сотрудниками Тувинской геологической партии за несколько лет до начала наших раскопок на Второй поляне. Под земляной насыпью находилась разреженная выкладка из обломков скал и булыжников в один слой камней, сосредоточенных преимущественно в центральной части кургана. Вдоль северо-северо-западной полы кургана протянулась цепочка из 12 камней, напоминающих крепиду. В восточном секторе кургана обнаружено несколько фрагментов керамики с орнаментом в виде отпечатков птичьих лапок. После того как каменная выкладка была разобрана, на уровне древнего горизонта четко обозначились два могильных пятна, одно из которых имело каменное обрамление (могила 1), а другое было завалено камнями (могила 2). На бортах могил прослеживались остатки обгоревших бревен от перекрытий. Бревна наката лежали в направлении с северо-запада на юго-восток. Заполнение могильных ям – черный гумус. Могилы грунтовые. Могила 1, центральная, ориентирована длинной осью ЮЗ–СВ, длиной 2,5 м, шириной 2 м, глубиной 0,8 м. Могила 2, расположенная к юго-западу от могилы 1, меньших размеров – 1,5х1,5 м, глубиной 0,55 м. Могила ограблена полностью, даже кости скелетов отсутствуют. Могила 2 уцелела от грабителей. На дне могилы на грунте четыре скелета. Погребенные лежали скорченно на левом боку, головами на северо-запад, руки перед грудью. Первый, находившийся в северо-западной части могилы, в углу, возможно, перезахоронен, так как обнаружены не все кости скелета. Перед каждым погребенным на уровне таза был положен бронзовый нож (рис. 1.-5–8). Из прочих находок – две белые желобчатые застежки из талька, белые цилиндрические бусины, а также одна черного цвета круглая, несколько уплощенная, находившаяся в ногах третьего костяка (рис. 5).

Курган №4 расположен слева от дороги в 32,5 м от кургана №1. На поверхности курган был отмечен оплывшей земляной насыпью, диаметром 11,5 м и высотой 0,4 м. Под насыпью выкладка из обломков скал и булыжников, по большей части в один слой камней, местами камни располагались не вплитык, а разрозненно, на некотором, иногда значительном, расстоянии друг от друга. В западной части кургана после того, как каменная выкладка была разобрана, обнаружены остатки восьми обгоревших бревен перекрытия, лежавших концами на бортах могильной ямы. Могильная яма подпрямоугольной формы 1,96х1,56 м вытянута по линии ЮВ–СЗ, глубиной 1 м, грунтовая, без сруба. На дне могилы отдельные кости скелета человека: обломок нижней челюсти с одним зубом, ключица и обломок ребра.

Курган №5 находился у самой дороги, ведущей в пос. Адыр-Кежиг. На поверхности земли курган был отмечен земляной насыпью диаметром 16 м и высотой 0,8 м от нулевой точки А у северной полы насыпи. Дорога частично срезала юго-западную полу

Рис. 5. Тоора-Хем, Вторая поляна.

Желобчатые застёжки из талька и бусины из кургана №3

кургана. Отличительной особенностью данного кургана от предыдущих четырех курганов, ранее раскопанных в данной группе, было отсутствие каменной выкладки под земляной насыпью. Три скальных обломка находились около могилы и три у восточной полы насыпи. В центре кургана под насыпью обнаружены остатки обгоревших бревен перекрытия, ориентированных по линии ЮВ–СЗ. На уровне древнего горизонта четко обозначилось могильное пятно четырехугольной формы. Заполнение могилы – черный гумус и обломки скал. Возможно, что это обрушившаяся каменная обкладка могилы. В грунтовой могиле длиной 2,1 м, шириной 1,3 м, глубиной 0,75 м, ориентированной длинной осью ЮВВ–СЗЗ, остатки одного скелета, кости разбросаны, многих не хватает. Погребение нарушено грабителями. находки: бронзовая бляшка в виде головок горных козлов, обращенных в противоположные стороны с остатками кожаного ремня (рис. 2.-4), остатки кожаного чехла, бусины. В насыпи встречены кости животных, черепок, обломок каменного диска.

Курган №6 расположен на краю курганной группы слева от дороги, ведущей в пос. Адыр-Кежиг. На поверхности он был отмечен земляной насыпью диаметром 16 м, высотой 0,5 м от условной нулевой точки у северной полы кургана, поросшей молодым березняком. С севера к кургану примыкает лесозащитная полоса, пропаханная вдоль поляны по границе с лесом. Земляная насыпь имела слабо выраженную пирамидальную форму, углы ориентированы по странам света. Отличительной особенностью данного кургана, как и кургана №5, является отсутствие каменной выкладки под земляной насыпью. В центре обнаружены остатки обгоревших бревен перекрытия могильной ямы. Бревна ориентированы по линии ЮВ–СЗ. На уровне древнего горизонта четко обозначилось могильное пятно подчетырёхугольных очертаний. Заполнение могилы – черный гумус и обломки скал. Грунтовая могила ориентирована длинной осью с северо-востока на юго-запад. Ее длина – 3,4–3,9 м, ширина могилы 1,8–2,4 м. Могила оказалась пуста, только в заполнении ее были обнаружены два обломка человеческих костей.

Курган №7 находился в северо-западной части могильника на краю поляны. Насыпь земляная округлой в плане формы, высотой 0,45 м, диаметром 13 м. Камень при возведении погребального сооружения не использовался. Через северную половину кургана с юго-востока на северо-запад проходила пропаханная борозда лесозащитной полосы, шириной в 2 м, глубиной около 0,3 м. Под насыпью три грунтовые могилы, перекрытые бревенчатым накатом (2) или слоем бересты (1 и 3), глубиной до 0,95 м от нулевой точки у северной полы кургана.

Могила 1 (северо-восточная) – неправильной овальной формы, длиной 3,3 м, шириной 1 м и глубиной 0,95 м, ориентирована длинной осью с ЮЮВ на ССЗ. Перекрытие из плах, сверху слой бересты. Могильная яма как бы ступенчатая: в юго-восточном конце ее намечился уступ. Могила полностью ограблена, кости не сохранились.

Могила 2 (центральная) – грунтовая, в плане округлых очертаний, диаметром около 1,2 м, глубиной 0,85 м. В разрезе могила чашевидная, диаметр дна 0,8 м. По бортам могильной ямы сохранились обугленные деревянные плашки (не менее двух в ряд, направление с ЮВ на СЗ). На уровне перекрытия были обнаружены ребра человека. На дне могильной ямы, в юго-западном секторе остатки скелета – череп без нижней челюсти и несколько костей, под ними костяной гребень с ручкой в виде фигурки кабана (рис. 2.-3) и стеклянная желтая бусина (в обломках).

Могила 3 (юго-западная) – неправильной подовальной в плане формы, длиной 4 м, шириной 1 м и глубиной 0,9 м. Ориентирована длинной осью с ЮВ на СЗ. Имеется перекрытие из деревянных плах, покрытых берестой. В юго-восточной части могилы уступчик, в силу чего она была как бы ступенчатая, подобно могиле 1. Могила полностью ограблена.

Погребальный инвентарь, обнаруженный в курганах №3–7 на Второй поляне, невелик. В этих пяти курганах было восемь могил, и лишь одна оказалась неграбленной (курган №3, могила 2). В ней-то и были обнаружены четыре ножа около каждого из четырех погребенных. У первого скелета нож с двумя круглыми маленькими отверстиями, расположенными одно под другим в верхнем конце ручки (рис. 1.-5). При втором костяке нож с каплевидным отверстием в ручке (рис. 1.-6), в отверстие был продет кожаный ремешок, сохранились остатки кожаного чехла. При третьем скелете нож с выделенной ручкой и головкой грифона на уступе между ручкой и лезвием, с дефектом литья (рис. 1.-8). При четвертом нож с овальным отверстием на конце ручки, переход к лезвию еле намечен, край ручки со стороны лезвия волнистый, сохранились остатки кожаного чехла (рис. 1.-7).

Белые тальковые застежки, удлиненные, плосковыпуклые с округлыми концами в центре имеют утолщение, рассеченное желобком для прикрепления нитью к одежде. В Тодже такие желобчатые застежки-«костыльки» были найдены также в долине нижнего течения р. Ий (рис. 6.-1–4). В кургане №2 на Второй поляне желобчатые застежки располагались по обе стороны от кожаного чехла, в который был вложен бронзовый нож с круглым отверстием на конце ручки; вероятно, они были прикреплены к поясу, и к ним при помощи шерстяных шнурков пристегивался чехол. Подобные застежки (бронзовые, костяные и каменные) были обнаружены во многих погребальных комплексах, в том числе в кургане Аржан (Грязнов М.П., 1980, рис. 12.-2–4) и многих других, они имеют широкий хронологический диапазон (Дэвлет М.А., 1975, с. 124–125). Вопрос о происхождении и распространении желобчатых застежек широко дискутировался и продолжает обсуждаться в научной литературе (Членова Н.Л., 1997, с. 35–37; Махортых С.В., 2000, с. 191–193; Иванчик А.И., 2001, с. 214–216).

Из предметов искусства в курганах на Второй поляне обнаружены две бронзовые бляшки в виде стоящего кабана, причем меньшая из них весьма схематична и трудноопределима (рис. 2.-1–2); бронзовая бляшка в виде двух головок горных козлов, обращенных в противоположные стороны (рис. 2.-4), сходна с изображениями на обушках чеканов из могильника Медведка-I, курган №6 (Савинов Д.Г., Молодин В.И., Полосьмак Н.В., 1995, рис. 9), из могильника Толстый Мыс-V, курган №1, могила 1 (Курочкин Г.Н., 1998, рис. 11.-7), а также с бляшкой с Лысой Горы на р. Яя (Мартынов А.И., 1979, табл. 48.-3); костяной гребень, не имеющий аналогов, ручка которого выполнена в виде фигурки кабана, трактованной в скифо-сибирском зверином стиле (рис. 2.-3).

Удается проследить определенные местные особенности курганов, исследованных в Тодже. Это прежде всего подчетыреугольная форма насыпи. Подобные земляные курганы, помимо тоора-хемских на Второй поляне и Ийского у лесной школы, были обнаружены автором во время археологических разведок в Тоджинском район в бассейне р. Эн-

Суг, в окрестностях пос. Адыр-Кежиг, в местности Толбул, по дороге на Аргу неподалеку от оз. Дуруг-Холь, а также на левобережье р. Ий.

Тоджинские курганы из северо-восточной Тувы с тагарскими на среднем Енисее сближает подчетырехугольная форма насыпи, наличие нескольких могил, вытянутых в ряд, бревенчатое перекрытие могильных камер, отсутствие в ряде случаев каменных выкладок на горизонте и каменного обрамления могильных ям, использование огня – поджигание погребальных камер перед засыпкой, отсутствие камней-«подушек» и керамики непосредственно в могилах. По данным спектрального анализа материал бронзовых изделий из Тоджи в целом отвечает известным группам сплавов тагарской культуры (Дэвлет М.А., 1975, с. 124). В то же время конструктивные особенности и спорадическое использование камня для выкладок на горизонте под насыпью и для обрамления могильных ям, а также обряд погребения – скорченно на левом боку головой на северо-запад, сближает тоджинские курганы с погребальными памятниками скифского времени Тувы. Здесь надо также отметить, что под насыпью кургана №2 на Второй поляне между камнями был найден череп лошади. В кургане №7 две могилы из трех имели «уступ», что характерно для северных районов Тувы (Савинов Д.Г., 2002, с. 106).

На памятниках, оставленных тоджинскими племенами, в сильной степени сказывалось влияние их северо-западных соседей – «тагарцев» Минусинской котловины. В скифское время бронзовые орудия и оружие населения Тоджи были настолько схожи с тагарскими, что в ряде случаев почти неотличимы. «Похоже, что в северной части Тувы, – пишет Н.Л. Членова (1997, с. 22), – жили какие-то люди с культурой тагарской или очень близкой к ней». Имеются свидетельства, что старинная тропа, соединявшая Тоджу с бассейном Среднего Енисея, начиналась где-то недалеко от места впадения р. Хамсары в Бий-Хем, то есть от района современного пос. Ырбан. Возможно, по этой тропе в древности осуществлялись контакты между жителями Тоджи и Минусинской котловины.

«Что касается тоджинской группы памятников, – пишет Д.Г. Савинов (2002, с. 115), – то в силу ее обособленного положения и длительного сохранения здесь культурных традиций, она представляет собой отдельное образование, своеобразный «островок» культуры скифского типа в таежных условиях Восточных Саян». «Контактное» и в то же время изолированное, «островное» положение памятников Тоджи находит проявление в сочетании в них черт, присущих как среднеенисейским (минусинским), так и верхнеенисейским (тувинским) археологическим культурам. Эти особенности местного развития удастся проследить по материалам памятников скифской эпохи.

Библиографический список

- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
- Грач А.Д. Историко-культурная общность раннескифского времени в Центральной Азии // АСГЭ. 1983. Вып. 23.
- Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
- Дэвлет М.А. Археологические раскопки в Тодже в 1970 г. // УЗТНИИЯЛИ. Кызыл, 1971. Вып. XV.
- Дэвлет М.А. Археологические исследования в Тодже в 1971–1972 гг. // УЗТНИИЯЛИ. Кызыл, 1973а. Вып. XVI.
- Дэвлет М.А. Раскопки стоянок с каменным инвентарем в Тодже (Восточные Саяны) // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973б.
- Дэвлет М.А. Стоянка Тоора-Хем, «Вторая поляна» в северо-восточной Туве // КСИА. 1973в. №137.
- Дэвлет М.А. Памятники скифского времени в северо-восточной Туве // Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
- Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. М., 2001.
- Кубарев В.Д. К интерпретации предмета неизвестного назначения из кургана 1 памятника Туэкта // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.

Курочкин Г.Н. Тагарские курганы в зоне Новоселовской оросительной системы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. Ленинград, 1988.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979.

Махортых С.В. Об актуальных вопросах раннескифской археологии // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб., 2002.

Савинов Д.Г., Молодин В.П., Полосьмак Н.В. Медведка-I – могильник сарагашенского этапа на юге Хакасии // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. М., 1997.

Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб., 2000.

Чугунов К.В. Локально-хронологические особенности культуры Тувы в середине I тысячелетия до н.э. // Евразия сквозь века: Сборник научных трудов, посвященных 60-летию со дня рождения Дмитрия Глебовича Савинова. СПб., 2001.

Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Элитное погребение эпохи ранних кочевников в Туве (предварительная публикация полевых исследований российской-германской экспедиции в 2001 г.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №2(10).

Т.М. Потемкина

Институт археологии РАН, Москва

ГОЛОВНОЙ УБОР САРГАТСКОЙ ЖРИЦЫ (по материалам Шикаевского кургана)

Известно, что головной убор играет в традиционных культурах особую роль, являясь наиболее значимой частью костюма и показателем возрастного и социального статуса, также этнической принадлежности его носителя. В головных уборах в наибольшей степени сохраняются следы влияния идеологического фактора. Особенно это относится к женским головным уборам.

Археологически выявленные головные уборы, как правило, происходят из погребений и встречаются очень редко. Наиболее яркие и уникальные образцы древних головных уборов представлены в культурах скифо-сарматского мира на широкой территории степей Евразии. Среди них особым богатством и разнообразием отличаются головные уборы, часть которых имела ритуальное значение (Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983, с. 127, 130, 134, 141, 148; Мирошина Т.В., 1980, с. 32, 33, рис. 2, 3; 1981, с. 47–55, рис. 1.-3, 5; Клочко Л.С., 1982, с. 122–128; Полосьмак Н.В., 2001, с. 143–163).

К числу ритуальных относится и рассматриваемый ниже женский головной убор из основного погребения кургана №4 могильника Шикаевка в Варгашинском районе Курганской области на правом берегу Тобола.

Характеристика погребального комплекса и вещевого материала. Курганный могильник Шикаевка состоит из шести земляных насыпей высотой 0,6–2 м, диаметром 24–32 м, расположенных двумя группами у оз. Слободчиково.

Раскопками исследованы два кургана второй группы – №4, б. Исследования кургана №4 производились в 1969 и 1970 гг. под руководством автора (Потемкина Т.М., 1969, с. 40–50, рис. 32–40, фото 15–36; 1970, с. 76–80, рис. 33, 34, фото 74). Материалы его пока не публиковались.

Курган №4 располагался на заброшенной части огорода местного жителя Н.И. Юшкова и длительное время распахивался. Ко времени начала раскопок насыпь кургана имела высоту 1,2–1,3 м, диаметр – 30–32 м.

Раскоп площадью 256 кв. м включал практически всю насыпь кургана. Под насыпью выявлены две могильные ямы – центральная и периферийная. В центральной могиль-

ной яме размером 4,2x5 м глубиной 1,9–2 м от уровня древней поверхности обнаружены захоронения в два яруса, разделенные прослойкой чистой глины мощностью 0,1–0,4 м. Погребения верхнего яруса центральной могилы потревожены и ограблены. Кости двух скелетов и погребальный инвентарь найдены в заполнении могилы на различной глубине. Все вещи были сломаны и располагались в беспорядке. В их числе костяные панцирные пластинки (23 экз.); обломки блюда из красного песчаника; неопределимые обломки различных железных предметов, некоторые из которых могут быть интерпретированы как фрагменты конского уздечного набора и клинка кинжала.

Датирующими предметами из погребений верхнего яруса могут быть только костяные панцирные пластинки, которые часто находят в погребениях саргатской культуры (Матвеева Н.П., Потемкина Т.М., Соловьев А.И., 2004, с. 80–98, рис. 6, 10, 11).

Погребение нижнего яруса было обнаружено в слое чистой глины ниже (на 0,1–0,15 м) фиксируемого дна могильной ямы с захоронениями верхнего яруса. Нижнее погребение не было ограблено, хотя северный край дна могилы был затронут грабительским вкопом. Сохранившаяся придонная часть могильной ямы на глубине 2,1 м имела прямоугольную форму с закругленными углами размером 2,6x1,9 м, вытянутую длинной осью по линии Ю–С. Между зафиксированным уровнем дна могильных ям верхнего и нижнего погребений прослеживалась прослойка чистой светло-желтой глины мощностью 0,1–0,4 м. Это может свидетельствовать о том, что после помещения в могилу основное захоронение по всему дну ямы было засыпано материковой глиной, вытянутой при ее сооружении, что спасло погребение от ограбления.

Захоронение женщины находилось в слое желтой глины. Погребенная лежала в вытянутом положении на спине, головой на север, руки – вдоль туловища. Скелет сохранился в анатомическом положении, но отсутствовала часть костей правой руки. Конец сохранившейся плечевой кости был сломан, возможно, грабительским вкопом. Погребенная была помещена вдоль восточной стенки могилы в углублении овальной формы размером 2,2x0,7 м, глубиной 5–6 см. Видимо, тело женщины было уложено на подстилку из кошмы, от которой сохранилась тонкая темно-коричневая прослойка. Дно могильной ямы по всей площади к западу от погребения было посыпано тонким (1–1,5 см) слоем охры или растертого гематита темно-красного цвета. На расстоянии 0,6 м к югу от стоп ног находилось скопление углей, которое выделялось округлым пятном диаметром 0,12 м.

Вещественный материал из нижнего погребения состоит из 163 предметов. Подавляющая часть изделий (147 экз.) была сосредоточена в области верхней части черепа и являлась украшениями головного убора (рис. 1). В состав украшений входили: нашивные бляшки из тисненого листового золота различной формы, размеров и сюжетов (142 экз.); четыре золотые подвески; золотая объемная птица-гриф (рис. 2.-1–12). Более подробно эти изделия будут охарактеризованы ниже при реконструкции головного убора.

К числу богатых и знаковых украшений относится золотая гривна, длиной 15 см, шириной 1,2 см, из двух спаянных полых трубок диаметром 5–6 мм каждая (рис. 2.-13). На боковой стенке одной из трубок имеются следы пайки. Близкие аналогии шикаевской гривне известны из савроматского кургана на Южном Урале на р. Миасс (IV–III вв. до н.э.) и сакского кургана в Семиречье на р. Или (Смирнов К.Ф., 1964, с. 143–145, рис. 71.-15, 16).

У кисти правой руки погребенной обнаружено бронзовое зеркало, которое было вложено ей непосредственно в руку: дистальные и средние фаланги пальцев лежали на ручке зеркала. Зеркало в форме диска, плоское, отлитое вместе с трапециевидной ручкой; диаметр – 13,8 см, длина ручки – 2,3 см (рис. 2.-21). Вся лицевая поверхность зеркала заполирована, по краям имеется четырнадцать отверстий. Зеркало находилось в футляре из березовой коры. Круг аналогий зеркалу очень широк. Наибольшее число почти идентичных зеркал обнаружено в савроматских (V–IV вв. до н.э.) и прохоровских (IV–III вв. до н.э.) курганах в Южном Приуралье (Смирнов К.Ф., 1964, с. 154, рис. 12.-8; 14.-2а; 21.-3а; Мошкова М.Г., 1963, с. 41, 42, табл. 27.-15–21). В саргатской культуре подобные зеркала считаются связанными по своему происхождению с савроматскими (Корякова Л.Н., 1988, с. 77; Матвеева Н.П., 1993, с. 113).

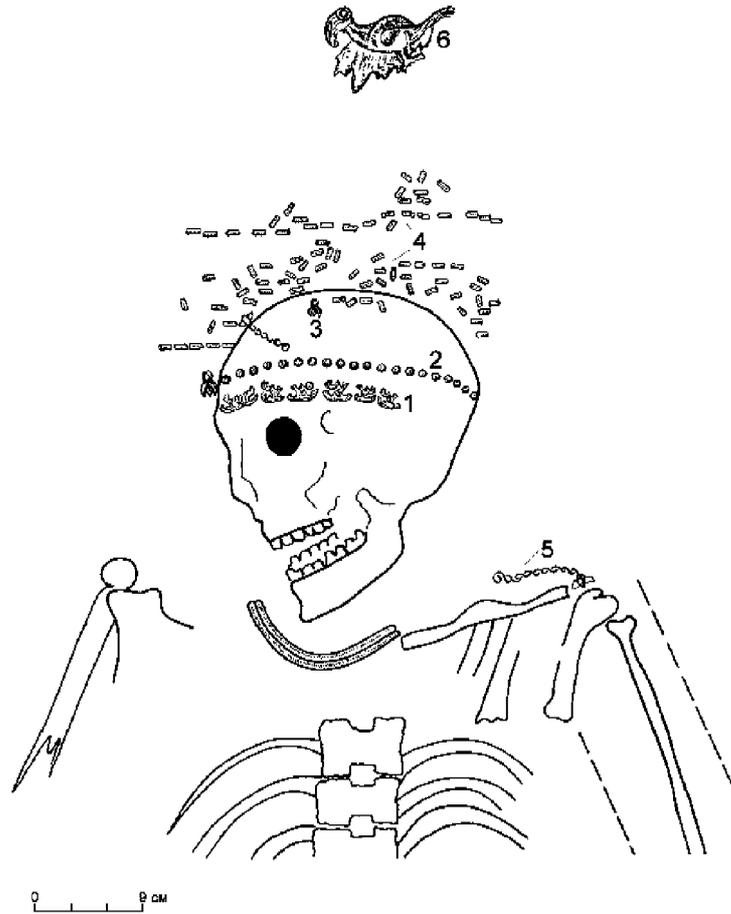

Рис. 1. Шикаевка, курган №4. План основного погребения (фрагмент).

1, 2, 4 – бляшки: в форме рогов оленя, полусферические, прямоугольные;
3 – подвески в форме бутона цветка; 5 – височные подвески; 6 – птица-гриф; 7 – обломок дерева

В погребении найдены одиннадцать крупных цветных стеклянных бусин, плотно располагавшихся вдоль нижней части костей голени в один вертикальный ряд (рис. 2.-15–20). Среди них имеются разнотипные бусы, расположенные в низке в определенной последовательности: верхняя бусина биконической формы из черного стекла, инкрустированная по ребру ярко-желтой пастой; ниже – четыре уплощенных бусины из синего стекла с белыми глазками; далее – бусина из белой пасты и пять глазчатых бусин из синего стекла (рис. 2.-15). Диаметр бусин – 1,5–2,2 см, толщина 0,9–1,6 см.

Две бусины (круглая и биконическая) найдены у кисти правой руки. Внутри биконической бусины сохранились остатки кожного шнура (рис. 2.-19). Ниже кисти правой руки на расстоянии 10 см компактно, в один вертикальный ряд располагались три мелких предмета: сильно коррозированная железная пластина длиной 3 см, шириной 1 см; бронзовая полусферическая бляшка диаметром 0,8 см и золотой крючок длиной 1,1 см из округлой в сечении проволоки (рис. 2.-14, 14а).

Расположение всех обнаруженных бусин на одной вертикальной линии вдоль нижней половины туловища от запястья до стопы в сочетании с находками кожного шнура и крючка может свидетельствовать о том, что все эти предметы являлись составной частью

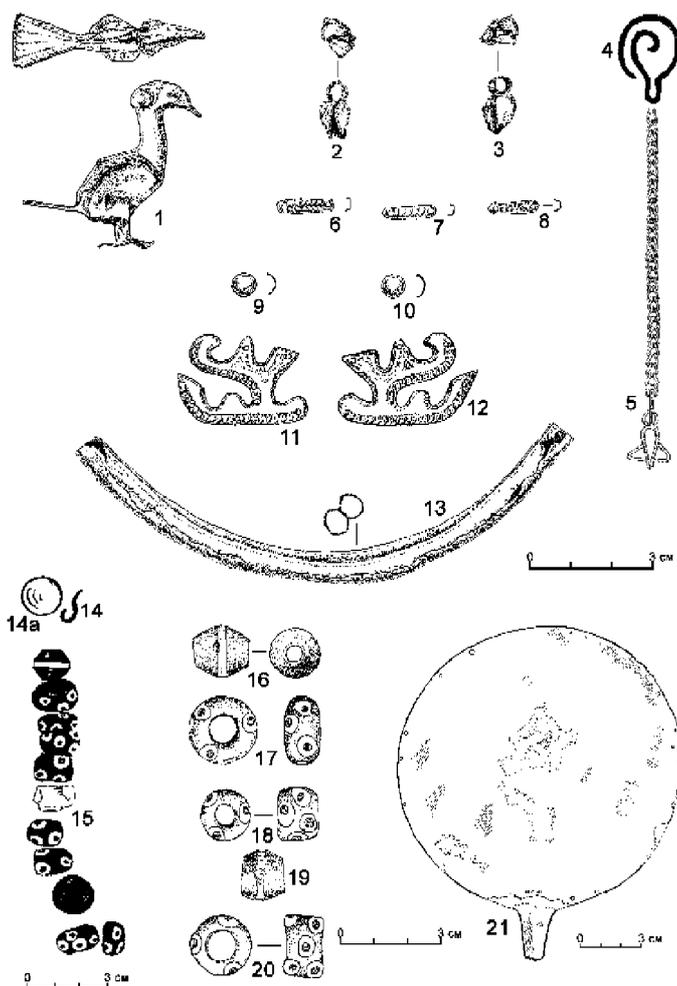

Рис. 2. Шикаевка, курган №4. 1–12 – украшения головного убора: 1 – птица-гриф; 2, 3 – подвески в форме бутонов цветка; 4 – крючок для крепления височной подвески; 5 – височная подвеска; 6–12 – нашивные бляшки (прямоугольные, полусферические, в форме рогов оленя); 13 – гривна; 14а – полусферическая бляшка; 14 – крючок; 15–20 – бусы (15 – в положении *in situ*); 21 – зеркало. (1–3, 5–14 – золото; 4 – серебро; 15–20 – стекло; 14а, 21 – бронза)

одного изделия с одним функциональным назначением. Бусы в данном случае, прежде всего находящиеся в низке из 11 экз., не служили, как обычно, украшением, а скорее использовались для каких-то сакрально-магических целей. Например, были чем-то наподобие четок, являлись оберегом или использовались для гадания, тем более, что во взаимном расположении бус различного типа и цвета присутствует явно выраженная числовая и цветовая символика.

Мне известен только один случай подобных условий местонахождения бус – в богатом женском погребении Тютринского могильника (погребение 3, курган №10) в Притоболье, где 11 крупных разноцветных бус лежали слабо изогнутой дугой между голеней. Прочий инвентарь из погребения во многом соответствует шикаевскому (Матвеев А.В., Матвеева Н.П., 1991, с. 130, рис. 8.-7).

В набор погребального инвентаря основного женского погребения входил сосуд-курильница (рис. 3.-II). Она была обнаружена в юго-восточном углу могильной ямы южнее ног погребенной в положении вверх дном, в слое чистой глины на 30 см выше скопления углей, зафиксированных на дне могилы у ног погребенной. Рядом обнаружено небольшое пятно, включающее комочки красной краски. Данные раскопок свидетельствуют, что курильница была поставлена в могилу в перевернутом виде после того, как дно могилы с основным погребением было засыпано глиной.

Курильница высечена из талькового камня, имеет близкую к цилиндрической форму с диаметром по венчику 9 см, у дна – 9,5 см, высотой 7 см; в верхней части стенки находится отверстие диаметром 0,9–1,1 см. Шикаевская курильница относится к типу цилиндрических, известных в погребальных комплексах сарматского и саргатского населения Южного Урала и прилегающих районов Западной Сибири в IV–II вв. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1964, с. 171, рис. 37.-26; Мошкова М.Г., 1963, с. 29, 30, табл. 11.-27–29; Могильников В.А., 1992, с. 304, 350, рис. 126.-46, 57; Матвеева Н.П., 1993, с. 114, 116, 153, 154, рис. 24.-24).

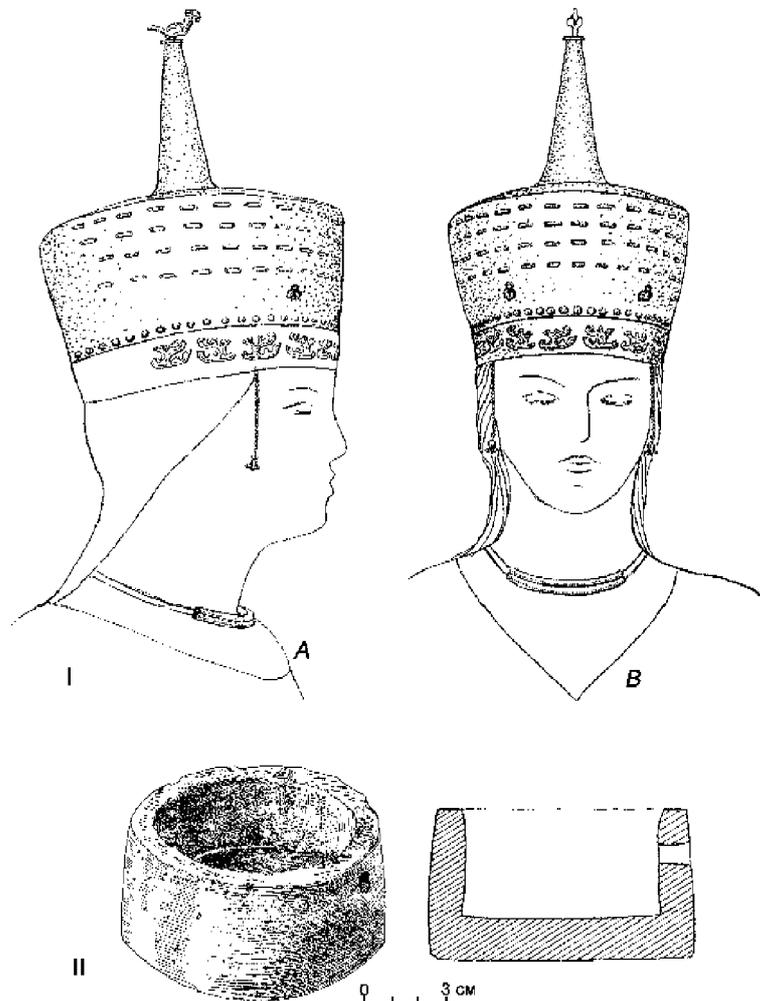

Рис. 3. Шикаевка, курган №4. Основное погребение.
I – реконструкция головного убора (выполнена Т.М. Потемкиной):
A – профиль, B – фас; II – каменная курильница

Интересно отметить, что в саргатских погребениях Притоболья почти во всех зафиксированных случаях курильницы находились в ногах погребенных (Матвеев А.В., Матвеева Н.П., 1991, с. 130; Матвеева Н.П., 1993, с. 46). Курильницы относятся всеми последователями к числу культовых предметов.

Устройство погребальных сооружений, обряд и инвентарь позволяют отнести погребения из центральной могилы кургана №4 Шикаевского могильника к первому этапу (V–III вв. до н.э.) саргатской культуры, в ареал которой входила территория Притоболья (Могильников В.А., 1992, с. 294–296, 299, 300; Матвеева Н.П., 1993, с. 134–136, 154). Одновременно в характеризующих курганный комплекс признаках четко просматривается культурное влияние западного и южного кочевого населения Урала и Казахстана – савромато-сармат и саков. Погребальный инвентарь захоронений верхнего и нижнего ярусов из центральной могилы по имеющимся аналогиям датируется в пределах одного хронологического периода – IV–III вв. до н.э.

К этому времени относится и *периферийное погребение* в 2 м к востоку от ямы 1. Могила овальной формы (2,2x1,9 м), глубиной 1,2 м, вытянута по линии Ю–С. Погребение ограблено, скелет потревожен, вероятно северная ориентировка. Инвентарь: глиняный сосуд-курильница с углями на дне, пряслище, две бронзовые бусины, обломки железного ножа, кусочки охры. По набору инвентаря можно предполагать женское захоронение (Потемкина Т.М., 1970, с. 76–80, рис. 33, 34, фото 74).

Стратиграфические наблюдения свидетельствуют, что все погребения в кургане №4 совершены в сравнительно небольшой промежуток времени, предшествующий сооружению насыпи кургана. Набор инвентаря из центрального погребения позволяет предполагать, что нижнее захоронение принадлежало богатой женщине, верхнее – мужчинам-воинам, периферийное – женщине, зависимой от погребенной в нижнем ярусе и сопровождавшей ее в кургане.

Реконструкция головного убора. Органическая основа головного убора не сохранилась. Но точная фиксация в процессе раскопок размещения золотых изделий, украшавших головной убор, позволила восстановить его форму и положение деталей декора. Всего на головном уборе обнаружены украшения трех видов: нашивные бляшки, подвески и наверхие в виде птицы.

Все *бляшки* (142 экз.) сделаны из тисненого на деревянной основе листового золота и представлены тремя типами с различными сюжетами.

Тип I (9 экз.) – бляшки в виде рогов оленя или лося, стоящих вертикально на горизонтальной полосе, концы которой загнуты вверх: один конец загнут выше и заострен, второй закруглен (рис. 2.-11–12). Пять бляшек имеют заостренные концы с левой стороны, четыре – с правой. Такая же ситуация с закругленными концами, но с противоположным значением. Нижний горизонтальный край и внешний изгиб рогов бляшек украшен косыми насечками. На каждой бляшке по краям имеется по шесть отверстий для пришивания; длина изделий – 3,2–3,4 см, высота – 2,2 см. Представляется, что бляшки являются стилизованным изображением оленя, где закругленный конец соответствует морде животного, а заостренный – копыту. Такая ассоциация напрашивается при сопоставлении шикаевских бляшек с изображением оленей на деревянной диадеме, покрытой золотой фольгой из пазырыкского кургана №1 могильника Ак-Алаха-5 (Полосьмак Н.В., 2001, с. 90, 154, 155, рис. 103). Определенная близость наблюдается не только в сюжете бляшек, но и в системе их парного расположения.

Все девять бляшек располагались в один ряд на расстоянии 2–3 мм на лобной доле черепа умершей, плотно прилегая к черепу. Бляшки были помещены рогами вверх и обращены поочередно одна к другой то тупыми, то острыми концами, образуя таким образом четыре пары (по две с каждой стороны лба). Одна бляшка с левой стороны (девятая) оставалась как бы вне системы этого единства противоположностей, но при соединении концов ряда этот парный ритм восстанавливался.

С учетом размеров бляшек и расстояния между ними длина ряда из парных стилизованных изображений оленей на лобной доле черепа должна была быть равна 31–32 см. Очевидно, данный тип бляшек был нашит на лобную повязку из кожи или войлока шириной около 3 см, учитывая высоту бляшек (рис. 3.-I).

Тип II – бляшки полусферической формы (51 экз.) диаметром 5–6 мм с двумя отверстиями с противоположных сторон (рис. 2.-9–10), располагались в один ряд на расстоянии 5–6 мм одна от другой, плотно опоясывая череп. Длина ряда в этом случае должна была составлять 55–56 см, что, вероятно, соответствовало размеру головного убора и может свидетельствовать о том, что полусферические бляшки были нашиты по нижнему его краю.

Тип III – бляшки прямоугольной формы (82 экз.) длиной 1,3–1,4 см, шириной 0,3–0,4 см, имеют по одному отверстию на торцевых концах (рис. 2.-6–8). Все бляшки этого типа покрыты чеканным узором в виде одного ряда из пяти косых насечек (19 экз.) или двух рядов косых насечек (63 экз.), образующих елочный узор, который может трактоваться так же, как изображение колоска злакового растения.

Все прямоугольные бляшки составляли верхний ярус узора головного убора. Прямоугольные бляшки лежали горизонтальными рядами, стройность которых в значительной степени была нарушена. Почти все бляшки размещались лицевой стороной вверх, что предполагает их расположение, преимущественно, на передней части убора. Хорошо сохранились ровный горизонтальный ряд из двадцати бляшек длиной 25 см по верхнему краю и часть нижнего ряда из пяти бляшек длиной 6 см, фиксирующего нижнюю границу узора, составленного из прямоугольных пластинок.

Между отмеченными крайними рядами намечается еще два горизонтальных ряда, состоящих из 18–20 пластинок. Следовательно, верхний ярус узора из прямоугольных бляшек с растительным орнаментом на передней части убора состоял из четырех горизонтальных рядов, общей шириной 10 см и длиной около 30 см. Полоса узора из прямоугольных пластинок шире ряда полусферических бляшек по нижнему краю убора на 3–4 см с каждой стороны, что предполагает расширение головного убора вверх (рис. 3.-I).

К головному убору были прикреплены две *подвески* в форме бутона трехлепесткового лотосовидного цветка с припаянной петелькой у основания; высота бутона – 0,9–1 см, ширина – 0,7–0,8 см, диаметр петельки 0,4–0,5 см (рис. 2.-9–10). Листики обрамляли витая проволока, прямоугольная в сечении. Из такой же витой проволоки в одном случае сделана петелька; в другом – из гладкой узкой полоски. Условия местонахождения подвесок в области лобной доли черепа предполагают, что они были симметрично прикреплены по отношению к центральной части убора на расстоянии 7–8 см одна от другой на пустой полосе выше ряда полусферических бляшек.

Под правым виском и у левой ключицы были обнаружены две височные подвески, состоящие из крючка в виде завитка высотой 2,2 см, шириной 1,5 см, изготовленного из серебряной проволоки; золотой цепочки сложного плетения длиной 7,5 см; схематизированного изображения цветка типа лилии или лотоса размером 1,5x1,1 см. Общая длина изделия – 11 см (рис. 2.-5). Вместе с серебряным крючком подвески, найденной у левой ключицы, сохранился маленький кусочек кожи, что дает возможность предполагать кожаную основу налобной повязки и, возможно, всего головного убора.

На расстоянии 18 см от теменной части черепа была обнаружена *золотая фигурка птицы-грифа*, под которой находился обломленный закругленный конец гладкой тонкой дощечки или пластины шириной 7 см. Птица лежала на правом боку с легким наклоном вперед и была обращена клювом в ту же сторону, что и лицевая часть черепа погребенной (рис. 1). Птица-гриф высотой 4,2 см, длиной 4,6 см изготовлена из золотой фольги, пустотелая внутри (рис. 2.-1). У грифа увеличена голова, особенно клюв с петелькой, спина выгнута, крылья сложены, хвост распущен. Изображение лап с когтями отсутствует, вместо них – подставка типа втулки диаметром 0,4 см, высотой 0,6 см, обрамленная по нижнему краю кольцевой пластиной диаметром 1,4 см с четырьмя отверстиями с противоположных сторон (рис. 2.-1).

Судя по следам пайки, изображение птицы было выполнено путем тиснения по частям, на четырех деревянных шаблонах: для двух половинок туловища с головой и половиной втулки; для распущенной части хвоста и кольцевой основы втулки. Впоследствии к клюву была припаяна петелька (Потемкина Т.М., 1969, табл. 31, 32).

Если исходить из наличия такой формообразующей детали фигуры птицы, как втулка, и остатков деревянной пластины или дощечки под ней, то есть все основания предполагать, что фигурка птицы-грифа была надета на деревянную палочку-стойку, крепившейся к дощечке. Это сооружение составляло основу каркаса навершия головного убора. Одновременно птица была для прочности пришита по кольцевому основанию втулки к войлоку или коже, которыми мог быть обернут деревянный каркас. У основания войлочная и кожаная часть навершия, вероятнее всего имевшего конусовидную форму, была пришита к верхнему покрытию головного убора в области макушки. Возможно, семь прямоугольных бляшек, зафиксированных в предполагаемой области крепления навершия к головному убору, были нашиты на переднюю часть навершия у его основания. Высота навершия составляла 12 см, вместе с птицей – 16 см, что соответствовало высоте самого головного убора с налобной повязкой (рис. 3.-I, А, В).

Правомерность подобной реконструкции навершия с птицей шикаевского головного убора может быть подкреплена материалами из пазырыкских курганов Алтая, где в «замерзших» могилах сохранились головные уборы и их детали. Особенно близкие ассоциации возникают при сравнении формы и деталей навершия головного убора-парики из погребения женщины-служителя культа в кургане №1 могильника Ак-Алаха-3. На макушку парики крепилось своеобразное навершие-символ «древа жизни», высокое сооружение из войлока, обтянутого черной тканью, на деревянном каркасе-палочке, в виде длинного лепестка. На него были нашиты 15 деревянных фигурок птиц, обклеенных золотой фольгой (Полосьмак Н.В., 1996, с. 158; 2001, с. 143–145, рис. 97, 98).

Таким образом, головной убор женщины из кургана №4 Шикаевского могильника состоял из трех частей: налобной повязки, кожаной или войлочной шапочки, навершия с изображением птицы (рис. 3.-I).

Шапка, вероятнее всего, была сделана из войлока, возможно обтянута кожей. Характер развала головного убора с нашитыми на него бляшками, которые несут признаки формы убора, свидетельствует о том, что шапка имела расширяющуюся сверху форму с плоским верхом типа скифского калафа. Нижний диаметр шапки – 18 см (обхват головы 55–56 см), верхний – 24–25 см, высота 12–13 см. Вероятнее всего, шапка держалась за счет деревянной основы, что хорошо фиксируется нижним рядом полусферических бляшек и остатками дерева от каркаса навершия. Вместе с навершием высота головного убора составляла 28–29 см, с налобной повязкой – 31–32 см.

Головной убор в основном был украшен только в передней его части с заходом на бока. Отсутствие бляшек на затылочной части может быть объяснено тем, что сзади было прикреплено покрывало, как это известно в скифских женских головных уборах, или на затылочник, как на головном уборе богини из культовой сцены, изображенной на ковре из пятого Пазырыкского кургана (Артамонов М.И., 1973, с. 62–66, рис. 77). Головной убор богини – типа калафа, расширяющийся кверху, украшенный рядом треугольников по нижнему краю

Среди сюжетов головного убора присутствуют зооморфные (олень, птица), растительные (колоски злаковых, бутоны и цветы, близкие лилии или лотосу) и орнаментальные (круг). Все эти изображения в обязательном порядке и разных сочетаниях представлены на скифских головных уборах (Мирошина Т.В., 1980, с. 52, 53, табл. 3, 4; 1981, с. 67, 68). По стилистической трактовке зооморфные изображения шикаевского головного убора не находят прямых аналогий в скифо-сибирском зверином стиле, что может свидетельствовать о местных традициях в искусстве звериного стиля у саргатского населения.

Сюжеты изображений на украшениях шикаевского головного убора, вероятнее всего, были подобраны в соответствии с его знаковой функцией. Прежде всего это относится к изображениям грифа и оленей, которые входили в образную схему скифских головных уборов и всего скифского мира, являясь универсальными символами, маркирующими сакральный верх, солнце и Верхний мир. Размещение на головном уборе таких значимых символов, как птица и олень, означало его соотнесение с сакральным верхом. Тем самым как бы давалась исчерпывающая информация о самом человеке, которому этот головной убор принадлежал.

Головной убор из Шикаевки по всем основным признакам наиболее близок скифским калафам. Это сходство проявляется: в расширяющейся кверху форме убора, наличии таких его составных частей, как шапка и налобная повязка – метопида, размерах убора в целом и его составных частей, в присутствии височных подвесок, размещении украшений на передней части убора, их сюжетах и мотивах, связанных с солярной и небесной символикой. Время наибольшего распространения калафов – IV–III вв. до н.э. – полностью согласуется с датировкой инвентаря из основного погребения кургана №4 Шикаевского могильника (Мозолевский Б.Н., 1972, с. 299–301, 307; Мирошина Т.В., 1980, с. 30–45, 1981, с. 52, табл. 3, 4; Клочко Л.С., 1982, с. 119–127). Калафы относятся исследователями к числу ритуальных головных уборов.

Одновременно в шикаевском головном уборе присутствует такая значимая его составляющая часть, как навершие с птицей, аналогу которому известны в богатом женском захоронении из пазырыкского кургана №1 могильника Ак-Алаха-3 (Полосьмак Н.В., 1996, с. 157, 158, 166; 2001, с. 143–147). Головные уборы с навершием в виде птичьей головы или фигурки птицы, покрытых золотой фольгой, найдены в курганах Горного Алтая не только в женских, но мужских погребениях. Считается, что шапки с головой птицы или животного являются особенностью восточноиранских кочевых народов (Полосьмак Н.В., 2001, с. 155–161).

Следовательно, все основные, характеризующие шикаевской головной убор признаки позволяют считать его ритуальным. Ряд особенностей погребального обряда и инвентаря (угли, красная краска на дне могилы, курильница, необычное положение цветных стеклянных бус и др.) также может свидетельствовать о жреческих функциях, выполнявшихся погребенной женщиной при жизни.

Библиографический список

- Артамонов М.И. Сокровища саков. М., 1973. 280 с.: ил.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983. 389 с.: ил.
- Клочко Л.С. Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок // Древности степной скифии. Киев, 1982. С. 118–130.
- Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск, 1988. 240 с.: ил.
- Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Тютринский могильник // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень, 1991. С. 104–140.
- Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск, 1993. 175 с.: ил.
- Матвеева Н.П., Потемкина Т.М., Соловьев А.И. Некоторые проблемы реконструкции защитного вооружения носителей саргатской культуры (по материалам могильника Язев-3) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №4. С. 85–99.
- Мирошина Т.В. Некоторые типы скифских женских головных уборов IV–III вв. до н.э. // СА. 1981. №4. С. 46–69.
- Мирошина Т.В. Скифские калафы // СА. 1980. №1. С. 30–45.
- Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 292–311.
- Мозолевский Б.Н. Курган Толстая Могила близ г. Орджоникидзе на Украине // СА. 1972. №3. С. 268–308.
- Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. М., 1963. 56 с.: ил. (САИ. Вып. Д 1-10).
- Полосьмак Н.В. Погребение знатной пазырыкской женщины // Вестник древней истории. 1996. №4. С. 142–167.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001. 335 с.: ил.
- Потемкина Т.М. Отчет Курганского пединститута об археологических исследованиях на территории Курганской области в 1969 г. / Архив Института археологии РАН. Р-1. №3957, 3957а.
- Потемкина Т.М. Отчет Курганского пединститута об археологических исследованиях на территории Курганской области в 1970 году / Архив Института археологии РАН. 1970. Р-1. № 4189, 4189а.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964. 379 с.: ил.

А.П. Уманский, П.И. Шульга

*Барнаульский государственный педагогический университет, Барнаул;
Лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири
ИАЭт СО РАН и НИИ ГИ при АлтГУ, Барнаул*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ ИЗ НОВОТРОИЦКОГО НЕКРОПОЛЯ

По имеющимся данным вооружение воина каменной культуры 2-й половины VI–III вв. до н. э. состояло из железного кинжала, дополнявшегося или заменявшегося железным чеканом, лука без роговых накладок и колчана с бронзовыми, железными и роговыми (костяными) наконечниками стрел. Единичными находками представлены копия (Могильников В.А., 1997, с. 52–53). Наличие мечей остается под вопросом. Вероятно, они использовались, на что косвенно указывают случайные находки мечей на равнине Алтая, но в комплексах отсутствуют. Единственный «меч» из кургана №15 Новотроицкого-1 (Могильников В.А., 1997, рис. 37.-1) оказался результатом неудачной реконструкции из перекрестия кинжала (рис. 3.-3) и, по всей видимости, корродированных железных поясных пластин, осмотреть которые вторично не удалось. Из защитного снаряжения достоверно установлено наличие боевых поясов с крупными железными пластинами размерами до 13,5x8 и 16x6,5 см (рис. 6.-4; 7). Вполне вероятно использование панцирных доспехов из роговых пластин (Горбунов В.В., 1999). Наличие поручей и поножей пока достоверно не устанавливается. Остатков щитов не известно, за исключением, быть может, фрагмента из тонких палочек в могильнике Локоть-4а (Шульга П.И., 2003, с. 53). Информация об умбоне щита в Рогозихе-1 (см. Могильников В.А., 1997, с. 59) не верна, так как находка оказалась крупной железной ворворкой от колчана (Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И., 2005, рис. 28.-5).

Вопроса о вооружении воинов каменной культуры касались многие исследователи. Наиболее детально оно рассматривалось В.А. Могильниковым (1997) и Г.Е. Ивановым (1987, 1995). Однако это совсем не означает, что «комплекс вооружения и военное дело каменной культуры охарактеризованы достаточно полно» (Иванов Г.Е., 2005, с. 41). Отдавая должное указанным работам, отметим, что сделанные в них выводы не отражают реалий каменной культуры. Во-первых, исследователи, по большей части, исходили не из культурной, а территориальной локализации находок, значительная часть которых случайные. В результате как у сторонников выделения каменной культуры, так и у рассматривающих памятники VI–II вв. до н. э. на Верхней Оби в рамках большереченской культуры в одной сводке оказались самые разнообразные изделия с равнины Алтая. Во-вторых, основанием для датирования предметов вооружения на Алтае в данных работах, как правило, являются не вещевые комплексы, из которых они происходят, а далеко отстоящие территориально и хронологически аналогии. В случаях же привлечения вещевых комплексов пониманию реалий мешала ориентация на устаревшие датировки, а также традиционные положения о позднем распространении на равнине Алтая железных изделий, в том числе кольчатых ножей, наконечников стрел, кинжалов с прямыми перекрестиями и др. (см. Шульга П.И., 2003, 2004; Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И., 2005). Подавляющее количество памятников датировалось в рамках IV–II вв. до н.э., т.е. значительно позже, чем ранние пазырыкские, быстрианские и савроматские памятники. Соответственно, омолаживались и конкретные категории оружия, даже в случаях нахождения с ними ранних изделий. Ориентируясь на частично опубликованные материалы, содержавшие крайне малое количество вооружения, некоторые исследователи пришли к выводу и о неразвитости в каменной культуре военного дела.

Одной из основных причин неразрешенности вышеуказанных вопросов является недостаточно быстрое введение в оборот накопленных материалов. В последние годы в этом направлении авторами проделана определенная работа: опубликованы материалы

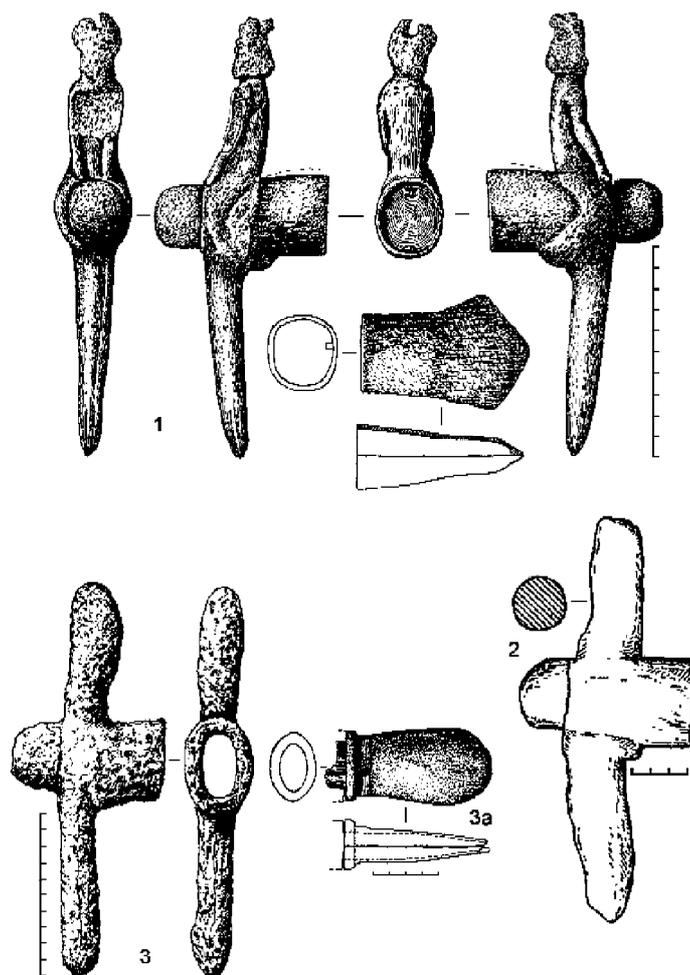

Рис. 1. Железные чеканы из Новотроицкого некрополя: 1 – чекан и вток из Н-2, к. 15, м. 3 после расчистки; 2 – чекан и вток из Н-2, к. 15, м. 3 до расчистки (по: Могильников В.А., Уманский А.П., 1995); 3, 3а – чекан и вток из Н-1, к. 15, м. 1 (рисунок чекана по: Могильников В.А., Уманский А.П., 1999а)

могильников Локоть-4а (Шульга П.И., 2003) и Рогозихи-1 (Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И., 2005), почти завершена обработка материалов из Камня-2 и Новотроицкого некрополя (совместно с В.А. Могильниковым), в которых в общей сложности исследовано около 550 погребений каменной культуры.

Особый интерес представляют материалы из преимущественно не потревоженных грабителями могильников Новотроицкое-1, 2 (Н-1, 2), откуда происходит самая крупная на Алтае коллекция настоящего полноразмерного боевого оружия: четыре чекана, одиннадцать кинжалов различной степени сохранности, наконечник железного копья, около 90 роговых, костяных, железных и бронзовых наконечников стрел, защитные поясные пластины. В связи с задержкой издания новотроицких материалов авторы посчитали целесообразным и оправданным дать краткую характеристику всех найденных здесь чеканов и кинжалов с целью их скорейшего введения в оборот, в том числе опубликованных ранее с большими неточностями по предварительным полевым зарисовкам (см. Могильников В.А.,

1997; Могильников В.А., Уманский А.П., 1999а–б). В течение зимы 2004/05 г. были осмотрены, расчищены, реконструированы и зарисованы все вещи из хранящейся в БГПУ коллекции. Из вооружения не удалось найти и осмотреть только чекан, части кинжала и защитные поясные (?) пластины из кургана №15 Н-1 (Могильников В.А., Уманский А.П., 1999а), а также кинжал из кургана №2 Н-2, который публикуется по рисунку В.А. Могильникова (рис. 3.-4; Могильников В.А., 1997, рис. 40.-7). Следует отметить, что выявленные на чеканах зооморфные и антропоморфные изображения могут быть немного (к.15, м. 3, Н-2) или существенно (к. 18, м. 9, Н-2) дополнены в ходе химической очистки, а также применения других специальных методик. В дополнительной обработке нуждаются и некоторые другие железные изделия из Новотроицка, например, защитные поясные пластины (рис. 7) и рукояти ножей, на которых прослеживаются остатки орнаментов.

Чеканы. На могильниках Новотроицкое-1 и 2 обнаружено четыре железных чекана.

Самой примечательной находкой является чекан из кургана №15 (м. 3) могильника Н-2 (рис. 1.-1, 2; 5). Первоначально представлял собой сильно корродированное изделие

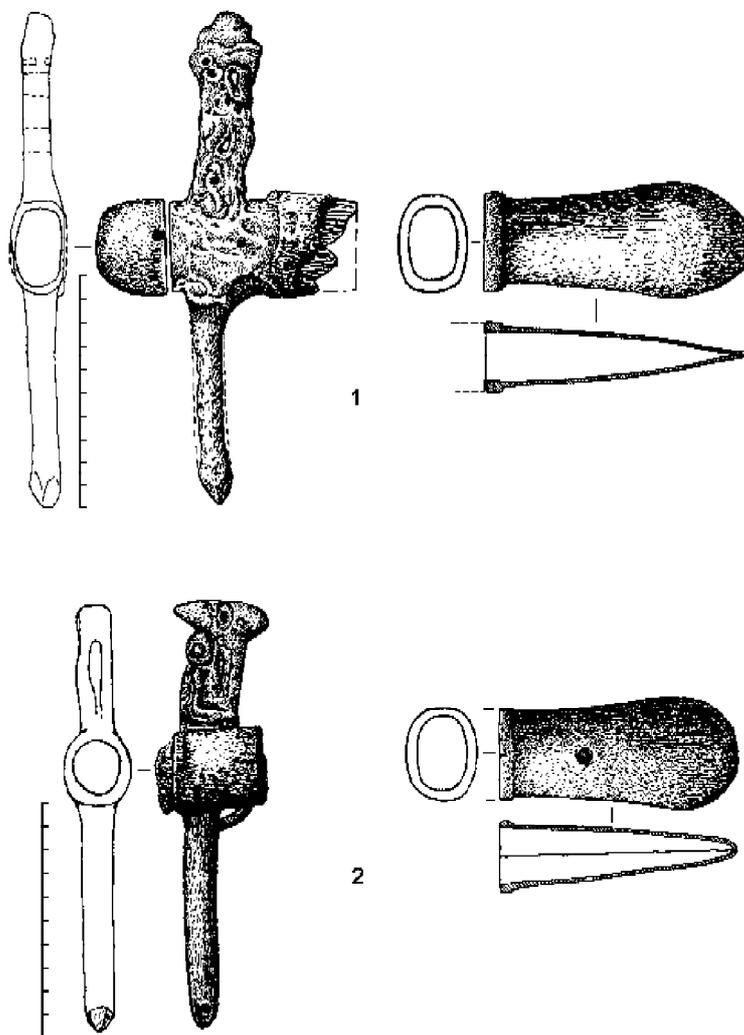

Рис. 2. Железные чеканы из Новотроицкого некрополя:
1 – чекан и вток из Н-2, к. 18, м. 2; 2 – чекан и вток из Н-2, к. 18, м. 9

с несколько изогнутым, округлым в сечении обушком (рис. 1.-2). В ходе расчистки установлено, что обушок являлся скульптурным изображением сидящего на втулке «всадника». Стопы ног «всадника» в месте соединения втулки и бойка образовывали характерный выступ, где у ранних экземпляров часто располагается головка хищной птицы или палочка. Хорошо сохранились шея и туловище с как бы держащими поводья руками. Голова «всадника» завершается «рогами», но в этом месте металл сохранился плохо, лопнул и разошелся в стороны, как случается у заколок с железными шаровидными навершиями. По указанной причине нельзя определить, была ли это голова человека в головном уборе или какого-то рогатого антропоморфного существа. Длина чекана 21 см, втулки – 6 см. Выступающий из втулки конец рукояти прикрывался железным колпачком, а на противоположный конец надевался железный приостренный «митровидный» вток.

Судя по рисункам, аналогичную изогнутую форму имел и обушок железного втульчатого чекана длиной около 21 см с колпачком и втком из кургана №15 (м. 1) Н-1 (рис. 1.-3). Не исключено, что и там обушок был в виде антропоморфной фигурки. К сожалению,

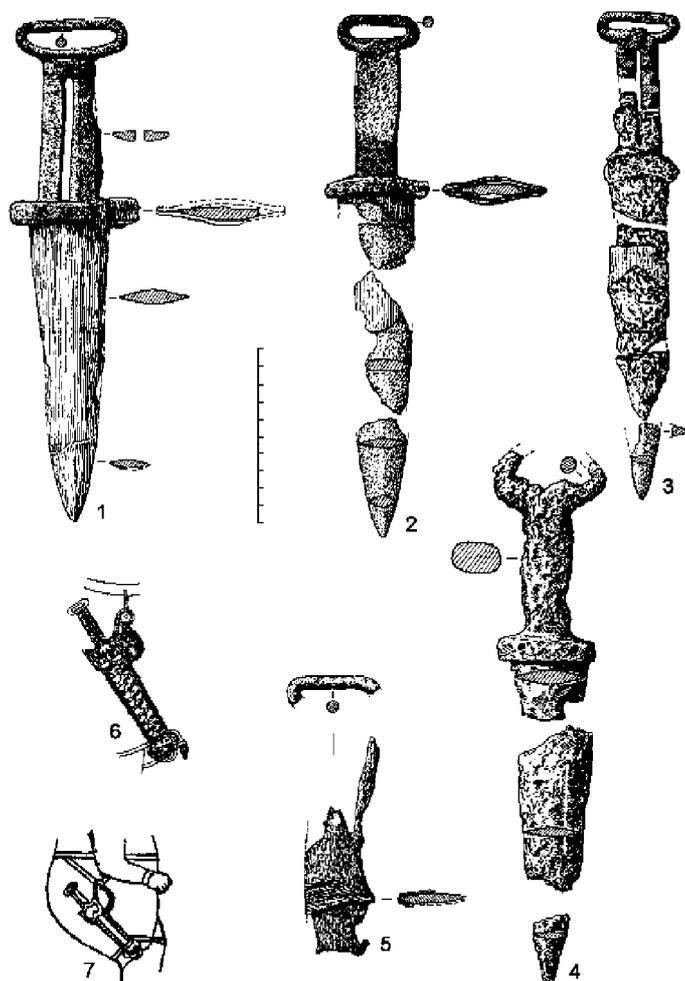

Рис. 3. Железные кинжалы из Новотроицкого некрополя: 1 – Н-2, к. 23, м. 5; 2 – Н-2, к.10, м. 3; 3 – Н-1, к. 15, м. 1 (реконструкция); 4 – Н-2, к. 2, м. 9 (по: Могильников В.А., 1997); 5 – Н-1, к. 20, м. 1; 6, 7 – изображения кинжалов в ножнах из Персеполя и Эребуни, V в. до н.э. (по: Литвинский Б.А., 2001)

в фондах БГПУ сохранился лишь вток (рис. 1.-3а), а чекан с колпачком, предположительно, был вывезен в свое время В.А. Могильниковым в Москву на обработку.

Втульчатые чеканы из кургана №18 (м. 2 и 9) могильника Н-2 имели зооморфные уплощенные обушки. Длина чекана из могилы 2 составляла 21 см, втулки – около 8 см. Концы рукояти также прикрывались колпачком и втоком (рис. 2.-1). Поверхностный слой почти не сохранился, но по левой стороне чекана частично восстанавливается сложная композиция, покрывавшая с двух сторон втулку и несколько изогнутый обушок. Навершие обушка, по всей видимости, представляло собой обращенную вверх голову кошачьего хищника. К ней примыкала обращенная в противоположную сторону голова похожего на верблюда существа, пасть которого образована оконтуренной валиком сквозной прорезью. Со стороны втулки навстречу «верблюду», очевидно, размещалась головка хищной птицы с характерной оконтуренной валиком сквозной прорезью клюва. Возможно, к ней же относится и расположенный ближе к втулке «глаз». Всего на обушке две сквозных прорези для подвешивания – характерная черта ранних тагарских чеканов. От изображений на втулке сохранились лишь слабо выраженные рельефные понижения и валики. Боек на конце имеет четыре грани. Значительно лучше сохранился чекан длиной 18,3 см с втоком из могилы 9 (рис. 2.-2). Механическая очистка поверхности позволила выявить лишь наиболее рельефные изображения на левой стороне обушка, образованного, по всей видимости, двумя сваренными по краям пластинами (или одной загнутой?). Пластины не соприкасаются между собой, а потому в обушке имеется полость. Центральное место с обеих сторон обушка занимает головка хищной птицы с крупным выпуклым глазом и круто загибающимся у втулки клювом. Навершие обушка, по-видимому, оформлено одной или двумя противопоставленными головками существ, к которым относится расположенное по центру овальное ухо (?). Между втулкой и бойком имеется петелька. Боек на конце приостроен на четыре грани.

Кинжалы. Найдены остатки одиннадцати железных экземпляров. Сохранность их не всегда удовлетворительная, но форма наверший и перекрестий устанавливается почти везде. По форме наверший кинжалы подразделяются на четыре отдела: с овально-кольчатый навершием (рис. 3.-1–5), с рожковидным навершием (рис. 4.-3), с навершием, сочетающим черты рожковидного и «грифового» (рис. 4.-1), с брусковидным навершием (рис. 4.-4) и с плохо сохранившимся дисковидным навершием (рис. 4.-5). Перекрестия также сильно варьируют, но явно преобладают бабочковидные (три кинжала) и дуговидные (четыре кинжала). Остальные занимают промежуточное положение: перекрестие у кинжала из кургана №23 Н-2 ближе к бабочковидному (рис. 3.-1); у перекрестия из кургана №10 Н-2 одно крыло дуговидное, а другое ближе к бабочковидному (рис. 3.-2). Достоверных прямых перекрестий не зафиксировано, хотя нельзя исключить их присутствие на двух плохо сохранившихся кинжалах (рис. 3.-5; 4.-6). Явной взаимосвязи между формами наверший и перекрестий нет, за исключением, быть может, двух кинжалов (рис. 4.-1, 2) с ярко выраженными бабочковидными перекрестиями (кинжал из кургана №7 Н-2, вероятно, также имел близкое рожковидному навершие). У трех кинжалов овально-кольчатые навершия сочетаются с прорезной рукоятью. Прорезные рукояти имеются еще у двух кинжалов, в том числе с овальным брусковидным навершием (рис. 4.-4). У двух кинжалов под навершиями прослежены рельефные обоймочки (рис. 3.-1; 4.-1).

Все клинки кинжалов подромбические или овальные в сечении без выступающего продольного ребра. Перекрестия образованы двумя тонкими наложенными на клинок и сваренными пластинами. Длина кинжалов составляет 27–29 см, ширина клинка у перекрестия – около 3,5–4 см. Не определяется лишь длина клинка из кургана №15 Н-1, поскольку фрагменты кинжала («меча»), за исключением навершия (ранее трактовалось как перекрестие кинжала; см. Могильников В.А., Уманский А.П., 1999а, рис. 3.-16) и острия, осмотреть не удалось. Рукояти кинжалов оборачивались шерстяной тканью. Почти везде фиксируются остатки деревянных ножен, в нескольких случаях покрывавшихся кожей.

Датировка. Вопрос о датировке рассмотренных чеканов и кинжалов на данном этапе изучения каменной культуры имеет особое значение, поскольку, несмотря на удревнение значительной части каменных комплексов (см. Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И.,

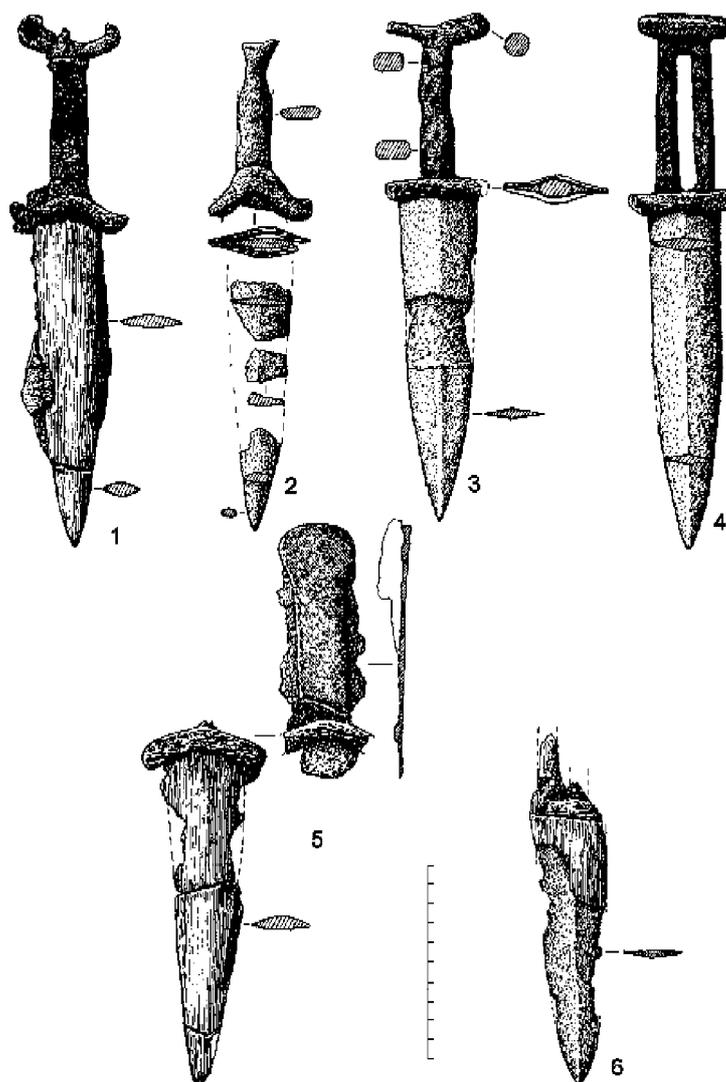

Рис. 4. Железные кинжалы из Новотроицкого некрополя:
1 – Н-2, к. 5, м. 3; 2 – Н-2, к. 7, м. 6; 3 – Н-1, к. 5, м. 5; 4 – Н-2, к. 16, м. 2;
5 – Н-2, к. 26, м. 5; 6 – Н-2, к. 20, м. 1

2005), представления о формах, времени существования и эволюции чеканов и кинжалов каменной культуры после работы В.А. Могильникова 1997 г. не пересматривались. Очевидно, что решение этой задачи невозможно без глубокого комплексного анализа всех имеющихся материалов каменной культуры, взвешенного сопоставления их с другими культурами Сибири, Урала и Казахстана. Вместе с тем, вполне реально выделить их в Новотроицком комплексе с чеканами и кинжалами, достаточно надежно датирующихся 2-й половиной VI–V вв. до н.э. Для этого кратко рассмотрим четыре наиболее представительных вещевых комплекса, из которых происходят три чекана и два кинжала. Значительная часть помещенных в таблицы изделий в той или иной степени рассматривалась авторами в вышеуказанных работах, в частности, посвященных могильникам Локоть-4а и Rogozixa-1, а потому ограничимся суммарными характеристиками и выводами.

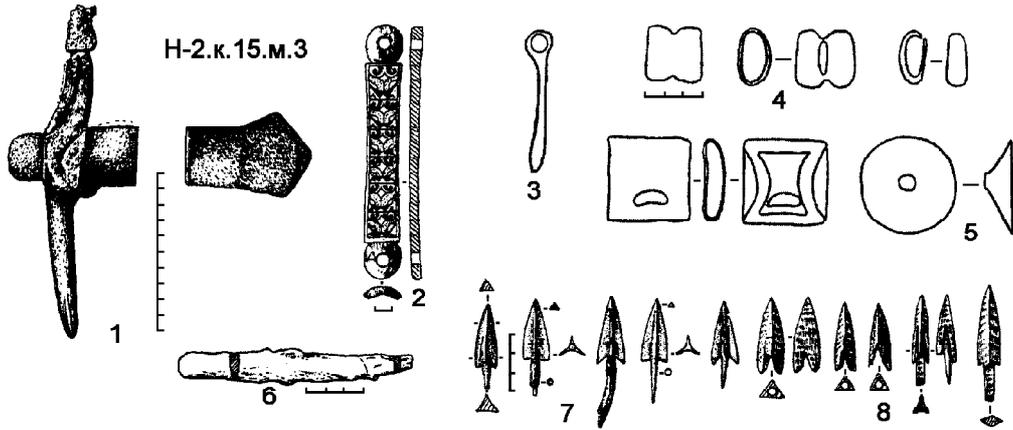

Рис. 5. Вещевой комплекс из Н-2, к. 15, м. 3. Железо – 1, 6; бронза – 3, 5, 7; кость (рог) – 2, 8. 2 (по: Могильников В.А, 1997); 3–6 – полевые зарисовки В.А. Могильникова

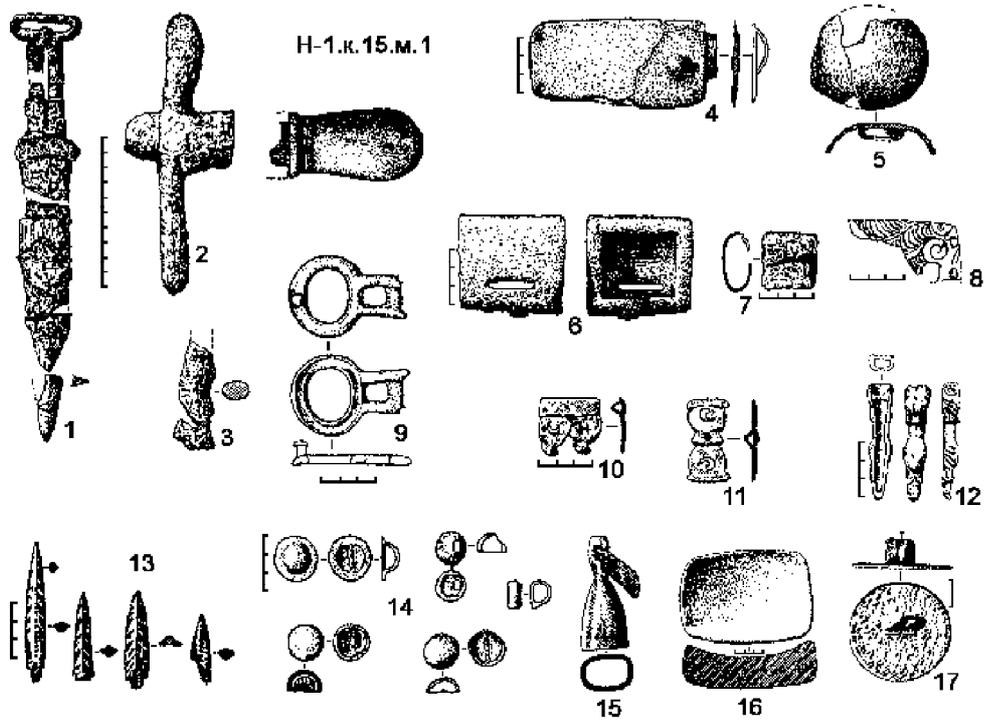

Рис. 6. Вещевой комплекс из Н-1, к. 15, м. 1. Железо – 1–7; бронза – 8–12, 14, 15, 17; кость (рог) – 13; камень – 16 (3, 7, 10, 11, 15–17 – по: Могильников В.А., Уманский А.П., 1999а)

Комплекс из кургана №15 (м. 1) могильника Новотроицкое-1 (рис. 6). Помимо железных втульчатого чекана и кинжала с дуговидным перекрестием и овально-кольчатый навершием, здесь обнаружен богатый поясной набор, в состав которого входили предназначенные для подвешивания тяжелых предметов железная прорезная обойма и орнаментированная бронзовая прорезная пластина (рис. 6.-6, 8), оформленные в виде головок стилизованных грифонов шесть «сбруйных» и одна бабочковидная бляхи (рис. 6.-10, 11), 2–3 железные защитные пластины (осмотрена и очищена одна, рис. 6.-4), бронзовые поясная пряжка-застежка (рис. 6.-9), а также полушарные бляшки, ворворка и полукруглая пронизка (рис. 6.-14). К поясу подвешивались железный колчаный крюк и бронзовый костылек с условно переданной сценой преследования кабана кошачьим хищником (рис. 6.-3, 12). Подобные наборы или отдельные предметы встречаются преимущественно в комплексах середины-второй половины VI в. до н.э. В это же время бытуют массивные бронзовые зеркала и колокольчиковидные подвески (рис. 6.-15, 17). Часть отмеченных изделий может встречаться и в 1-й половине V в. до н. э., а потому весь комплекс предварительно может датироваться в рамках 2-й половины VI – 1-й половины V вв. до н.э.

Комплекс из кургана №15 (м. 3) могильника Новотроицкое-2 (рис. 5). Помимо железного втульчатого чекана, здесь также найден поясной набор 2-й половины VI – начала V в. до н.э. с бронзовыми прорезной обоймой и массивными полукруглыми пронизками (рис. 5.-4). К поясу подвешивался бронзовый костылек и колчан с ранней массивной ворворкой (рис. 5.-3, 5). Бронзовые черешковые трехгранный и трехлопастные наконечники стрел (рис. 5.-7) характерны для V в. до н.э., но встречаются и в более ранних наборах. Роговые наконечники представленных в захоронении типов (рис. 5.-8) пока не имеют узкой датировки (см.: Шульга П.И., 2003, с. 54–57).

Комплексы из курганов №18 (м. 9) и 5 (м. 3) могильника Новотроицкое-2 (рис. 7; 8). В обоих захоронениях с чеканом и кинжалом найдены датировавшиеся ранее с IV–III вв. до н.э. железные ножи с кольчатым навершием и черешковые трехлопастные наконечники стрел. В действительности же, железные ножи с кольчатым навершием, видоизменяясь, существуют на Алтае уже с раннескифского времени (Шульга П.И., 2003, 2004, 2005). Место указанных ножей в хронологической колонке еще предстоит уточнить. Датировка железных наконечников на Алтае еще недостаточно определена, но, судя по материалам могильников Локоть-4а и Новотроицкое-1, 2 они довольно часто встречаются в богатых наборах V в. до н.э. Что же касается специфичного железного втульчатого трехгранного наконечника из кургана №5 могильника Новотроицкое-2 (рис. 8.-9), то подобный в Южном Приуралье датирован концом VI – началом V в. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1961, рис. 22.-11). На раннем этапе каменной культуры бытуют сохраняющиеся со скифского времени оселки, не позже 1-й половины V в. до н. э. датируются комплексы с бронзовыми распределителями (рис. 7.-8).

Итак, из рассмотренных вещевых комплексов три могут быть датированы в рамках 2-й половины VI – 1-й половины V вв. до н.э., а захоронение в кургане №5 (м. 3) могильника Новотроицкое-2 – примерно V в. до н.э. Другие погребения с оружием пока следует датировать в более широких рамках – с VI по IV вв. до н.э. включительно. Анализ форм вооружения и представленных на чеканах изображений не противоречит выводам о появлении некоторых из рассматриваемых предметов вооружения из Новотроицкого уже в VI в. до н.э. Ранними чертами является петелька между втулкой и бойком у чекана из кургана №18 (м. 9) могильника Новотроицкое-2, а также сквозные прорезы в обушке второго чекана из этого же кургана (рис. 2). Подобные новотроицким кинжалы с бабочковидными и дуговидными перекрестиями обычно датируют V–IV вв. до н.э., хотя в свете новых данных их хронология и эволюция нуждаются в уточнении. Автоматический перенос на Южную Сибирь и Казахстан разработанной полвека назад К.Ф. Смирновым по материалам Южного Приуралья и Нижнего Поволжья классификации и хронологии оружия все чаще приводит к противоречиям. Не останавливаясь на этом сложнейшем вопросе, обратим внимание лишь на неоднократно отмечавшийся факт существования кинжалов с овально-кольчатыми навершиями к югу от Алтая уже в VI–V вв. до н.э. в Южном Приуралье (Кадыр-

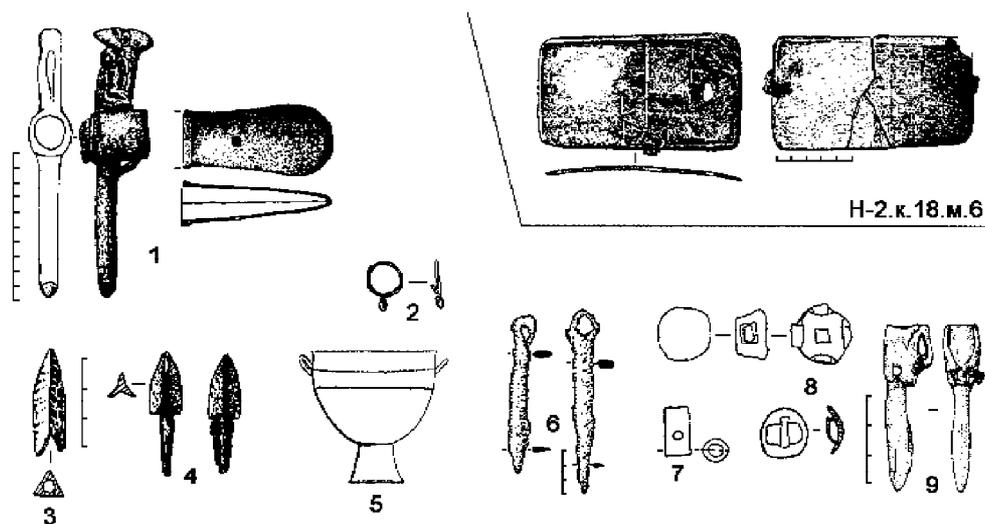

Рис. 7. Вещевой комплекс из H-2, к. 18, м. 9 и железные поясные защитные пластины из H-2, к. 18, м. 6. Золото – 2; железо – 1, 4, 6; бронза – 5, 8, 9; кость (рог) – 3, 7. (5–8 – по: Могильников В.А., Уманский А.П., 1999б)

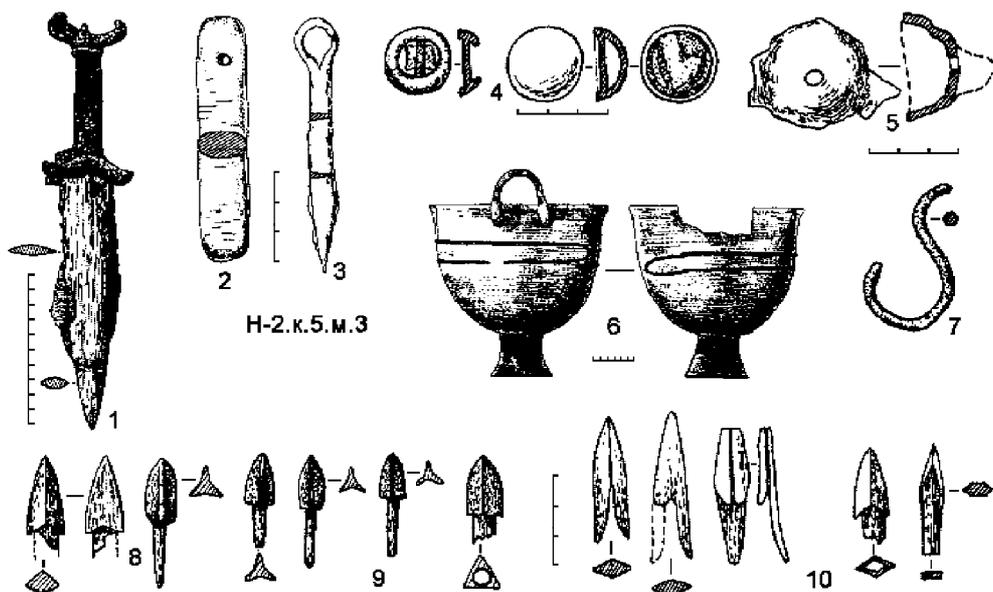

Рис. 8. Вещевой комплекс из H-2, к. 5, м. 3. Железо – 1, 3, 5, 7, 9; бронза – 4, 6; кость (рог) – 8, 10; камень – 2. (2–7, 10 – по: Могильников В.А., Уманский А.П., 1999б)

баев М.К., Курманкулов Ж.К., 1976, рис. 4.-1) и в Передней Азии (рис. 3.-6, 7). Происхождение и развитие каменной культуры неразрывно связано с сакским миром, а потому имеются веские основания предполагать синхронное существование некоторых типов кинжалов (в том числе с овально-кольчатыми навершиями) на юге и Верхнем Приобье.

По прочтении раздела может создаться впечатление, что авторы уделяют чрезмерное внимание ранним аналогиям и не рассматривают поздние, в результате чего верхняя граница существования части публикуемых кинжалов остается довольно расплывчатой и неопределенной. Объясняется это тем, что на Алтае и прилегающих территориях достаточно хорошо прослеживаются последовательно сменяющие друг друга с VII по V вв. до н.э. вещевые комплексы, трансформация погребальной обрядности и звериного стиля. Но в более поздних комплексах (авторы придерживаются традиционных датировок; см. Руденко С.И., 1960; Марсадолов Л.С., 1996 и др.) надежных хронологических индикаторов пока нет. В захоронениях с IV в. до н.э. на равнине и в горах Алтая встречается довольно однородный аморфный инвентарь, который, зачастую, может быть с одинаковым основанием отнесен как к началу, так и к концу завершающего периода. Как образно отметил Л.С. Марсадолов (1996, с. 47), «...конец IV–III века до н.э. – это один из самых «темных» периодов...», имея в виду не только Восточную Европу, но и Алтай. Авторы обобщающего исследования по Средней Катуне также отмечают расплывчатость критериев выделения позднепазырыкских комплексов, относя почти все изученные там курганы (около 200) к VI–IV вв. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, с. 119–121; Степанова Н.Ф., 2005, с. 209–210). Парадоксально, но на данном этапе исследования и в каменных материалах, традиционно датируемых в рамках 2-й половины I тыс. до н.э. и последними веками до н.э., мы не можем найти достаточно надежных поздних хронологических индикаторов. Как отмечалось выше, ни железные кольчатые ножи, ни железные и роговые зажимные наконечники стрел не являются основанием для уверенного датирования III–II вв. до н.э. За исключением кратко опубликованных материалов Быстровки-3 (Дураков И.А., Мжельская Т.В., 1995) и некоторых других, в каменных (как и в пазырыкских) комплексах практически не встречается изделий гунно-сарматского времени. Следует отметить, что в одинаковых с каменскими «по инвентарю, и по основным чертам погребального обряда» позднестароалейских памятниках конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. (Фролов Я.В., 2001, с. 154; 2004) также нет существенных отличий от аморфных комплексов IV–III вв. до н.э.

В заключение остановимся на неоднократно высказывавшемся тезисе о низком уровне милитаризации каменного общества, основанном на сравнительно редких случаях нахождения вооружения в захоронениях. На многих могильниках редки даже наиболее часто встречающиеся роговые (костяные) наконечники стрел. Действительно, в 105 погребениях почти полностью исследованного могильника Рогозиха-1 (Уманский А.П., 1992; Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И., 2005) обнаружены один целый чекан и обломок от второго, плохо идентифицируемые обломки одного или двух кинжалов и два роговых наконечника стрел. Похожая картина и в большинстве других каменных могильников, и объяснить ее только результатом ограблений (ограблению, действительно, подвергались наиболее богатые, содержащие оружие комплексы) нельзя. Вместе с тем в Локте-4а предметы вооружения найдены в 13 захоронениях из 38 могил, т.е. в каждом третьем (Шульга П.И., 2003, с. 53). При этом, в отличие от Быстровского некрополя, где находят преимущественно роговые (костяные) наконечники стрел (Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994; и др.), в Локте-4а представлены кинжалы (в семи захоронениях), обломки чекана (в одном захоронении), колчаные крюки (в восьми захоронениях), бронзовые и железные наконечники (Шульга П.И., 2003, рис. 48). Очевидно, дело не в том, что «рогозихинцы» почти не имели вооружения, а «локтевцы» и оставившее новотроицкие могильники население были хорошо вооружены и вели постоянные военные действия. Такая прямолинейная интерпретация археологических материалов обычно заводит в тупик. Объяснение видится в локальных особенностях погребального обряда на Алтае, согласно которому боевое оружие обычно помещали только избранным. Аналогичным образом в каменной культуре относились и к редко помещаемым в захоронения сбруйным наборам (Уманский А.П., Шам-

шин А.Б., Шульга П.И., 2005), но едва ли кто возьмется утверждать, что у скотоводов остепненного Обь-Иртышского междуречья не было лошадей и сбруйной фурнитуры.

В подавляющем большинстве случаев вместо настоящего оружия в захоронения помещались его символы. На Алтае наиболее универсальным, заменявшим весь набор оружия, символом были наконечники стрел (обычно от одного до десяти). Специфику размещения оружия в каменных захоронениях позволяет понять сопоставление с синхронной пазырыкской культурой. Можно утверждать, что отношение к настоящему боевому оружию в погребальном обряде на равнине и в горах Алтая было одинаковым, хотя на первый взгляд в пазырыкской культуре оружие (включая кинжалы и чеканы) представлено в значительно большем количестве. В действительности же почти все они являются уменьшенными и миниатюрными копиями из бронзы (иногда дерева и других материалов). Уже на раннепазырыкском этапе практически все настоящие кинжалы и чеканы изготавливались из железа, но встречаются они также редко (см. Кубарев В.Д., 1981, 1987, 1991, 1992; Суразаков А.С., 1989, с. 40, 52; и др.). Особенность каменского обряда лишь в том, что условность распространялась только на изготавливавшиеся из рога и кости наконечники стрел. По имеющимся данным, обычай «каменцев» не предусматривал помещения с умершим копий оружия. Единственное известное авторам исключение представляют символические роговые уменьшенные модели ножен из Рогозихи-1 (Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И., 2005). Остальное оружие (кинжалы, чеканы, наконечники копий) уже на раннем этапе было настоящим и изготавливалось из железа. Доля железных наконечников стрел, очевидно, была также очень высока, хотя продолжали использовать и бронзовые. Важно подчеркнуть, что наиболее богатые оружейные комплексы, включающие железные кинжал, чекан и наконечники стрел, зачастую встречаются с оснащенными защитными пластинами поясными наборами и деталями сбруи. Все они, как правило, относятся к раннекаменскому этапу (2-я половина VI – 1-я половина V вв. до н. э.). Было бы логично ожидать их концентрацию на остепненной территории левобережья Оби, где происходило формирование культуры. Но это не так. Наиболее представительные комплексы происходят из залесенных правобережья (Новотроицкое-1 и 2, Раздумье-6) и северной окраины ареала культуры (Новый Шарап-1). В северной части находится и Камень-2. Очевидно, и на юге ареала будут найдены не менее богатые воинские наборы. Пока же следует признать, что на неблагоприятной для скотоводов (особенно в зимнее время) северной территории внезапно (в отличие от юга переход от раннескифского времени здесь не фиксируется, поскольку раннескифских захоронений просто нет) появляется большое количество могильников с захоронениями по каменскому обряду с богатым инвентарем, включающим индийские зеркала и превосходное, несомненно ценное вооружение типа новотроицких чеканов. Все это несколько противоречит принятой авторами точке зрения на происхождение и этапы развития каменской культуры и требует особого рассмотрения.

Так или иначе, находки в Новотроицком некрополе представительного оружейного комплекса, включающего замечательные железные чеканы с зооморфными и антропоморфным обушками еще раз показывают (см. Шульга П.И., 2003; Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И., 2005), что каменская культура уже на раннем этапе своего развития являлась не периферией и «отстойником» для вытесняемых на север кочевников, а непосредственно связанной с сакским миром, одной из наиболее мощных в Сибири образований с богатой культурой. Имеются основания считать ее передаточным звеном для меридиональных и широтных контактов в восточной части Евразии, нашедших отражение в погребальном обряде, инвентаре, вооружении (Могильников В.А., 1997, с. 35–60) и своеобразном зверином стиле (Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И., 2005). В связи с этим несомненный интерес представляют тагарские параллели публикуемым чеканам, очевидно как-то связанным с обнаруженными в Новотроицком некрополе коллективными захоронениями, близкими курганам тисульского этапа лесостепной тагарской культуры (Мартьянов А.И., 1979, с. 78). Полная публикация новотроицких материалов позволит, на наш взгляд, по достоинству оценить значение этого памятника, претендующего стать опорным не только для каменской культуры, но и прилегающих территорий.

Библиографический список

- Горбунов В.В. Панцири раннего железного века на Алтае // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 47–55.
- Дураков И.А., Мжельская Т.В. Исследования могильника Быстровка-3 // 75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею. Новосибирск, 1995. С. 47–65.
- Иванов Г.Е. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 6–27.
- Иванов Г.Е. Вооружение и военное дело населения лесостепного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы – раннем железном веке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1995. 28 с.
- Иванов Г.Е. О некоторых дискуссионных проблемах в изучении военного дела каменной культуры Алтая // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005. С. 41–46.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 137–156.
- Киришин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул, 2004. 282 с.: ил.
- Кубарев В.Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 29–54.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 299 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 190 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 220 с.
- Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. 528 с.: ил.
- Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996. 100 с.
- Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. 208 с.
- Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 196 с.
- Могильников В.А., Уманский А.П. Два зеркала из Новотроицких курганов // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995. С. 19–31.
- Могильников В.А., Уманский А.П. Новотроицкое I, курган 15 и хронология некоторых категорий вещей Южной Сибири середины – третьей четверти I тысячелетия до н. э. // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999а. С. 91–110.
- Могильников В.А., Уманский А.П. Бронзовые котлы из новотроицких курганов // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999б. С. 111–130.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 350 с., ил.
- Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. 162 с. (МИА. №101.)
- Степанова Н.Ф. О хронологических группах погребальных комплексов скифского времени на Средней Катунь // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-географической конференции. Томск, 2005. С. 208–210.
- Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989. 216 с.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.
- Уманский А.П. Рогозихинские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 году // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 51–59, 186–194.
- Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул, 2005. 204 с.
- Уманский А.П., Шульга П.И. Два погребения с восточными зеркалами из Алтайского края // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999. С. 43–81.

Фролов Я.В. Староалейская культура (по данным погребальной обрядности) // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул, 2001. С. 149–155.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 23 с.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003. 204 с., ил.

Шульга П.И. Датировка ранних памятников каменной культуры // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 236–246.

Шульга П.И. О происхождении и раннем этапе развития каменной культуры скифского времени на Верхней Оби // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005. С. 108–110.

В.Е. Ларичев

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

**ВООРУЖЕНИЕ И ЗАЩИТНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ
ПЕРСОНАЖЕЙ ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА ТАГАРСКОЙ ЭПОХИ
(по материалам наскальных изображений Северной Хакасии)***

Вводные замечания. Тагарская культура достигла наивысшего уровня развития к последней трети I тыс. до н.э. Подтверждают это, в частности, разнообразные памятники, открытые на севере Хакасии, в бассейне Двуречья – в долинах Белого и Черного Июса предгорий Кузнецкого Алатау. К ним относятся обширные могильные поля, монументальные святилища (протохрамы) с наскальными изображениями, а также астропункты и астросвятилища – религиозные, культово-обрядовые и протонаучные центры жречества. Детальное изучение их в течение десятилетий привело к выводу о том, что общество финального этапа существования тагарской культуры представляло собой *некое подобие государственного образования, которое начало обретать статус кочевой державы*. Ведь создать столь величественные протохрамы и грандиозные, опоясанные валами астросвятилища, в пределах которых размещалась сложная сеть пунктов наблюдения за светилами, могло лишь высоко социально организованное, с определенным образом централизованной властью сообщество, достаточно богатое людскими, экономическими и духовно-интеллектуальными ресурсами.

Постановка проблемы. Завершающий этап развития тагарской культуры трагичен. Она погибла на рубеже веков под напором полчищ центральноазиатских кочевников, ядро которых составляли хунну. Возникает вопрос – почему не устояла от евразийского масштаба напасти одна из самых блестящих культур Саяно-Алтайской горной страны и ее степного и таежного обрамления? Почему не смогли отразить вторжения те, кто стал наследниками эффективных культур эпохи бронзы юга Сибири? Ведь именно тагарская и родственные ей культуры Южного Урала и Средней Азии составляли авангардный бастион, который прикрывал весь евразийский степной пояс от первого нашествия центральноазиатских кочевников. И дай они им отпор, как удалось сделать это циньскому Китаю, то ход истории здесь, в зоне станового хребта культур раннего железного века Евразии, развернулся бы иначе.

История, однако, проигрывает свои действия и акты лишь в одном варианте и потому рассмотрим два фактора, которые наряду с другими, не менее важными, определили в конечном счете реальный ход событий:

– состояние военного дела в «тагарском» обществе накануне национальной катастрофы;

– религиозные и духовно-нравственные установки представителей элиты его, в первую очередь ответственной за трагедию.

*Поиск поддержан РФФИ (проект №02-06-80094) и включен в программу фундаментальных исследований Президиума Российской Академии наук.

Источники. При отсутствии письменных документов воспользуемся (оставив в стороне вещественное) информацией, которую предоставляют о том и другом весьма своеобразные, чисто археологического разряда источники, насыщенные не менее значимой информацией, чем сведения, сокрытые в бумагах архивных папок, отраженные на страницах летописных хроник и в донесениях военных лазутчиков. В культурном наследии «тагарцев» долины Белого Июса к этим специфического вида источникам относятся:

– уникальные, сюжетно-повествовательного типа многофигурные композиции, выбитые на каменных плоскостях протохрамов; в них нашли живое в образности и действиях отображение хода военных столкновений с использованием классического для тагарской культуры набора оружия нападения и защитного снаряжения; они позволяют уловить тактические приемы ведения боя, установить варианты драматических ситуаций, в которых оказывались враждующие стороны, выявить намеки на правила ведения поединков и групповых военных действий, а также определиться с аспектом сакральной роли оружия;

– скульптурные и прочего вида структуры протохрамов, астросвятилищ и астропунктов, позволяющие оценить идеологические и мировоззренческие установки «тагарцев»; они, думаю, не в меньшей степени, чем совершенство оружия и доблесть воинов, призваны были обеспечивать устойчивость функционирования общества и безопасность сограждан при возникновении внешних и внутренних угроз.

Подходы к раскрытию темы. Программа исследования. Виды оружия и защитного снаряжения персонажей героического эпоса «тагарцев», запечатленные в рисунках на скалах, интересны не только сами по себе. Орудия нападения и средства защиты, включенные как особо важные детали в сюжетного плана композиции, позволяют представить воочию контексты реальных событий использования того и другого. Возможно, происходило то при соблюдении определенных канонов и правил. Если так, то можно ли восстановить их на основании идеологических и мировоззренческих установок, которые нашли отражение в сакрального характера памятниках, открытых в долине Белого Июса?

Представляю материалы для размышлений на эти и сопряженные им темы.

Единоборство с великаном. Воспевание проявлений отчаянной храбрости в случаях, когда следовало бы поостеречься (в виду очевидного превосходства противника, а значит, и обреченности на гибель), относится к одному из самых популярных мотивов героического эпоса. Он нашел отражение в многофигурной композиции, изображающей ключевой момент в нелегкой судьбе героя, который несмотря на мальчишеский возраст и слабую вооруженность, обратил в бегство великана, владельца лука, кинжала, и обладателя неодолимой, кажется, физической мощи (рис. 1). Видимо, эпизод этот воспринимался «тагарцами» образцом поведения, достойного подражания.

Рис. 1. Богатырский подвиг

Оружие в ритуале инвеституры. Подвиги героя эпоса приводят, в конечном счете, к самой значимой оценке его деяний во благо общества – богатыря возводят в ранг вождя. Уникальная композиция, запечатленная на одной из центральных плоскостей восточного протохрама Четвертого Сундука, позволяет представить в деталях это торжественное событие (см. рис. 2). Оно свершалось, надо полагать, по строго разработанному ритуалу, в котором принимали участие *высоко социально значимые фигуры сообщества*. Ведущую роль играл, судя по всему, почтенного возраста персонаж (старейшина?), перед коим засыл в подчеркнуто почтительной позе юный герой. Чуть в отдалении, на втором плане «картины», представлена сцена жертвоприношения: шаман (жрец?), стоящий на «ездовом животном» (медведь?), варит в котле мясо жертвенного животного (баран?), шкура которого и *кинжал заклания* размещаются поблизости, не оставляя сомнений относительно сюжетной канвы происходящего. Два персонажа представляют «Мир инобытия» – гигантское скелетообразное существо с огромным фаллосом, стоящий позади бородатого старца (дух-предок?), и с пунктирным телом и рогатой головой змий (дракон?), заглядывающий в котел.

Рис. 2. Инвеститура. Возведение в ранг героя – вручение оружия

Смысл происходящего раскрывают детали изображений старца и героя: первый держит в левой руке *лук*, в правой – *кинжал*, подмышкой, видимо, *колчан* (подпрямоугольный выступ за спиной), а второй уже принял в поднятые руки предмет, по всей видимости, шлем с плюмажем. *Оружие здесь выступает в качестве высочайшей значимости инсигний обретения богатырем наивысшего в обществе социального статуса* – почитаемого всеми руководителя его. Подтверждают реальность такого мнения и старец, *вручающий набор оружия и воинского снаряжения*, и шаман, который свершает жертвоприношения богам и сопричастным ритуальному событию людям, и предок, восставший из гробницы, и почти незримые духи, возможно, олицетворенные в змие первозданные божества. *Оружие*, переданное герою, относилось, видимо, к разряду *не обыденного, а богатырского*. С ним он, узаконенный богами, духами и высокочтимыми людьми вождь, обретал непобедимость и мог устрашать врага до начала сражения. Если же оно оказывалось неминуемым, то богатырь мог вести как *противоборство с ним лицом к лицу*, пуская в ход *кинжал*, так и бой на расстоянии, осыпая противника *стрелами из лука*.

Поединок с превосходящим по численности врагом. Многофигурная композиция протохрама юго-восточной окраины Четвертого Сундука позволяет представить драматическую коллизию сражения вооруженного луком героя с тремя противниками

(рис. 3). Голова его защищена шлемом с плюмажем, на поясе привязан колчан. Тетива круто изогнутого лука, натянута до предела и, судя по согнутой в локте правой руке, готова через мгновение выбросить стрелу в единственного из оставшихся в живых врага. В левой руке героя зажата запасная стрела, которую он готов пустить в ход в случае промаха.

Рис. 3. Неравный поединок

В отличие от всех трех противников, *спину героя не прикрывает щит* и, значит, он вел бой не совершая маневра для зарядки лука, когда приходилось, теряя время, оборачиваться лицом в противоположную от врага сторону. Это обстоятельство ускоряло стрельбу и позволяло выбирать мгновения, когда противник, разворачиваясь в его сторону, на мгновения становился уязвимым. Четыре стрелы в телах и щитах уже выведенных из строя противников (они падают на землю) и две стрелы в щите того, кто все еще продолжал поединок, демонстрируют поразительную скорострельность героя и точность его стрельбы в решающие секунды сражения.

Разбойный набег. Жизнь обитателей степей раннего железного века едва ли когда отличалась стабильным спокойствием. Она, видимо, проходила, большей частью, в обстановке тревожных ожиданий невзгод, которые постоянно преподносила кочевникам непредсказуемая Природа, то лишая стада их «травы и воды», то выкашивая животных и людей эпидемиями. И все же ни с чем не сравнимые бедствия определял «человеческий фактор» – внезапный вооруженный набег людей, обуянных жадной захвата чужого имущества и земельных угодий. Грабительские вторжения чужаков превращались в катастрофу с невосполнимыми потерями.

Этот фактор стал, наверное, определяющим накануне гунно-сарматской эпохи. Эпосное панно одного из протохрамов Пятого Сундука представляет картину опустошительного нападения на стойбище и противостояние ему (рис. 4). Группа вооруженных воинов угоняет стадо животных, среди которых изображены тучный бык, козел, собака и бараны. Все это свершается столь масштабно и шумно, что среди панически бегущих домашних особей оказываются дикие – лань и дрофа. Обречена на гибель женщина, судя по всему – жрица. Беда застала ее в момент свершения обряда (около нее располагается алтарь и, по-видимому, курильница).

Рис. 4. Разбойный набег

Разбойникам противостоят воины левой части композиции. Трое из них вооружены луками, а один – кельтом. В картине представлен момент, предшествующий началу сражения (исход его остается за рамками изображенного). Ясно лишь, что побоище предстоит бескомпромиссное и кровавое, на что намекает лодка с перевозчиком. Он, возможно, изготовился переправить души павших в сражении через Реку забвения в Страну инобытия.

Едва ли смысл композиции заключался в простом иллюстрировании факта разбойного нападения. Сцена призвана была, по-видимому, осудить такого рода действия, недостойные цивилизованных отношений между людьми, а если уж случалось подобное бедствие, то воспеть славу тем, кто давал отпор попирающим правила добрососедства.

Единоборство с фантастического облика существом. Герой богатырских сказаний противостоял злу во всех его обликах в том числе и особо опасных, вследствие неуязвимости, – *неземного вида*. На рисунке 5 (Пятый Сундук) представлена композиция борьбы *воина со шлемом на голове* с неким персонажем, идентифицировать которого трудно вследствие стиля его изображения (разреженная выбивка, призванная, видимо, отразить *призрачность тела*). Но когтистость двух верхних конечностей этого существа позволяет высказать предположение, что воину противостоит драконообразное существо. Колчан на поясе свидетельствует о том, что герой имел на вооружении лук, но, наверное, обстоятельства вынудили его вступить в прямое единоборство, для которого требовалась недюжая физическая сила и мастерское владение *оружием ближнего боя – кинжалом*. В отставленной назад, согнутой в локте правой руке и зажат он, изготовленный для нанесения решающего удара (характер выбивки не позволяет точно описать кинжал). Воин удерживает противника левой рукой, сжав ладонью шею его. Победный исход единоборства не вызывает сомнений.

Жертвы коварства. Эпосные сказы о богатырских подвигах включают в себя не только победоносные, но и, в согласии с законами жанра, трагические эпизоды. Они становились порой следствием осуществления героем особо дерзких предприятий. Одно из них отображено в многофигурной композиции протохрама восточного склона Четвертого Сундука (рис. 6). Идея этой картины сводится, думаю, к следующему: главный персонаж героического повествования непобедим в коллизиях честного (без скрытых подвохов) про-

Рис. 5. Противоборство с драконом (?)

Рис. 6. Гибель героя, попавшего в засаду

Рис. 7. Внезапное нападение

тивоборства. Он, однако, становится беспомощным, когда враг злобно коварен и не считает себя обязанным соблюдать правила благородного, на равных условиях, поединка. Засада – один из приемов, который воспринимался, видимо, непозволительным в среде аристократического ранга воинства, в коем культивировалось открытое обращение к врагу до начала похода, сродное знаменитому старославянскому богатырей русичей – «Иду на вы».

Как раз такой сюжет и представлен на одной из плоскостей протохрама: эпосный герой, вооруженный луком и булавой, с колчаном и, возможно, кинжалом на поясе, со шлемом на голове, в рыцарского вида рукавицах и, быть может, облаченный в защитные доспехи, отправился зимой в сопровождении сотоварища, богов и духов в неведомую страну – судя по всему, на самый край света, на Север, в заснеженные дебри тайги (герой и два других персонажа картины передвигаются на лыжах – курьезная для степных конных витязей деталь снаряжения!). Столкновение с противником произошло, судя по всему, внезапно, на марше, и началось оно с выстрела из укрытия – воин, присевший на колени (фигура в правом нижнем углу картины), уже выпустил одну стрелу, которая смертельно ранила героя (он заваливается назад), а вторую вставил в лук, чтобы продолжить стрельбу в случае необходимости. В правой же руке враг зажал кинжал, намереваясь прикончить чужестранца. И ни стрельба из лука сотоварища героя, ни борения благих богов с непонятного обличья существами, видимо, воплощениями сил тьмы и зла, не могут предотвратить трагической развязки боя из засады. Таким оказался финал похода, предпринятого, наверное, ради поиска достойного противника тому, кому не было равных в пределах границ родных земель и ближайшей округи.

Другой вариант коварства представлен на рисунке 7. Внезапно атакованный герой успевает лишь подняться на колени. Опираясь на стрелу, он отбивается кинжалом от наседающих с двух сторон врагов карикатурного обличья.

Противление Злу. Вся жизнь героя эпоса проходит в непрерывной череде противоборств. Но они не прекращаются и после смерти, когда он, в согласии с религиозно-мифологическими представлениями «тагарцев», погружается в мир мрака Преисподней, а затем и в бескрайности Верхнего мира. Богатырь и в тех пространствах – отчаянно храбрый воитель, он и там умеет постоять за себя и проявить способность одоления препятствий, которые создают ему взвездные духи и боги при попытках освободиться от оков инобытия.

Среди эпизодов противоборств в Мире ином, представленных в чередующихся композициях нижней зоны протохрама восточного склона Четвертого Сундука, в одной из картин (см. рис. 8) изображено сражение

Рис. 8. Сражение в Преисподней

героя с атакующим его монстрами (фигуры их художник исполнил разреженной выбивкой, что придало им прозрачность, а с нею и неопределенность обликов, сложных для идентификаций). Богатырь, возможно, уже поразил несколько чудищ и, оставив их за спиной, вновь занял боевую стойку: оттянул тетиву лука, чтобы выпустить стрелу в нечто, только ему видимое. Примечательно, что лук у воителя фрагментарен – *он сломан* (у него отсутствует верхняя часть). Лук обретает полную невидимость в эпизоде выхода героя из Преисподней после преодоления всех ее препятствий, когда он вновь обретает земной облик (рис. 9).

Но богатырь, оказавшись в просторах «Верхнего мира», не обретает покоя и снова затевает сражения. Он поражает стрелами антропоморфного обличья небожителей (рис. 10).

Сакральная охота. В пределах небольшого святилища, открытого около вершины Четвертого Сундука, на скальной плоскости выбита всего лишь одна композиция – лань и преследующий ее воин на лыжах (рис. 11). Он вооружен луком, на поясе висит колчан и, возможно, длинный кинжал. Запасная стрела вложена в левую руку героя, а вторая, предназначенная для выстрела, находилась, видимо, в правой (выбивка не сохранилась – следствие сильной эрозии песчаника). Оба персонажа картины изображены в энергичном движении. Воин перемещается опираясь на палку с кольцом на конце (!).

Та и другая фигура – каноничные в тагарском искусстве Сундуков (они – действующие персонажи в композициях еще двух святилищ). Поэтому можно предположить, что сцена эта представляет собой не банальный случай обыденной охоты, а особой важности эпизод из эпико-мифологического сказания, близкого по содержанию повествованиям, связанным с космического ранга событиями (символическое отражение важных календарно-астрономических перемен), с родословностью (идея о предке зооморфного обличья, вроде знаменитой оленухе чингизидов) и представлениями о душе (дух отошедшего в Мир иной обретает при выходе из тела облик изначального предка).

Идеологические и мировоззренческие установки «тагарцев» на этапе становления кочевой державы. Насколько можно судить по материалам изучения протохрамов и святилищ, открытых в районе Сундуков, «тагарское» жречество во всей своей деятельности руководствовалось постулатами зервано-зороастризма, истоки которых восходят,

Рис. 9. Выходящий из Преисподней

Рис. 10. Сражение с небожителями

Рис. 11. Сакральная охота

судя по всему, к предшествующим этапам развития культур палеометалла Саяно-Алтайской горной страны и ее степного обрамления. Они формировались в недрах астрального характера религии с ее фундаментальной установкой всеохватывающего противоборства в Природе сил Света и Тьмы, Добра и Зла, сущностно олицетворенных в богах высшего ранга.

Такого же рода противоборство определяет подоплеку главных событий в жизни как всего сообщества в целом, так и отдельных членов его. Представленные выше эпизоды из «тагарского» героического эпоса наглядно подтверждают сказанное: богатырь, защитник народа и кочевий его, от начала до конца земного бытия неустанно борется с врагами, живыми воплощениями Зла. Он не находит успокоения и после смерти, когда оказывается в Мире инобытия. Эпический герой и здесь преподает сородичам уроки достойного поведения. Протохрамы с выбитыми на каменных плоскостях композициями из полной подвигами жизни богатыря были, надо полагать, теми сакральными местами, где жрецы вели кропотливую работу по формированию должных нравственных установок у каждого из соплеменников. Храбрый воитель, беззаветный, до самопожертвования, защитник интересов своего народа, – таким виделся тот, кому следовало подражать.

Гибель зарождающейся державы. Реальные события, связанные с последствиями хуннского нашествия, продемонстрировали недостаточность предпринятых усилий по превентивной подготовке к отражению врага. Главная, видимо, причина поражения «тагарцев» заключалась не в том, что оружие их и защитное снаряжение было несовершенным, а боевой дух воинов невысок, а в том, что хунну вторглись в пределы Хакасско-Минусинской котловины в самый неподходящий момент – когда становление державы «тагарцев» только лишь началось и до нужного единения воинских сил отдельных регионов было далеко (а только оно могло быть фактором спасения). Быть может, негативно сказалось также неумеренное увлечение элиты «тагарского» общества – жречества, далекими от практических нужд тревожного времени теологическими и протонаучными разысканиями, как и усиленным осуждением воинских набегов.

Э.Б. Вадецкая

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

МАСКИ-УРНЫ

(по материалам склепа Белый Яр-III)

Введение. Согласно исследованиям таштыкских масок-бюстов, последние служили гипсовыми облицовками кожано-травяных имитаций головы человека. Среди остатков этих болванок имеются не только обломки масок и под ними сожженные косточки человека, но иногда обугленная трава, фрагменты кожи или ткани от мешочков либо фрагменты

прошитой или свернутой бересты от туесков. В одном случае сохранилась плетенка из соломки (Вадецкая Э.Б., 1999, с. 226, 253–259). Понимание единства скульптуры не только с сожженными косточками, но и с тем, во что они помещались, происходит постепенно. В частности, поскольку маски закрывают с объема головы куклы, я предполагала, что туесок или мешочек с пеплом человека помещали в уже готовую голову через ее затылочную часть (Вадецкая Э.Б., 2004а, с. 318–319). Однако анализ материалов из склепа Белый Яр дал более точное представление о способе изготовления голов кукол. Как выяснилось, процесс изготовления формы шел в обратном порядке. Сначала туесок или мешочек с пеплом плотно обматывали травой, затем обкладывали листьями и стягивали куском кожи. На одной стороне свертка изображали детали лица и позже лепили маску. По отпечаткам на внутренней стороне масок можно реконструировать детали лица формы – головы куклы, а по размеру туеска определить объем косточек, которые брали от сожженного трупа. Все перечисленное – технология формы, ее вид и остатки кремации излагаются в данной работе.

Особенности исследования склепа. Склеп раскопан в 1991 г. А.И. Поселяниным. Сооружен в насыпе тагарского кургана в 4,3 км к ЮВ от пос. Белый Яр, в междуречье Абакана и Енисея. Относится к третьему варианту склепов – по конструкции самых сложных и единообразных (Вадецкая Э.Б., 1999, с. 85–87). Его общие размеры 56 кв.м (8x7 м), а погребальной камеры 30 кв.м (5,7x5,8 м). Она состояла из котлована, обставленного окутанными берестой бревнами (диаметром 15–50 см), сохранившимися на высоту 70–80 см, и вплотную к ним сложенной клетки в 3–4 венца бревен (диаметр 25–40 см), сохранившейся на высоту 70 см. В промежутках между бревнами на каждой стороне поставлены по 2–3 чурки высотой 30 см и плиты. Первоначальная высота сооружения не установлена. С крыши на остатки обуглившейся клетки свалились большое бревно-перекладина и поверх него 14–16 бревен (диаметр 25–45 см), покрытых тремя слоями бересты. В разных местах дна, но преимущественно вдоль восточной стенки имелись основания столбиков предположительно от полатей.

Кучки сожженных косточек расчищались по двум условным горизонтам: на уровне полатей и под ними. Вверху зафиксированы 38 кучек, внизу 35, что предполагает захоронение 73 человек и не соответствует количеству собранных масок, которых около 60, включая мелкие обломки. Между тем количество масок, как правило, точнее фиксирует число погребенных, чем условно выделяемые кучки косточек (Вадецкая Э.Б., Гавриленко Л.С., 2002, с. 217). В связи с этим обращают внимание малые размеры кучек косточек, особенно в верхнем ряду (50 гр. и 100–180 гр.), где с ними не было масок, что не исключает их случайный характер (высыпались из разных упаковок), поскольку в основном обломки масок лежали вплотную к кучкам или частично закрывали их. Без учета самых мелких кучек костей количество кремированных покойников, находящихся в склепе, практически совпадает с числом масок. Две маски из склепа Белый Яр-III восстановлены полностью и 15 склеены на четверть или половину. Все они относятся к маскам-бюстам. К моменту раскопки пепел из большинства бюстов высыпался, но в двух сохранился наполовину, а в третьей остался полностью и был обернут в траву.

С разрешения А.И. Поселянина все маски и их обломки зарисованы, сделаны серии комплексных анализов, касающихся природного состава гипса и теста, из которого лепили маски, технологии самой лепки, качества используемых красителей, состава растительного материала и отпечатков под микроскопом на внутренней стороне масок. Химические анализы выполнены сотрудником отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа Л.С. Гавриленко, а ботанические – сотрудником того же отдела М.И. Колосовой. Некоторые из полученных анализов использованы в данной статье. Позже, по моей просьбе, А.И. Поселянин взвесил сохранившиеся у него 36 кучек косточек и прислал некоторые мне вместе с травой и кусочком бересты из одной маски. Это позволило мне измерить косточки и, предварительно взвесив, помещать то или иное их количество в туески разных размеров, чтобы определить соотношение объема костей с размерами туесков. Приношу благодарность А.И. Поселянину как за представленные для исследования материалы, так и за оказанную мне помощь.

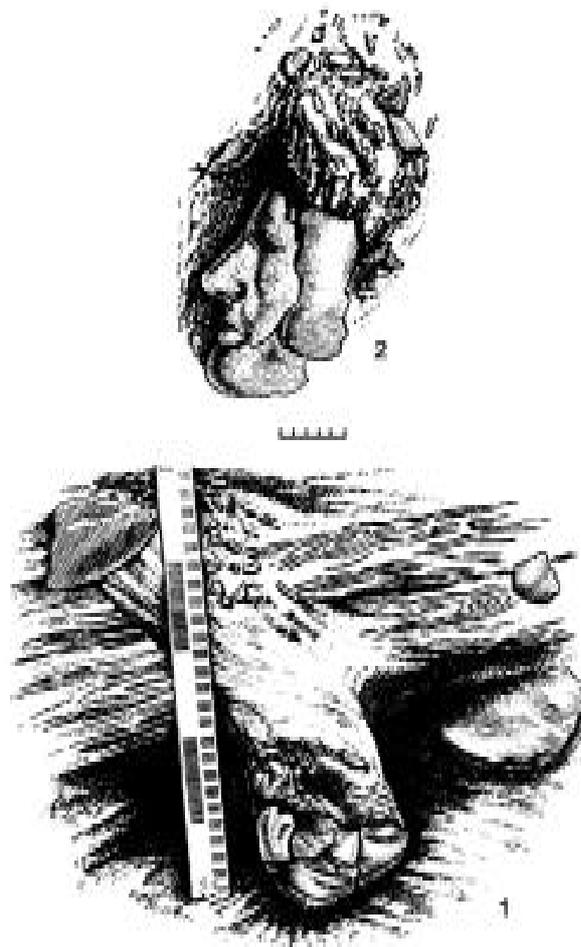
В каждой кучке оказались косточки преимущественно длиной 1,2–2 и 2,5–3 см. В меньшем количестве среди них имеются длиной до 4–6 см. Так выглядят остатки от кремации того времени – пепел человека. Он мельче, чем остатки так называемых трупосожжений в таштыкских грунтовых могилах, где косточки длиной до 4–6 и даже 8–10 см (Вадецкая Э.Б., 1999, с. 21), но крупнее пепла, собранного А.И. Поселяниным во впускной могиле склепа, половина которых были до 1 см длиной, а половина 2,5–3 см. Таким образом, со временем кремация покойников производилась тщательнее.

Маски с сохранившимся в них пеплом человека. Учитывая редкость масок, в которых зафиксированы сожженные косточки, я даю их полное описание и рисунки согласно положению их в склепе к моменту раскопки. Рисунки выполнены художником С.В. Горюнковым по полевым фотографиям, имеющимся в отчете о раскопках. Им же сделаны все для статьи реконструкции.

Голова в маске 25 была поставлена между венцами клетки как на полочке. Когда подождли склеп, кожано-травяная часть ее сгорела, а пепел вместе с маской начал сползать вниз. Этот процесс зафиксирован под рухнувшим с крыши камеры бревном, поднятым во время раскопок (табл. 1.-1). К этому времени верхняя часть маски (15x16x12 см,

Таблица 1

Положение в склепе маски 25 (1) и 45 (2)

с шейей 4,5x9 см)* была обломана, а внутренняя полость заполнена сожженными косточками и землей. Внешней особенностью лица является крупный нос с глубокими и четкими ноздрями. Маска вылеплена в три слоя, общей толщиной стенок в области лба 3–7 мм, в области щек – 8 мм. Поверхность сплошь окрашена киноварью, которая имеется и на внутренней стороне. Видимо, под маской было окрашено и кожаное лицо куклы. С тыльной стороны маски по всей поверхности отпечатки кожаной фактуры и четкий оттиск крупного шва по окружности лица на стыке его со скулами. Швы показывают, что кожа была скроена из двух кусков. На месте носа глубокая впадина, против левого глаза небольшой бугорок. Значит, кожаная голова имела крупный нос и замазанные гипсом глаза. Очевидно, шея была чем-то перевязана, поскольку, с ее обратной стороны имеются слабые отпечатки горизонтальных складок. На поверхности маски обнаружены частички древесины ивы неясного происхождения. Тесто для маски изготовлено из гипса с незначительным содержанием карбоната кальция, глинистых соединений со следами железистых соединений (3,3%), и песка (0,5%). Тесто твердое, пористое с отдельными частичками древесного угля, возможно, попавшими при сожжении склепа.

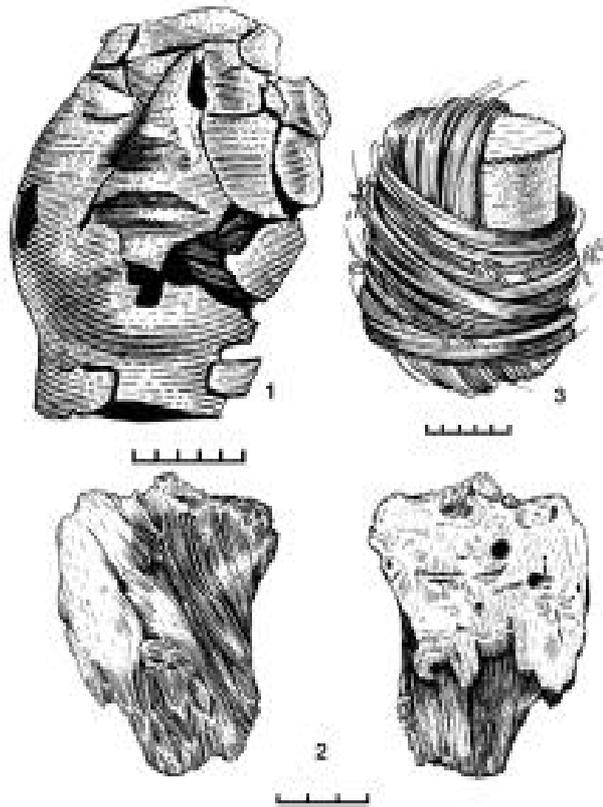
Маска 45 при сжигании мягкой основы упала на бок, пепел частично высыпался из отбившегося верхнего края, а частично сохранился вместе с землей во внутренней полости (табл. 1.-2). Маска (17x20x14 см, с шейей 3x9 см) вылеплена в 2–3 слоя, средней толщиной в 5–6 мм, по краям 3–4 мм, по середине 10 мм. Поверхность сплошь окрашена киноварью. Удалось восстановить только середину маски, а 19 фрагментов (края, левое ухо с частью лба и скулы) не подобраны. Согласно микроскопическому анализу, на внутренней стороне отпечатки грубых швов или складок грубого материала (кожи), а также отпечатки переплетений ткани. На месте глаз имеются гипсовые возвышения диаметром 2 см, в области бровей отпечаток горизонтального шнура, а в области левой части шеи мелких беспорядочных складок. Носовая впадина отсутствует. По совокупности этих сведений можно предполагать, что лицо куклы имело нарисованный нос и глубокие впадины глаз, которые при лепке маски были замазаны гипсом. Лепили маску, видимо, поверх покрывала из ткани. Тесто светло-коричневое, пористое, состоит из гипса, с небольшим количеством глинистых соединений, обогащенных соединениями железа (2,5%) и песка (0,4%).

Голова в маске 41 упала затылком, и маска (19x17 см) закрыла все содержимое, включая пепел. При расчистке обозначилась целая маска, с широкой шейей (табл. 2.-1). Но она тонкая и горелая, поэтому восстановлена частично, без края, левой части лба и шеи. Правый глаз отслоился, второй отмечен небольшой западиной. Маска вылеплена в три слоя общей толщиной лишь в 4–5 мм: нижний слой 1–2 мм, основной толщиной около 2 мм и отделочный, на поверхности которого сохранились остатки красной охры, толщиной до 1 мм. С обратной стороны имеется носовая впадина и отпечатки кожи. Гипс содержал минимальное количество примесей: глинистых соединений (2,8%) и песка (0,4%).

Сквозь трещины в маске просматривалась трава с пеплом. Складывалось впечатление, что кучка сожженных косточек была обмотана травой. Но позже выяснилось, что косточки были в туеске из грубо обработанной и не полностью очищенной бересты. Ко времени, когда трава и остатки туеска оказались в лаборатории Эрмитажа, от него остались часть стенки шириной 8 см и длиной 10 см, а также более 10 отколовшихся обломков размерами от 2x4 и 2x5 см до 4x3 и 5x3 см. Среди фрагментов древесины есть кусочек (с корой) ивы длиной 3,5 см и шириной 1,5 см. Туесок обмотан злаковыми растениями, среди которых определен тростник. Сохранился слой обгоревшей травы толщиной в 2 см, тщательно и плотно обмотавший туесок вдоль, найдены стебли, согнутые параллельно своему первоначальному направлению (табл. 2.-2). Но среди мелких фрагментов туеска имеются с травой, уложенной снизу вдоль, а сверху поперек бересты (табл. 2.-3). Поверх травы туесок заворачивали, видимо, несколькими слоями листьев, от которых один сохранился на поверхности травы, и кожей. О наличии последней свидетельствуют отпечатки с тыльной стороны маски, а также темно-коричневое смолоподобное вещество, имеющиеся в нескольких местах поверх травы. Анализ (инфракрасный спектор) показал, что источником этого вещества является горевшая в камере органика, в том числе кожа. Кроме

*Здесь и дальше измерения даны в следующем порядке: высота, ширина в фас и в профиль.

Маска 41 в момент раскопок (1); фрагмент туеска внутри маски, обмотанного травой (2); реконструкция туеска (3)

того, на обеих поверхностях туеска среди обуглившихся растений были нитевидные грифы грибов от разлагавшихся уже после сжигания склепа растений, которые производили впечатление волокон или шерсти. Изнутри стенки туеска в нескольких местах проедены насекомыми и в дырочках застряли кусочки мелких сожженных косточек. Остальные извлечены при раскопках.

Размер туеска по сохранившейся части высотой не более 12 см и диаметром 10 см, что подтверждается внутренним объемом маски (18x16 см) и толщиной обертки сгоревшей травы не менее 3 см, так как спрессованный слой горелой травы сохранился до 2 см, а были также листья и кожа, все толщиной минимум в 1 см (табл. 2.-3). В туесок такого размера помещается 480 гр. косточек-пепла из склепа. Согласно расчетам внутреннего объема двух других масок (для определения которого я учитывала со всех сторон толщину стенок) и толщине слоя травяной обмотки туеска (для определения которого я учитывала толщину в 3 см слоя с двух сторон), внутри их голов могли поместиться туески высотой 12 см при диаметре 9 см (маска 25) и, наоборот, высотой 9 см при диаметре 12 см (маска 45). В том случае, если обмотка туесков была толще, их размеры меньше.

Итак, основой болванки, на которой лепили маску, был туесок с пеплом, обмотанный травой, листьями и обтянутый либо обшитый кожей. Соответственно размеры болванок и вылепленных на них масок определялись объемом туеска с пеплом человека. Это объясняет наличие как небольших, так и очень крупных таштыкских масок.

Целые маски склепа. Ни одну из трех масок, где сохранился пепел, не удалось полностью реставрировать, поэтому для реконструкции первоначального вида голов ку-

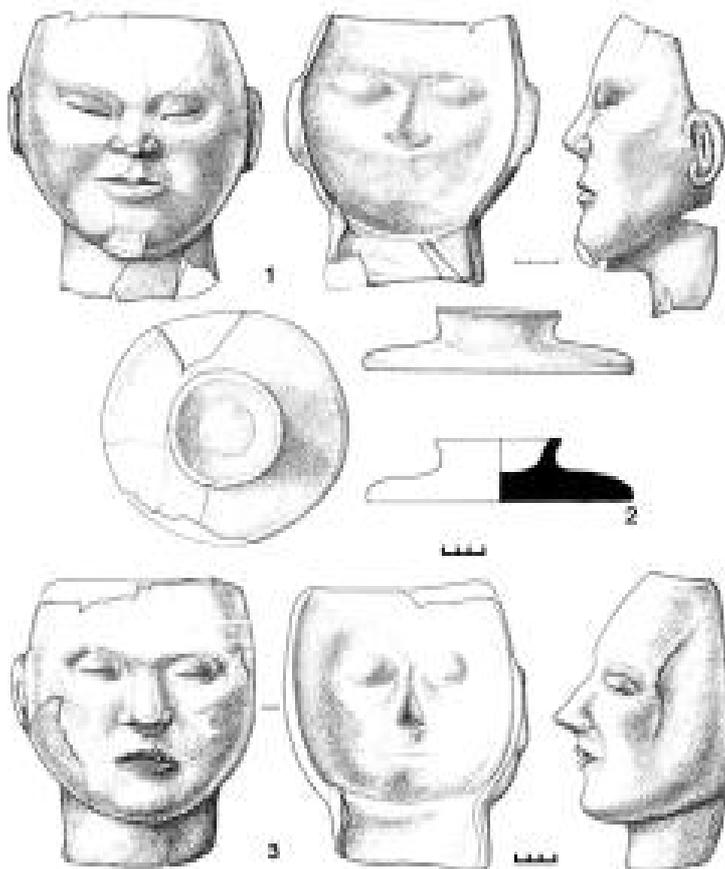
кол целесообразно использовать отпечатки с обратной стороны еще двух целых масок-бюстов из того же склепа.

Первая (№47) лежала на кучке земли, смешанной с сожженными косточками, а на ее тыльной стороне сохранились следы органики типа травы. Значит, нет сомнения в том, что первоначально маска облицовывала кожно-травяную голову, в которую был вложен пепел. Маска, невысокая и широкая (15x18x10,5 с шеей 3x10 см), вылеплена в три слоя толщиной до 1 см из плотного желтоватого теста и окрашена киноварью. С внутренней стороны по всей поверхности отпечатки кожаной фактуры, а на месте левого уха еще следы ткани в виде косых тонких бороздок. На обратной стороне глаз и рта выпуклости, в области носа неглубокая впадина. На месте шеи отпечатки горизонтальных складок (табл. 3.-1). Судя по отпечаткам, кожаная голова куклы имела небольшой нос и впадины на месте глаз и рта, которые до лепки маски были замазаны гипсом, а все лицо закрыто тканью. Внутренние размеры маски 12x16 см, поэтому предполагаемые размеры туеска, обмотанного травой и кожей всего высотой 6 см и диаметром 10 см. В него могло поместиться половина от 480 гр. косточек, находящихся в туеске высотой 12 см при том же диаметре, т.е. 240–250 гр.

К шее маски подходит круглая керамическая подставка (№1078), диаметром 20 см, с отверстием диаметром 9,5 см, имеющим стенки высотой в 2,5 см и ободок в 8 мм (табл. 3.-2) Шейя маски плотно вставляется поверх отверстия подставки. Последняя лежала на расстоянии в 2,5 м от маски и могла ей не принадлежать, но найдена вторая анало-

Таблица 3

Маска 47 (1) и керамическая подставка к ней (2); маска 16

гичная подставка, поэтому нет сомнения, что подобный тип керамических и, возможно, деревянных подставок использовался для масок-бюстов из склепа.

Вторая маска (№16) была крупнее (20x21x14,5 см с шейей 4–7x12,5 см), но одинаковой с первой толщиной. Судя по отпечаткам с обратной стороны, голова куклы была сшита из кусочков кожи, иглой через край. Видны фактура кожи по всей поверхности, надбровная часть, отделенная от глаз горизонтальным швом, отпечатки небольшой заплатки против правой скулы. У головы был крупный нос, от которого осталась глубокая носовая впадина, а также впадины глаз, которые при лепке маски были замазаны гипсом, поэтому на тыльной стороне маски против глаз имеются гипсовые возвышения. Внизу болванка головы собрана в складки, поэтому на шее отпечатки мелких косых складок. Затем складки перевязаны, о чем свидетельствует отпечаток глубокой горизонтальной складки между подбородком и шейей (табл. 3.-3). Маска вылеплена из желтоватого теста в три слоя толщиной (в области лба 3–7 мм, шеи 7 мм) и окрашена киноварью. Уже в древности она была реставрирована и перекрашена. На отдельных местах поверхности видно, что поверх старой красной краски наклеплен новый отделочный слой гипса, покрытый новой красной краской. Наиболее четко реставрацию доказывают два правых уха. Первое было вылеплено по невысохшему гипсу одновременно с оформлением нижнего края маски и передает слабо рельефный контур ушной раковины. Второе ухо наклеплено поверх старой ушной раковины и в противоположную сторону – мочкой вверх. Максимальный размер туеска с пеплом внутри формы может быть высотой 12 см и диаметром 13 см.

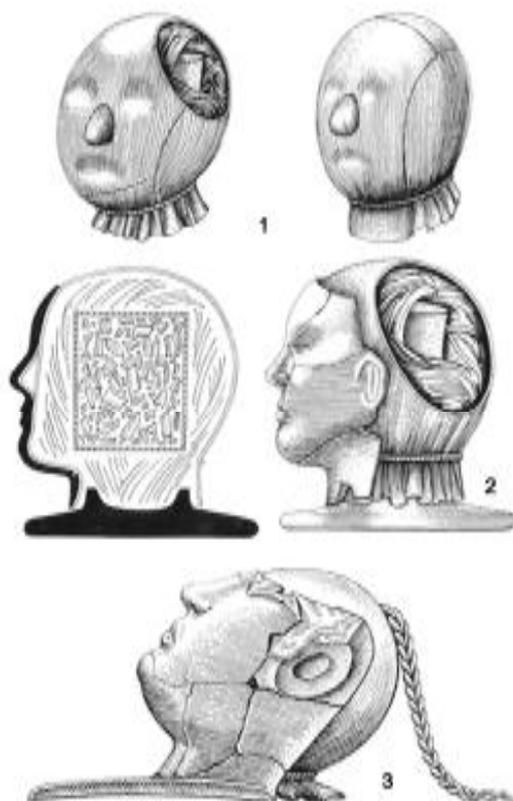
Реконструкция внешнего вида голов кукол под масками. Источниками для реконструкции являются отпечатки кожи, швов и складок с внутренней стороны масок, а также впадины носа и гипсовые нашлепки в области глаз и рта, которыми они замазывались перед тем, как лепить маску. Судя по отпечаткам, кожа использовалась от целого куска, а также была сшита из лоскутков, даже с заплатами. Это мешает выяснить, пришивали ли иногда на лицо брови. В частности, отпечатки горизонтальных складок на уровне бровей то ли от швов, то ли от имитации бровей видны на двух масках (16, 45). На четырех масках против глаз имеются гипсовые нашлепки диаметром до 2 см. Они свидетельствуют о наличии глазных впадин, которые замазывали перед наложением маски. Впадины рта были мельче и только одна глубокая (47). Основные различия касаются имитации носов. Их, как правило, пришивали разного размера. Но один из наиболее крупных носов склепа от маски 57, очевидно был вырезан из дерева. На его тыльной стороне есть четкий отпечаток основы в виде усеченной пирамиды. Такой нос нельзя было сшить из кожи, а только обшить ею. На тыльной стороне маски 45 были отпечатки глаз и бровей, но не заметно носовой впадины. Нос, видимо, был нарисован. В целом обязательное наличие деталей лица на кожаных формах под масками позволяет эти формы называть не болванками, а головами кукол. Внизу кожу формы собирали в складки и перевязывали, о чем свидетельствуют горизонтальные складки между подбородком и шейей. Очевидно, перевязывали веревкой, но, может быть, иногда прутиком ивы. Во всяком случае, фрагменты ивы неоднократно прилеплены к фрагментам масок и, как указывалось, встретились среди обломков туеска. Есть основание полагать, что кожаное лицо куклы окрашивали. Следы красной краски выявлены на обратной стороне маски 25 и хотя и редко, встречаются на обратной стороне масок из других склепов. Наконец, обращают на себя внимание отпечатки переплетений ткани поверх кожаного лица. Они визуальны видны на маске 47 и под микроскопом на маске 45. Согласно микроскопическому анализу они сохранились еще на трех масках (27, 52, 57), что свидетельствует о их неслучайности. Очевидно, голову куклы закрывали тканью и поверх нее лепили маску. Так же поступали, когда лепили маску на лице трупа (Вадецкая Э.Б., 2004, с. 54).

Таким образом, на голове куклы обязательно изображали глаза, рот и нос, а шею перевязывали (таб. 4.-1). Кожаное лицо, видимо, окрашивали, а перед наложением маски закрывали тканью.

Реконструировать голову куклы уже в маске, тем более укрепленной в подставку, сложно. Только сплошные круглые керамические подставки, как в данном склепе, непос-

Таблица 4

Реконструкция внешнего вида голов кукол из склепа Белый Яр-III: без маски (1), с маской (2); реконструкция головы куклы с маской из склепа 6 Уйбат-I

редственно связаны не только с шейей маски, но и кожаным основанием головы куклы (табл. 4.-2). Однако в других склепах значительно преобладают гипсовые постаменты разных форм, но всегда, поддерживающие только одну маску, т.е. без кожаной формы. Для их представления сделана реконструкция по маске-бюсту из склепа №6 Уйбатского чаатаса, раскопанного В.П. Левашевой (табл. 4.-3). В склепах найдено много неопознанных деревянных изделий, возможно закрывающих основание головы, но какие и как пока неясно.

Задняя сторона головы имела прическу. Известны как отдельные косы (табл. 4.-3), заплетенные в две-три пряди (Уйбат, склеп №11), так и аналогичные косы, но сплетенные между собой (Сыры, склеп №1) (Кызласов Л.Р., 1960 с.126 рис. 43.-9). Были накладные косы, настоящие и искусственные. Например, свернутый вдвое луб, обмотанный лубом же, положенным на ложную косу (Уйбат 1 з.к.1) (Вадецкая Э.Б., 1999, с. 256). Овальная коса, плетенная на каркасе, изображена на скульптурной головке воина (Киселев С.В., 1949, с. 248). Наконец, косу мог имитировать просто свернутый кусок прошитой кожи (Ташеба, склеп №1) длиной в 14 см и шириной в 2-4 см (Вадецкая Э.Б., 1999, с. 241).

Объем остатков кремации, собранных от покойников. Как правило, при раскопках в лучшем случае лишь измеряют расплывшиеся и всегда смешанные с землей кучки сожженных косточек, оставшихся от покойника. М.П. Грязнов первым из исследователей обратил внимание на вес пепла в кучках склепа №2 под горой Тепсей. Согласно приблизительному объему были кучки весом 1-2 кг, но 53 весили от 400 гр. и более (Грязнов М.П., 1979, с. 108). Поскольку в склепе оказалось около 60 масок (Вадецкая Э.Б., Гавриленко Л.С., 2002, с. 217), то кучки в 1 кг или чуть более были малочисленны, а кучки весом до 2 кг сомнительны. Дело в том, что для 1 кг косточек требовался туесок высотой

в 14–15 см при диаметре 13–13,5 см, а для 700–800 гр. – туесок высотой 14 см и диаметром 12 см. То и другое больше современной литровой банки. Это предельный объем косточек, который мог поместиться в болванки с самыми крупными тепсейскими масками-бюстами, но в основном они меньше (Вадецкая Э.Б., Гавриленко Л.С., 2002, с. 222, рис.1, 2).

А.И. Поселянин (2002, с. 274–277) взвесил 36 кучек пепла из склепа Белый Яр и 15 кучек из раскопанного им в 2000 г. склепа Быстрая-II. Вес кучек из Белого Яра распределен следующим образом: 50 гр. (1), 100 гр. (4), 120–180 гр. (11), 200–300 гр. (8), 320–360 гр. (3), 400–450 гр. (7), 550 гр. (2), 1–1,5 кг (2). Вес кучек пепла из Быстрой следующий: 50 гр. (1), 200 гр. (4), 500 гр. (3), 600–700 гр. (4), 1–1,2 кг (3). Таким образом, подтверждается значительная разница объема собранного для захоронения пепла и малочисленность случаев, когда помещали в туесок практически весь пепел от человека, а чаще его половину и меньше. Чем это объяснялось, еще предстоит выяснить. Судя по редкости в коллекциях маленьких масок (высотой 12–14 см) соблюдался не только максимальный, но и минимальный объем количества пепла для погребения, но неясно составляло ли это всего 100 или 200 гр косточек. Видимо, не менее 200–250 гр., поскольку этот объем встречается в обоих склепах, где измерялись уже очищенные от земли кучки сожженных косточек. Будем ожидать, что это уточнится при последующих раскопках.

Заключение. Как бы ни называть маски на подставках (бюстами, бюстовыми масками или масками-бюстами), последние являлись лишь приспособлением для вертикального положения головы куклы и могли заменяться устойчивой шеей или плоским основанием маски. Главное, что они олицетворяли собой обликовки тех форм, в которых была урна с пеплом в виде берестяного сосуда. Но, поскольку, чаще всего, кроме кусков маски и косточек ничего не сохраняется, то термин «урна» может быть перенесен на условное название «маска-урна».

Библиографический список

- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999. 437 с.
Вадецкая Э.Б. Новое о таштыкских погребальных масках // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №1 (17). С. 51–64
Вадецкая Э.Б. Сибирские погребальные маски (Предварительные итоги и задачи исследования) // Археологические вести. СПб., 2004. №11. С. 298–323.
Вадецкая Э.Б., Гавриленко Л.С. Технология изготовления масок из таштыкских склепов под горой Тепсей // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. С. 217–224.
Грязнов М.П. Таштыкская культура. // Комплекс археологических комплексов у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. С. 89–146.
Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1949. 362 с. (МИА. №9).
Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в древней истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960. 196 с.
Поселянин А.И. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Быстрая-II на Енисее // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. С. 274–278.

В.И. Молодин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

КРЕСТЫ-ТЕЛЬНИКИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ РАСПЯТОГО ИИСУСА В ИЛИМСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Коллекция нателных крестов, полученная автором при охранных раскопках Илимска и илимского некрополя, представлена довольно крупной серией, состоящей из 215 предметов. В настоящее время практически завершена работа по подготовке ее к монографическому изданию. Разработана типология коллекции, отдельным группам, в частности, старообрядческим крестам посвящены специальные исследования (Молодин В.И., 2001).

Среди рассматриваемой серии особое место занимает группа крестов, с изображением фигуры распятого Иисуса. Этот факт сам по себе представляет значительный инте-

рес, поскольку помещение распятого Спасителя на православном нательном кресте (XVII–XVIII вв.) – явление достаточно редкое, если не сказать исключительное. С момента появления крестов-тельников на Руси (X в.) (Николаева Т.В., Недошивина Н.Г., 1997, с. 173) данная традиция была не характерна для православной пластики. В новое и новейшее время на лицевой стороне православного креста-тельника, как правило, помещен восьмиконечный крест, на котором был распят Иисус. Встречаются разные варианты его трактовки, равно как помещение креста на Голгофе, размещение на нем тернового венка или цаты, демонстрация орудий страстей в виде прислоненных к кресту копья и трости с губкой, а также стандартного набора надписей (Колпакова Ю.В., 2003, с. 57–60). Такая устойчивость иконографических канонов вырабатывалась на протяжении существования православного нательного креста. Она стабильно фиксируется вплоть до конца XX в. Надо сказать, что с момента обретения в России христианством по существу второго дыхания, с увеличением духовной тяги общества к православной вере и традициям, с нею связанным, в том числе и сугубо искусствоведческому подходу к предметам, связанным с православной символикой, наблюдается мощный импульс в изготовлении православной пластики вообще и крестов-тельников в особенности (Федоров Ю.А., 2000, табл. I–XI). При этом наблюдается достаточно произвольная трактовка ряда устойчивых иконографических канонов, что объясняется порой слабым знанием изготовителя православных традиций, отражающихся на иконографии креста-тельника за тысячелетнюю историю. Имеет место некая погоня за вычернностью формы изделия, увеличение количества предметов, выполняемых из драгоценных металлов (серебро, золото). В этих нововведениях изображение фигуры Иисуса, распятого на кресте, уже не является чем-то исключительным.

Вот почему появление в Илимской коллекции, датируемой преимущественно XVIII в., – своеобразной серии предметов с фигурой Иисуса на кресте – заслуживает особого рассмотрения.

Кресты-тельники с изображением распятого Иисуса представлены пятью предметами, что составляет 2,3% всей коллекции. Чрезвычайно важным обстоятельством является то, что почти все крестики (4 из 5) относятся к единому типу 7 разработанной мною классификации, где за основу взята схема, предложенная Э.П. Винокуровой (1999). Ниже мы приводим описание всей рассматриваемой серии.

Крест из погребения №271 (рис. 1.-1) относится к типу 6, подтипу 4, варианту 2.* Размеры его 2,2x1,7x0,2 см.

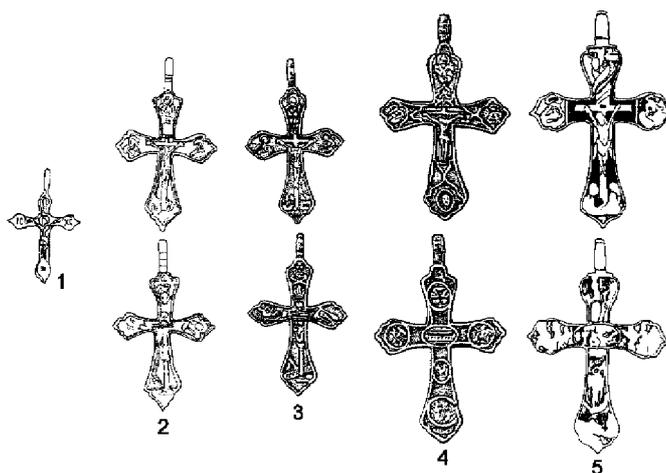

Рис. 1. Кресты-тельники из Илимского острога: 1 – погребение №272; 2 – погребение №255; 3 – погребение №324; 4 – погребение №203; 5 – погребение №109

*Подробно о принципах типологии илимской коллекции см. в сданной в печать монографии В.И. Молодина «Кресты-тельники Илимского острога».

Крест-тельник, серебряный, четырехконечный. Все четыре перекладины его расширяются к концам. Оконечности приострены. В центре креста выпуклым рельефом распятый Иисус. На всех четырех концах креста нанесены надписи, однако читаются они только на горизонтальной перекладине: на левой – IC (Иисус), на правой – XC (Христос). Обратная сторона креста гладкая.

Следующая группа крестов относится к типу 7, подтипу 2.

К варианту 6, подварианту 1 относятся два изделия:

– крест из погребения № 255 (рис. 1.-2) размеры его 4х2,3х0,15 см;

– крест тельник, серебряный, позолоченный, четырехконечный. Все четыре перекладины креста расширяются к концам. Оконечности фигурно оформлены и приострены. Край креста по периметру оконтурен тонким, рельефным, позолоченным валиком. В центре креста выпуклым рельефом показан пятиконечный крест с распятым Иисусом. Распятие позолочено. Нижняя часть креста сильно затерта, изображение здесь не читается. Над распятием позолоченное, рельефно выполненное изображение с нимбом. Персонафикация затруднена (Бог-отец?). Симметричны, на оконечностях горизонтальных лопастей креста изображения с нимбом.

Они выполнены выпуклым рельефом и позолочены. Персонафикация затруднена. На левой лопасти Богоматерь с Младенцем(?). На правой Никола Угодник(?). Обратная сторона креста оконтурена по периметру тонким позолоченным рельефным валиком. В центре его выпуклым позолоченным рельефом показан гроб Господень. Над ним, выполненный тем же способом кувшин и знак наподобие оглавия. Под гробом выпуклым рельефом показана позолоченная колонка с петухом, плеть и лестница. На левой лопасти изображение не читается, на правой – молоток и неопределенный предмет.

Крест из погребения №324 (рис. 1.-3). Размеры его 3,85х2,2х0,15 см.

Крест-тельник, бронзовый, посеребренный, позолоченный, четырехконечный. Все четыре перекладины креста расширяются к концам. Оконечности фигурно оформлены и приострены. Край креста по периметру оконтурен тонким рельефным позолоченным валиком. В центре креста выпуклым рельефом показан пятиконечный крест с распятым Иисусом. Верхняя горизонтальная планка креста испещрена горизонтальными насечками, символизирующими надпись. Крест на Голгофе. Под ним на серебряном фоне позолоченная голова Адама в фас. Над распятием позолоченное, рельефно выполненное изображение, очевидно, Создателя с нимбом. Симметрично на оконечностях горизонтальных лопастей креста изображения с нимбами. На левой лопасти Божья Матерь с Иисусом, на правой – Никола Угодник. Они выполнены выпуклым рельефом и позолочены. Фон креста, на котором нанесены рельефные изображения, посеребрен. Обратная сторона креста оконтурена по периметру тонким позолоченным рельефным валиком. Вся поверхность креста занята изображениями орудий Страстей Господних. В центре креста выпуклым позолоченным рельефом показан гроб Господень. Над ним выполненный тем же способом кувшин и игральные кости. Под гробом, выпуклым рельефом, позолоченные колонна с петухом, плеть, и лестница. На левой лопасти нечитаемые рельефные изображения, на правой – молоток и гвоздь (?). Фон, на котором даны изображения, посеребренный.

К варианту 7, подварианту 1 этого же (седьмого) типа относится изделие из погребения № 203 (рис. 1.-4). Размеры его 4,75х3х0,2 см. Крест-тельник, сплав олова со свинцом, четырехконечный. Все четыре перекладины креста расширяются к концам. Оконечности фигурно оформлены и приострены. Край креста по периметру оконтурен тонким рельефным валиком. Центральная часть креста выделена таким же валиком в особую зону в виде ажурного креста. В центре его распятие Спасителя. Иисус распят на пятиконечном кресте. Верхнюю вертикальную лопасть венчает перекладина с надписью. Над распятием изображение с нимбом, персонафикация затруднена из-за неважного качества отливки. Вероятно это Бог-отец. Оконечности горизонтальной перекладины креста и его нижняя часть выделены рельефным валиком в ромбовидные зоны. В горизонтальных оконечностях изображения с нимбами, персонафикация которых затруднена из-за низкого качества отливки. По-видимому, это Богоматерь с Иисусом и Никола Угодник. В зоне нижней части креста в рельефно выделенной окружности – голова Адама. Обратная сторона креста оконтурена по периметру рельефным валиком. На ней нанесены орудия Страстей Господних. В центре креста, в выделенном рельефным валиком овале – гроб Господень, над ним,

в верхней части креста, под оглавием, таким же способом, выделена круглая зона с изображением пелен и игральных костей. На горизонтальной перекладине креста, в оконечностях, рельефным валиком выделены круглые зоны. В левой изображены молоток и клещи, в правой из-за плохого качества отливки изображение не читается. В нижней части креста, под гробом Господнем выделена рельефным валиком овальная зона с изображением петуха на колонне, а в нижней части креста тем же способом выделена круглая зона, в которой изображение меча и еще каких-то предметов, не читающихся из-за качества отливки.

К варианту 8, подварианту 1 того же седьмого типа относится крест из погребения №109 (рис. 1.-5). Размеры его 5х3,35х0,2 см. Крест-тельник, бронза с разноцветной эмалью, четырехконечный. Все четыре перекладины креста расширяются к концам. Оконечности фигурно оформлены и приострены. Край креста по периметру оконтурен тонким рельефным валиком. В центре креста четырехконечный крест с распятым Иисусом. Фон покрыт темно-синей эмалью. У основания креста две сильно стилизованные фигуры (?), идентификация которых крайне сложна. Самый низ большого креста покрыт зеленой эмалью. В верхней части креста, под оглавием, человеческая фигура с нимбом (Бог-отец?) и птица (?). Фон зеленый. Оконечности горизонтальной перекладины креста отделены от центральной зоны вертикальными линиями. В горизонтальных зонах изображения с нимбами, персонификация которых затруднена. Скорее всего, это Богородица с младенцем и Никола Угодник (?). Фон креста покрыт зеленой эмалью. Обратная сторона креста оконтурена по периметру рельефным валиком. На ней на фоне, покрытом зеленой эмалью, изображения каких-то сцен или предметов, которые из-за качества литья не читаются.

Таким образом, очевидно, что практически вся выделяемая группа изделий, где главной, несомненно, является фигура распятого Спасителя, кроме типа 6, объединена набором характерных иконографических признаков. Во-первых, это сама форма крестов, где мы наблюдаем приостренные, слегка закругленные углы в средокрестии, расширяющиеся к оконечностям, фигурно оформленные лопасти. Если же изделие типа 6 выглядят как нечто исключительное из всей серии, где православная традиция в иконографии все же имеет место в виде помещения обязательных надписей IC и XC на оконечностях горизонтальных перекладин креста, то все предметы типа 7, точнее сказать их иконография, – весьма специфичны. Прежде всего на всех крестах распятие Иисуса совершено не на голгофском православном кресте (восьмиконечном), с выраженной нижней скошенной под углом перекладиной, а на кресте в основе «латинской» формы (Benson G.W., 1976), несколько усложненного верхней горизонтальной перекладиной, на которую наносилась надпись.

Кроме того, на всех изделиях сверху под оглавием помещена фигура Создателя, а на оконечностях горизонтальных лопастей – фигуры Богородицы и Иисуса, а также Николы Угодника, обе отмеченные черты несомненно семантически и иконографически значимы. Истоки этой традиции уходят в западное (латинское) ответвление христианства.

Уместно напомнить, что изображения как распятия, так и самого креста в памятниках христианского искусства появляются достаточно поздно, причина чего, по мнению ряда исследователей, заключается в том особом представлении, которое связывалось с крестом и крестной смертью, как наиболее позорного вида наказания. «Надобно было пройти многому времени, чтобы изображение распятого Христа, независимо от своего религиозного значения, сделалось открытым символом христианства и заняло видное место в церковном сознании первохристиан» (Голубцов А.П., 1995 с. 217). Только с V в. крест четырехконечный (сгх immissa) в греческом или латинском вариантах становится общепотребляемым (Голубцов А.П., 1995, с. 221).

Появление крестов-тельников в Европе связано с распространением христианства, которое охватывает не только Европу, но и Азию и Африку уже в IV–V вв.

Наиболее ранние кресты-тельники, известные в Европе, относятся к VI, VII–VIII вв. Наличие специальных отверстий или дужек для ношения изделий на шее отличает их от крестовидных фибул, нашивных крестов, энколпионов и других христианских оберегов (Кулаков В.И., Валуев А.А., 2001, с. 17–23).

С момента появления крестов-тельников в Европе отчетливо проявляются две линии их развития (Молодин В.И., 2003), где во второй линии центральным персонажем креста становится фигура распятого Спасителя. Наиболее древним из известных мне про-

изведений является крест VI–VII вв. из Севастополиса (Хрушкова Л.Г., 2002 с. 203). Данная линия развития, разумеется с некоторыми новациями и изменениями в иконографии, проходит через столетия, вплоть до нового и новейшего времени. Таким образом, помещение фигуры Спасителя на лицевую часть креста-тельника имеет глубокие, явно западные «латинские» корни.

Мне представляется, что и вторая отмеченная черта – помещение на оконечностях креста фигурных изображений – имеет те же истоки. Свидетельством этого может стать нательный крест VI–VII вв. из Египта. Это изделие интересно, во-первых, тем, что в нем как бы слились две отмеченные линии развития. Форма креста выполнена по образцу первой линии развития – «латинская» модель, с удлинённой нижней лопастью, резкое расширение лопастей от средокрестия и завершение их правильными окружностями, тогда как изображение на всей поверхности распятого Спасителя в длиннополой, складчатой одежде, с переданными чертами лица и развернутыми кистями рук – явно демонстрируют вторую линию развития. В связи с рассматриваемой проблемой важно подчеркнуть, что в оконечностях этого креста, в круглых пальметках помещены лики апостолов (Werner J., 1936, taff. 5.1).

Следующей чертой, объединяющей рассматриваемую серию крестов-тельников является, изображение на оборотной стороне трех (а вероятнее всего, четырех) из пяти крестов орудий Страстей Господних. Данная черта является отличительной для седьмого типа илимской коллекции вообще.

Изображение орудий Страстей Господних на крестах, их иконографические истоки С.В. Гнутова (1994, с. 78), крупнейший специалист по христианской металлопластике, совершенно справедливо связывает с иконографическими истоками западного происхождения XIV–XVI вв. (иконы-индульгенции, немецкие и польские гравюры и т.д.), проникавшие на Русь через Польшу, Украину и Белорусию. Считается, что основным центром изготовления крестов с подобной символикой в России является Москва, откуда они распространяются в другие регионы (Гнутова С.В., 1994, с. 78). Этот вывод С.В. Гнутовой вполне применим к седьмому типу крестов илимской коллекции, однако своеобразное сочетание распятия на лицевой стороне, исполненное на кресте неправославного облика и орудий Страстей Господних на оборотной стороне, позволяет, на мой взгляд, предположить, что данная серия происходит из районов более западных, чем Москва, скорее всего из Польши. Именно с этой территории известны кресты-тельники с фигурой распятого Иисуса на лицевой стороне, относящиеся к XVI–XVII вв. (Szybowicz B., Szybowicz A., Chudzinska B., 1995 s. 95]. Правда, форма илимских крестов более вычурная, чем польских, однако это вполне объясняется тем, что в формах и орнаментации русских крестов XVII–XVIII вв., по мнению С.В. Гнутовой (1994, с. 79), особо ощущается влияние светского искусства барокко, что отразилось в целом на морфологии изделий седьмого типа илимской коллекции.

В контексте рассматриваемой проблемы весьма показателен крест XVII в. из окрестностей Дрездена. Изделие выполнено из серебра и позолочено. По форме это типичный крест, изготовленный по образцу «латинского». На горизонтальных и нижней вертикальной лопастях помещены ключевидные подвески. Вся поверхность креста занята изображениями орудий Страстей Господних. На вертикальной лопасти сверху вниз изображены кувшин на поддоне (кунган), колонна, плюющая голова, туника, три игральные кости, лестница, трость с губкой, пелена, розга; на горизонтальной лопасти (слева направо) – серебряники, кувшин на блюде, бердыш, молоток, гвоздь, терновый венок, клещи, петух (Oexle J., 1995 s. 26–31). Анализируемый крест из Германии – свидетельство того, что изображения орудий Страстей Господних на крестах-тельниках были характерны и для Западной Европы.

В завершение данной работы необходимо отметить, что абсолютную аналогию крестам из погребений №255 и 324 имеет крест из командорского лагеря экспедиции Беринга, надежно датированного XVIII в. (Леньков В.Д., Силантьев Г.Л., Станюкович А.К., 1988, рис. 18). Специально исследовавшая это изделие А.В. Рындина резонно предполагает его связь с лицом западного происхождения, за это, по мнению исследователя, свидетельствуют «необычная для православного мира пятиконечная форма креста. Отсутствие нижней перекладины под ногами Христа – типичная деталь готических «Распятий». На западные источники указывает и сильно провисающее тело Спасителя...» (Рындина А.В., 1988

с. 115). Все это, равно как и орудия Страстей Господних на оборотной стороне креста, позволяет, по мнению А.В. Рындиной (1988, с. 116), полагать, что крест был выполнен в России по западным образцам по заказу владельца, не принадлежащего православному миру, вероятно из Прибалтики, восточных немецких земель или северноевропейских стран.

Находка целой серии таких крестов в Илимском остроге, причем семантически связанных с довольно представительной серией седьмого типа, не позволяет видеть в них некое исключение. Скорее это свидетельство активного внедрения западных семантических традиций, происходящих в связи с влиянием светского искусства барокко, и их трансформация, как подчеркивает С.В. Гнутова (1994, с. 79) на русской почве.

Библиографический список

- Винокурова Э.П. Металлические литые кресты-тельники XVIII в. // Культура средневековой Москвы. М., 1999.
- Гнутова С.В. Орудия Страстей Христовых на русских крестах XVII–XIX веков // Филевские чтения. М., 1994. Вып. V.
- Голубцов А.П. Из чтений по церковной археологии и литургике. СПб., 1995.
- Колпакова Ю.В. Нателные кресты с голгофской тематикой в фондах Псковского музея-заповедника // Археология и история Пскова и псковской земли: Материалы научных семинаров за 2001–2002 гг. Псков, 2003.
- Кулаков В.И., Валуев А.А. Европейские универсальные обереги VII–IX веков // КСИА. 2001. №212.
- Леньков В.Д., Силантьев Г.Л., Станюкович А.К. Командорский лагерь экспедиции Беринга. М., 1988.
- Молодин В.И. Старообрядческие нателные кресты из илимской коллекции // Исторический ежегодник: Спец. вып. Омск, 2001.
- Молодин В.И. Кресты-тельники Европы как объект научного изучения // Scripta Gregoriana: Сборник в честь семидесятилетия академика Г.М. Бонгард-Левина. М., 2003.
- Николаева Т.В., Недошивина Н.Г. Предметы христианского культа // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.
- Рындина А.В. Крест-тельник из раскопок командорского лагеря // Леньков В.Д., Силантьев Г.Л., Станюкович А.К. Командорский лагерь экспедиции Беринга. М., 1988.
- Федоров Ю.А. Образ креста. История и символика православных нагрудных крестов. СПб., 2000.
- Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII вв.) М., 2002.
- Benson G.W. The Cross its History Symbolism. Net York, 1976.
- Oexle J. Archaologisee Zeitreise ins Mittelalter Sachsens // Archeologie in Deutschland. 1995. Heft. 3.
- Szybowicz B., Szybowicz A., Chudzinska B. Maniowy Woiwodschafft Nowy Sa cz, Gemeinde Czorstyn, Fundstelle 5. // Recherches Archeologiques De 1991 et 1992. Archaeologicab Investigations of 1991 and 1992 (Археологические исследования 1991 и 1992). Krakow, 1995.
- Werner J. Zwei byzantinische Pektoralkreuze aus Agipten // Сборник статей по археологии и византиеведению Института им. Н.П. Кондактова. VIII Praga, 1936.

С.П. Грушин

Алтайский государственный университет, Барнаул

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ КОМПЛЕКСЫ НА ГОРЕ ПИХТОВАЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБЪЕКТОВ ДРЕВНЕГО ГОРНОРУДНОГО ДЕЛА*

Особенность Рудного Алтая заключается в наличии богатых месторождений полиметаллических руд. Данный фактор играл большую роль в этнокультурном развитии региона не только в древности и средневековье, но и в период освоения территории Южной

*Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №05-01-01183а) и гранта Президента РФ (МК-1138.2004.6).

Сибири русским населением. Разработка полиметаллических руд в этом регионе началась с глубокой древности. Рассмотрение вопросов становления, формирования и развития горнорудного производства является актуальным научным направлением.

Интерес к древним рудникам возник с приходом русских на Алтай в XVIII в. и изначально стимулировался экономическим освоением горнорудных месторождений. Большая их часть была открыта по так называемым «чудским копиям». Первые сведения об объектах подобного рода встречаются именно в контексте перспективности промышленной разработки месторождений.

В XVIII–XIX вв. целенаправленных археологических исследований памятников горнорудного дела на Рудном Алтае не производилось. Первые крупные археологические работы по исследованию древних выработок на золото, медь и олово провел С.С. Черников в 1936 и 1937 гг. на территории Восточного Казахстана. Вероятно, не случайно, что такое исследование было осуществлено именно в 30-е гг. XX в. Это связано с тем обстоятельством, что в этот период в отечественной археологии внедрялась материалистическая методология, как следствие увеличение интереса к социальным и производственным аспектам изучения древних обществ на основании археологических источников. Результатом данной работы стала серия публикаций, посвященных древнему горнорудному делу (Черников С.С., 1939, 1948, 1960).

В 1955 г. был обнаружен древний рудник Владимировка, разработка которого велась с глубокой древности, начиная с афанасьевской эпохи (Кызласов Л.Р., 1965; Баженов А.И., Малолетко А.М., Бородаев В.Б., 1999, 2000, 2002; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., 2002). В конце 1970-х гг. геологами Б.В. Сорокиным и А.Б. Гладько во время геологических исследований были открыты древние выработки на золото и поселение древних металлургов в окрестностях с. Новофирсово Курьинского района (Алехин Ю.П., 1986, 1996, 1999). С 1982 г. А.П. Алехиным на Рудном Алтае исследуется поселение бронзового века древних металлургов и скотоводов Кольванское-I (Алехин Ю.П., 1986, 1996, 1999; Алехин Ю.П., Демин М.А., Илюшин А.М., 1987; Алехин Ю.П., Гальченко А.В., 1995). Обследованием древних объектов горнорудного дела в последнее время занималась группа барнаульских археологов (Иванова Е.П., 2003; Иванова Е.П., Кунгуров А.Л., 2003; Гончаров А.В., Кунгуров А.Л., 2003). Этим практически исчерпывается история археологического изучения древних памятников Алтая, связанных с горнорудным делом.

Непрерывным этапом исследования обозначенной научной проблемы является решение задач картографирования подобных древних объектов. Для этого необходимо привлечение письменных архивных материалов XVIII–XIX вв., в которых имеются сведения о «чудских копиях», и информация об их местонахождении. К настоящему времени собраны данные о более чем 90 древних объектах производственной деятельности подобного рода. Причем подавляющее большинство из них (более 90%) не идентифицировано на местности. В контексте решения задачи картографирования подобных памятников необходимо отметить ряд трудностей, с которыми приходится сталкиваться в процессе ее реализации. В источниках содержатся очень приблизительные и не всегда точные привязки к географическим объектам. Сложности возникают при обращении к географическим названиям. Так, только в Змеиногорском уезде отмечено 17 рек с названием «Березовка» и 11 – с именем «Таловка» (Мамонтов В.Н., 1908). Географические привязки памятников содержат уже не существующие или измененные названия сел, рек и проч., имеются ошибки на топографических картах и планах XVIII–XIX вв.

Следующим шагом должны стать идентификация и описание выявленных древних памятников горнорудного дела на местности. На этом этапе основной проблемой выступает отделение «чудских копий» от памятников горнорудного производства XVIII–XIX вв., несмотря на значительный поздний возраст последних, такие объекты могут иметь одинаковые визуальные параметры. Отчасти это объясняется некоторыми схожими технологическими приемами добычи, и особенно поиска руд древними и русскими рудоискателями.

Задача осложняется тем обстоятельством, что русские рудники располагались поблизости, а чаще – на месте «чудских копий». Отсюда исследователями был сделан неутешительный вывод о том, что большая часть древних объектов была уничтожена в ходе их хозяйственной эксплуатации русским населением (М.Ф. Розен, А.П. Уманский,

М.А. Демин, Ю.П. Алехин и др.). Однако архивные и ранние опубликованные материалы позволяют усомниться в столь пессимистическом заключении о судьбе «чудских копей». Не отрицая факт разрушения, следует отметить, что значительная часть открытых месторождений в XIX в. и, особенно в XVIII в., так никогда и не разрабатывалась либо добыча руды имела непродолжительный по времени и небольшой по объему характер. В качестве обстоятельств, способствующих прекращению работ на месторождениях, выступали как субъективные, так и объективные причины. Среди них следует отметить:

- невозможность повторной идентификации месторождения по причинам, отмеченным выше;
- из-за бедности содержания породы (из-за «ущербности и неблагонадежности»);
- по недостатку людей (из-за отвлечения людей к другим занятиям);
- работы прекращались из-за наступления зимы и больше не возобновлялись;
- по причине большого потока воды.

Таким образом, вышесказанное свидетельствует о том, что часть «чудских копей» осталась не тронутой хозяйственной эксплуатацией в более позднее время. Нельзя не отметить, что не все древние памятники, связанные с горнорудным делом, были открыты в период освоения алтайских месторождений русским населением. Приведенные выше данные позволяют предположить большой научный потенциал и перспективы археологического исследования объектов подобного рода.

В процессе реализации данной задачи был произведен сбор письменных и архивных материалов, в которых имелась информация о местонахождениях и характере древних и российских разработках XVIII–XIX вв. Результатом проделанной работы явилось определение района наиболее компактного расположения месторождений, открытых русскими рудознатоками по чудским копиям. В качестве объекта исследования была выбрана гора Пихтовая, расположенная южнее с. Лазурка в Змеиногорском районе Алтайского края.

Имеющиеся материалы свидетельствуют, что в поле зрения русских рудознатцев месторождения на горе Пихтовая попали уже в 30-е гг. XVIII в. Одним из первых, в 1728 г., был открыт Маслинский рудник, расположенный между реками Большая Гольцовка и Каменка, в 1,4 км к юго-востоку от с. Лазоревского (вероятно, позже – Лазурка. – С.Г.). На данном руднике разработки велись при А. Демидове, затем в 1787–1790 гг. и 1809–1823 гг. В следующем году были открыты Сатурновский рудник и Страстно-Недельский прииск. В 40-х гг. XVIII в. разведаны Благовещенский (1732 г.) и Мартыновский (1737 г.) прииски. Имеется также информация еще о двух рудниках – Пихтовом и Воробьевском и о двух приисках – Феропонтьевском и Десятовско-Каменском (Мамонтов В.Н., 1908; Митропольский Б.С., Пареного М.К., 1931).

Таким образом, из девяти рудников и приисков на горе Пихтовой, известных на настоящий момент времени, по крайней мере, шесть месторождений (Благовещенский, Десятовский-Каменский, Маслинский, Мартыновский, Сатурновский и Страстно-Недельский) были разведаны русскими рудознатоками по чудским копиям.

Горнорудное освоение отмеченных объектов носило различное по своему объему и характеру масштабы, что, несомненно, сказалось на сохранности древних производственных памятников. Данные факторы необходимо учитывать при оценке перспективности поиска и сохранности древних объектов. Применительно к памятникам на горе Пихтовой можно предполагать, что в меньшей степени пострадали чудские копи на месте Десятовско-Каменского прииска, так как, после открытия его в 1778 г. работы на нем больше не производились, по причине того, что позже он не был найден. Мартыновский прииск по той же причине разрабатывался только при А. Демидове. Большие по объему работы осуществлялись на Сатурновском руднике, где были разбиты две шахты и один забой, глубиной до 47 м, и, вероятно, на Пихтовом, Маслинском и Воробьевском рудниках.

Летом 2005 г. была предпринята попытка обследования горы Пихтовой. В результате работ было выявлено три крупных рудника, один обнаружен на северном склоне и два на южном, которые, несомненно, относятся к XVIII–XIX вв. Соотнося их месторасположение

и масштабы выработок с письменными данными, предварительно объекты можно связать с Маслинским рудником (северная экспозиция горы), Пихтовским и Мартыновским рудниками (южная экспозиция горы). Такая трактовка требует дальнейшей проработки и аргументации. Визуально все объекты этого времени можно разбить на несколько типов:

1. Разведывательные траншеи, шириной около 1 м, глубиной до 1 м, длиной до несколько сотен метров.

2. Траншеи часто прерываются вертикальными шахтами, квадратной формы, размерами около 1,5x1,5 м, глубиной до нескольких десятков метров. Часто стенки шахт укреплены деревянными бревнами, в виде сруба.

3. Штольни, которые имеют горизонтальную или наклонную направленность, высота входа 1,5–2 м, длина, вероятно, до нескольких сот метров.

4. Открытые карьеры, разнообразные по форме и глубине. Морфологические параметры таких объектов определяются мощностью и расположением рудной жилы, а их открытость – залеганием руды на небольшой глубине от поверхности.

5. Производственные площадки, где производилось первичное обогащение руды, которое состояло в механическом отделении мало содержащей и не содержащей руды породы. Вероятно, одна из таких площадок была зафиксирована недалеко от устья Пихтового родника. Она имела площадь около 70 кв. м и была полностью покрыта небольшими кусочками малахита.

6. Последний тип производственных объектов XVIII–XIX вв. на горе Пихтовой представлен многочисленными отвалами пустой породы, которые имеют вид кольца, полукольца, искусственных террас, высотой до 10 м.

Отмеченные выше виды представлены различными сочетаниями, которые образуют уникальные историко-культурные комплексы (ИКК) горнорудной промышленности XVIII–XIX вв. Изучение таких ИКК позволит не только произвести их точную идентификацию, проследить особенности и этапы их формирования, но и использовать их в экскурсионно-туристической сфере.

Еще один вид объектов, который удалось зафиксировать в результате обследования горы Пихтовой, представляет собой неглубокие ямы округлой или слегка овальной формы диаметром 1,5–2 м, глубиной до 1 м, по периметру которых фиксируется сильно оплывший отвал. В отличие от вышеописанных видов объектов, они сильно задернованы. Их расположение не всегда связано с точно идентифицированными комплексами XVIII–XIX вв. Можно предполагать, что именно такие объекты русские рудознатцы называли «чудскими копиями». Окончательное заключение о времени и о характере подобных сооружений должны дать их археологические раскопки.

Библиографический список

- Алехин Ю.П. Древние металлурги и горняки Юго-Западного Алтая // Охрана и использование памятников горного дела и камнерезного искусства Алтайского края. Барнаул, 1986. С. 81–84.
- Алехин Ю.П. Памятники археологии Курьинского района // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 58–88.
- Алехин Ю.П. Рудный Алтай в древности и средневековье // Серебряный венец России: Очерки истории Змеиногорска. Барнаул, 1999. С. 17–65.
- Алехин Ю.П., Гальченко А.В. К вопросу о древнейшем скотоводстве Алтая (по материалам поселения Колыванское–I) // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Челябинск, 1995. Ч. V. Кн. 1. С. 22–26.
- Алехин Ю.П., Демин М.А., Илюшин А.М. Некоторые результаты исследований на Рудном Алтае // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 135–140.
- Баженов А.И. Об археологических находках в Теректинском хребте // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 125–128.
- Баженов А.И., Бородаев В.Б., Малолетко А.М. Древнейшие в Сибири горные выработки на медь // Александр Гумбольдт и российская география. Барнаул, 1999. С. 190–192.
- Баженов А.И., Бородаев В.Б., Малолетко А.М. Датировка древнейших чудских копей // 300 лет горно-геологической службе России: история горнорудного дела, геологическое строение и полезные ископаемые Алтая. Барнаул, 2000. С. 28–33.

Баженов А.И., Бородаев В.Б., Малолетко А.М. Владимирова на Алтае – древнейший медный рудник Сибири. Томск, 2002. 120 с.

Гончаров А.В., Кунгуров А.Л. Археологические исследования в Рудном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX. Ч. I. С. 327–330.

Демин М.А. Чудские копи Алтая по литературным источникам XVIII века // 250 лет горного производства на Алтае. Барнаул, 1977а. С. 27–30.

Демин М.А. Вопросы древнейшего горного дела в трудах исследователей первой половины XIX в. // 250 лет горного производства на Алтае. Барнаул, 1977б. С. 40–41.

Иванова Е.П. Архивные источники по древнему горному делу Рудного Алтая // Источники по истории Западной Сибири. Сургут, 2003. Ч. I. С. 17–20.

Иванова Е.П., Кунгуров А.Л. Исследование памятников древнего горного дела в Рудном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Т. X. Ч. I. С. 261–264.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Коллекция древних орудий горнорудного дела с Алтая // Труды музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. Томск, 2002. Т. 1. С. 21–38.

Кызласов Л.Р. Древнейшие орудия горного дела на Алтае // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 165–168.

Мамонтов В.Н. Список рудных месторождений Алтайского округа (золото, серебро, медь, свинец и цинк). Барнаул, 1908.

Митропольский Б.С., Пареного М.К. Полиметаллические месторождения Алтая и Салаира. Новосибирск, 1931. 462 с.

Розен М.Ф. Некоторые новые данные о древних горных работах на Змеиногорском руднике на Алтае // СА. 1952. Вып. XVI. С. 327–330.

Розен М.Ф. К истории древних работ на Алтае // Тр. научн. конф. по истории черной металлургии Кузбаса, посвященной 140-летию Гурьевского завода (1816–1956). Кемерово, 1957. С. 298–323.

Розен М.Ф. О поисковых и исследовательских работах на Алтае в XVIII в. по материалам архива АН в Ленинграде // 250 лет горного производства на Алтае. Барнаул, 1977. С. 23–26.

Розен М.Ф. Древняя металлургия и горное дело на Алтае // Древние горняки и металлургии Сибири. Барнаул, 1983. С. 19–34.

Черников С.С. Добыча металлов в Верховьях Иртыша // КСИИМК. М.; Л., 1939. Вып. 2. С. 22–23.

Черников С.С. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая // КСИИМК. М.; Л., 1948. Вып. XXIII. С. 96–100.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М. 1960. 172 с. (МИА. №88).

РЕЦЕНЗИИ

Л.Ю. Китова

Кемеровский государственный университет, Кемерово

К ВОПРОСУ О «ЗОЛОТОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ» СИБИРСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

**(По поводу выхода монографии Т.В. Тишкиной
«Деятельность краеведческих организаций Алтая в 1918–1931 гг.».
Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 312 с.)**

В советский период многие страницы истории отечественного краеведения замалчивались, представлялись неполно, извращенно. Особенно искаженно в советской историографии была представлена история краеведения 1920–1930-х гг. Поэтому неслучайно после перестройки исследователи обратили внимание на неизученные вопросы, на закрытые архивные материалы. Результатом этой деятельности стало появление целой серии публикаций краеведческой тематики в разных регионах России. Лидирующими и наиболее важными работами в воссоздании правдивой истории отечественного краеведения 1917–1929 гг. явились монографии С.Б. Филимонова (1989, 1991) и статьи С.О. Шмидта (1990, с. 11–27), который определил период 1919–1929 гг. как «золотое десятилетие» отечественного краеведения. Было выявлено, что в это десятилетие начался бурный рост краеведческих организаций. Исследователи определили наиболее важные причины подъема краеведческого движения в 1920 гг., такие как патриотизм и демократические традиции русской интеллигенции, рост самосознания народа, задачи хозяйственного и культурного строительства, поставленные после Октябрьской революции; а также рассмотрели ряд других актуальных проблем первого десятилетия советского краеведения (Шмидт С.О., 1990, с. 11–12; Филимонов С.Б., 1991, с.7–8). Некоторые аспекты развития сибирского краеведения в 1920–1930 гг. были освещены в наших статьях. Например, национализация культурных ценностей, на наш взгляд, ускорила подъем краеведения. Резко возросла социальная база для его развития (Китова Л.Ю., 1993, с. 68). Тем не менее главную роль в краеведческом движении играла интеллигенция. Лучшие люди России в период революции и гражданской войны были напуганы разрушением отечественной культуры и в 1920 гг. пытались хотя бы как-то противостоять этому процессу, занимаясь краеведением. Интеллигенция первая осознала необходимость сохранения культурно-исторического наследия страны. Многие из тех, кто в силу объективных обстоятельств потерял дело своей жизни, налаженный быт, искали возможность применения своим силам, знаниям и умениям в музейном деле, в сохранении памятников истории и культуры (Китова Л.Ю., 1999, с. 4–5).

В настоящее время назрела необходимость написания полной и правдивой истории сибирских краеведческих организаций и музеев в советский период. Одной из первых в ряду таких работ является монография Т.В. Тишкиной «Деятельность краеведческих организаций Алтая в 1918–1931 гг.» (Барнаул, 2004). До ее публикации уже вышли в свет книги, претендующие на роль обобщающих трудов по истории краеведения Западной Сибири в 1917–1930 гг. (Кабанов К.А., 2000, 2002). Однако эти работы носят компилятивный характер и содержат очень фрагментарную информацию. Монография Татьяны Владимировны принципиально отличается от подобных трудов. Она построена на скрупулезной проработке архивных материалов и уже известных публикаций. Т.В. Тишкиной были изучены по исследуемой проблеме документы тринадцати фондов Центра хранения Архивного фонда Алтайского края и отдела специальной документации управления архивного дела администрации Алтайского края, а также архивные материалы Алтайского государственного краеведческого музея и архивного фонда М.П. Грязнова Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. Часть архивных материалов была введена в научный оборот впервые.

После знакомства с содержанием книги у читателя складывается исчерпывающая картина развития краеведения в 1918–1931 гг. на Алтае.

Важно, что автор монографии во введении дала краткую, но емкую справку об основании в 1891 г. Общества любителей исследования Алтая и его дальнейшей деятельности. Это общество послужило базой для организации Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в 1902 г. (Тишкина Т.В., 2004, с. 3–10). На наш взгляд, Т.В. Тишкина совершенно верно расставила акценты и в первую очередь проанализировала деятельность Алтайского подотдела ЗСОИРГО, так как в Сибири отделы ИРГО объединяли лучшие исследовательские силы и играли ведущую роль в разностороннем изучении края и создании музеев.

Исследовательница наблюдает преемственность между дореволюционными и советскими краеведческими учреждениями, изучая их реорганизацию. Мы разделяем данную позицию автора и считаем, что в некоторых последних работах эта связь необоснованно отрицалась. Т.В. Тишкина не только шаг за шагом восстановила историю деятельности Алтайского отдела Русского географического общества, но и Алтайского центрального советского музея, кооперативной артели инвалидов по сбору и обработке материалов краеведения «Краевед», Комиссии по охране памятников природы, старины и искусства, организованной при АО РГО.

Вызывает интерес третья глава, в которой уделяется особое внимание археологическому изучению Алтая в 1924–1925 гг. Исследования Т.В. Тишкиной показывают, что инициатива в проведении археологических работ принадлежала ученым из Ленинграда под руководством С.И. Руденко. Местные краеведы не играли какой-либо значительной роли в археологическом изучении края. Согласно выводам автора монографии, «пребывание на Алтае в 1924–1925 гг. С.И. Руденко и М.П. Грязнова оказало благотворное влияние на деятельность АО РГО и Барнаульского государственного музея. Впервые организациям была оказана действенная профессиональная поддержка специалистов-археологов, оценены по достоинству древнейшие памятники Алтая, систематизирована и приведена в порядок археологическая коллекция Алтайского государственного музея. Сотрудники АО РГО и музея получили необходимые инструкции и рекомендации по сохранению археологических объектов» (Тишкина Т.В., 2004, с. 108).

Не осталась без внимания и трагическая страница алтайского краеведения, когда были ликвидированы артель «Краевед», Барнаульское отделение Общества изучения Сибири, а многие краеведы репрессированы.

Значимо, что в монографии история алтайского краеведения 1918–1931 гг. персонафицирована. Работа всех краеведческих учреждений показана через деятельность конкретных людей.

Еще одна положительная черта этой книги – наличие приложения, в котором опубликованы наиболее интересные документы изучаемого периода, фотоматериалы и биографии самых известных краеведов Алтая: А.П. Велижанина, В.И. Верещагина, Г.Д. Няшина, П.Н. Тузовского, П.М. Юхнева (Тишкина Т.В., 2004, с. 235–293).

На наш взгляд, основательная работа Т.В. Тишкиной будет широко востребована.

Библиографический список

Кабанов К.А. Краеведческое движение в Западной Сибири 1917–1930-х: взгляд сквозь годы. Белово, 2000. 124 с.

Кабанов К.А. Краеведение и развитие музейного дела в Западной Сибири (со второй половины XIX века до 1930-х гг.). Кемерово, 2002. 156 с.

Китова Л.Ю. Из истории развития краеведения в Сибири в 1920–30 гг. // Современные проблемы исторического краеведения. Кемерово, 1993. С. 68–70.

Китова Л.Ю. Развитие краеведения в Сибири // Краеведение Сибири. История и современность Кемерово, 1999. С. 3–8.

Тишкина Т.В. Деятельность краеведческих организаций Алтая в 1918–1931 гг. Барнаул, 2004. 312 с.

Филимонов С.Б. Краеведение и документальные памятники (1917–1929). М., 1989.

Филимонов С.Б. Краеведческие организации Европейской России и документальные памятники (1917–1929). М., 1991.

Шмидт С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. Краеведческий альманах. М., 1990. Вып. 1. С. 11–27.

А.А. Тишкин, П.К. Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ

Н.Н. КРАДИНА «ИМПЕРИЯ ХУННУ»

(Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Логос, 2001. 312 с.)*

История хуннской державы Центральной Азии уже не одно столетие интересует отечественных и зарубежных исследователей. Между тем концептуальных и обобщающих монографий по данной проблематике немного. К числу наиболее заметных работ безусловно можно отнести и книгу Н.Н. Крадина «Империя Хунну».

Надо отметить, что до появления рецензируемого нами издания одной из наиболее распространенных книг, в которой на основе письменных источников отражен целостный взгляд на генезис хуннского общества, была монография Л.Н. Гумилева «Хунну», опубликованная уже несколько десятилетий назад и затем несколько раз переизданная в 1990-е гг. В этой связи представляется интересным обратить внимание на то, какие изменения произошли в изучении хуннской проблематики на современном этапе развития кочевниковедения.

Прежде всего следует подчеркнуть, что в работе Н.Н. Крадина достаточно подробно рассматриваются два основных аспекта исследования кочевых обществ: теоретический и культурно-исторический. Обратимся к освещению каждого из указанных аспектов в отдельности.

Н.Н. Крадин в своей монографии большое внимание уделяет вопросу выработки терминов, которые позволяли бы адекватно отразить особенности социокультурного развития кочевников. В частности, ученый подробно характеризует понятие «кочевая империя», определяя ее как «суперсложное вождество» (с. 241). Из подхода автора к данной проблеме следует, что кочевой социум (независимо от его сложности), достигший уровня кочевой империи, все равно остается на предгосударственном уровне. Это в равной степени относится к скифам Причерноморья, хунну, тюркам, кочевникам Золотой Орды и др. В то же время некоторые ученые, на наш взгляд, справедливо считают, что из всей совокупности кочевых империй можно выделить суперимперии, которые следует рассматривать как раннегосударственные образования (Васютин С.А., 2002; и др.). Подобный подход позволяет учитывать сложность и дифференцированность политической и социальной организации кочевников. Другая методологическая проблема, поднятая Н.Н. Крадиным, касается выделения особой кочевой цивилизации Евразии. Исследователь вполне справедливо полагает, что более оправданно говорить не об одной, а о нескольких цивилизациях кочевников Евразии (например, цивилизация Внутренней Азии и др.). Подобное утверждение вполне логично. В противном случае мы должны были бы признать существование одной земледельческой цивилизации, в которую входили бы народы Месопотамии, Египта, Средиземноморья и других регионов. Кроме этого, развитие кочевников разных районов Евразии в раннем железном веке и средневековье было далеко не однородным, на что особо и обращает внимание исследователь. В данном случае разрабатывается цивилизационный подход в историческом понимании.

При изучении истории хунну Н.Н. Крадин указывает на влияние экологического фактора на исторический процесс: «...гипотетически можно предполагать, что многие

*Подготовлена в 2002 г.

важнейшие черты хозяйства, социальной организации, быта и, возможно, даже менталитета кочевников монгольских степей были детерминированы специфической экологией...» (с. 161). В этом положении безусловно прослеживается преемственность с наработками Л.Н. Гумилева, которые он также отразил в своем труде, посвященном хунну. Более того, в современной исторической науке подобные идеи уже не выглядят как оппозиционное мнение официальной точки зрения социокультурной динамики (Лисин Л.Ю., 1988; Пахомов Ю.Н., 1994; и др.). В то же время Н.Н. Крадин подробно показывает, что на развитии кочевников Центральной Азии оказывались и другие факторы, в частности, их внутренние социально-экономические изменения и взаимоотношения с соседними земледельческими державами (прежде всего с Китаем).

Теперь обратимся к некоторым частным выводам культурно-исторического характера, к которым пришел Н.Н. Крадин. Как известно, одна из наиболее дискуссионных проблем в истории хунну – это происхождение самого кочевого народа. Л.Н. Гумилев в 60-е гг. XX вв. связывал начальный этап генезиса хунну с «культурой плиточных могил» (Гумилев Л.Н., 1993, с. 38–39). Н.Н. Крадин, опираясь на современные археологические данные, подчеркивает, что между «культурой плиточных могил» и памятниками хунну существует хронологический разрыв. Ученый вслед за другими авторами в качестве прародины хунну рассматривает территорию северного Китая (Ордос, Шаньси и др.), хотя, как признает и сам исследователь, имеющихся данных для подобных выводов явно недостаточно (с. 30–31). В то же время мнение Н.Н. Крадина о том, что хуннская держава в конце III в. до н.э. выходит на историческую арену уже в законченном виде, а значит был более ранний период ее развития, выглядит вполне закономерным. Решением данного вопроса прерогатива остается за археологическим изучением памятников в Азии.

Большое внимание в своей книге Н.Н. Крадин отвел исследованию социальной организации кочевников. В отличие от работы Л.Н. Гумилева и даже от первого издания своей монографии, ученый кроме письменных источников широко использовал результаты археологических раскопок поселений (прежде всего Иволгинского городища) и могильников (Ильмовая падь, Дырестуйский и др.). На основе анализа материалов раскопок Иволгинского городища Н.Н. Крадину удалось реконструировать основные особенности хозяйственной деятельности хунну, численность жителей этого памятника и т.д. Статистическая обработка результатов раскопок хуннских погребений подкрепила ранее сделанный Л.Н. Гумилевым и дополненный Н.Н. Крадиным вывод о том, что социум кочевников был в значительной степени иерархизирован. Полученные результаты исследования Н.Н. Крадина подтвердили данные письменных источников о том, что в основе горизонтальной проекции в структуре хуннского общества лежала половозрастная структура, а вертикальная иерархия базировалась на социальном, имущественном, профессиональном, ранговом, сакральном и ином различии. Исследователь дает подробную характеристику каждой социальной группе, в результате чего выстраивается целостная общественная пирамида хунну. Не останавливаясь на всех аспектах этой проблематики, нужно указать на следующее. Л.Н. Гумилев отводил верховному правителю кочевников – шаньюю – только роль «первого среди равных» (имеется в виду равных среди всего правящего рода), власть которого всецело зависела от его личного авторитета (Гумилев Л.Н., 1993, с. 58). Отсюда следовала и значительная роль личности в истории широко обставленная Л.Н. Гумилевым. Н.Н. Крадин же, в отличие от своего предшественника, указывает на то, что для хунну были важны не только личные качества правителя (хотя это безусловно важное обстоятельство), но и его принадлежность к правящему аристократическому роду. Поэтому не случайно ученый метафорично замечает, что «...королевская кровь – надежный гарант для политической карьеры, независимо от начальной ступеньки, политических интриг и возраста кандидата» (с. 181).

Завершая краткий обзор монографии Н.Н. Крадина, следует отметить, что за пределами рассмотрения ученого осталась проблема религиозного развития хунну. Исследователь лишь указывает на сосредоточение верховной религиозной (по Н.Н. Крадину – жреческой) власти в руках шаньюя. В этой связи представляется перспективным изучение религиозно-мифологической системы и менталитета кочевников, что дает дополнительные данные для анализа социо- и политогенеза кочевников. В качестве примера реализации

этого направления можно указать на работу, хотя и дискуссионную, Р.Г. Шарипова «Менталитет древних тюрков». В своей монографии исследователь как раз стремился указать на взаимосвязь социокультурной динамики общества с его духовным развитием. Однако, несмотря на некоторые спорные вопросы, работа Н.Н. Крадина является чрезвычайно важным исследованием, посвященным не только хуннуской проблематике, но и кочевниковедению в целом.

Монография является одной из лучших работ по хуннуской тематике, построенной на письменных источниках. Хотя следует указать на существенные перспективы продолжения исследований многих аспектов затронутых в рецензируемом издании.

Библиографический список

Лисина Л.Ю. Экологический компонент исторического процесса: Автореф. дис. ... к.ф.н. Саратов, 1988. 24 с.

Гумилев Л.Н. Хунну. СПб., 1993. 224 с.

Шарипов Р.Г. Менталитет древних тюрков. Уфа, 2001. 117 с.

Пахомов Ю.Н. Цивилизация и природа: социально-экологические аспекты взаимодействия // Историческое познание: традиции и новации. Ижевск, 1996. Ч. II. С. 95–102.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АлтГУ (ранее АГУ) – Алтайский государственный университет, г. Барнаул.

АН СССР – Академия наук Советского Союза.

АО – Археологические открытия.

АО РГО – Алтайский отдел Русского географического общества.

АИА РАН – Архив Института археологии РАН, г. Москва.

БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет.

БСЭ – Большая советская энциклопедия.

ВАУ – Вопросы археологии Урала.

ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук, г. Москва.

ИАЭт СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск.

ИИС – Из истории Сибири.

ИРГО – Императорское русское географическое общество.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.

МАЭС – Музей археологии и этнографии Сибири, г. Томск.

МИА – Материалы по археологии СССР.

МНСК – Международная научная студенческая конференция.

НАН – Национальная академия наук (Украина).

НИИ ГИ – Научно-исследовательский институт гуманитарных исследований, г. Барнаул.

РА – Российская археология

РАН – Российская академия наук.

РАЭСК – Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция.

РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд.

РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований.

СА – Советская археология.

САИ – Свод археологических источников

САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства.

ТГПИ – Томский государственный педагогический институт.

ТГУ – Томский государственный университет.

УЗ ТНИИЯЛИ – Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, г. Кызыл.

ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ.

Порядок оформления статей и других публикаций для очередных выпусков

Тематика предполагаемых разделов:

Теоретические и методические аспекты в археологии.
Использование естественно-научных методов в археологических исследованиях.
Новые археологические открытия в России и за рубежом.
Результаты изучения материалов археологических исследований.
Социальные реконструкции в археологии.
Рецензии, заметки, хроника и сообщения, библиографический обзор, персоналии.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ

А.А. Тишкин, С.В. Хаврин

*Алтайский государственный университет, Барнаул;
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА ИЗДЕЛИЙ ИЗ ПАМЯТНИКА ЯЛОМАН-II (Горный Алтай)*

Статья предоставляется на русском языке общим объемом до 12 страниц (кегель 14, интервал полуторный, шрифт Times New Roman, поля: верхнее 2 см, нижнее 2,5 см, левое 2,5 см, правое 2 см; сноски внутри статьи (Иванов С.В., 2001, с. 8, рис. 5.-6-8). Отдельно прилагаются библиографический список, выстроенный по алфавиту, и подписи к рисункам, так как возможна публикация нескольких качественно выполненных иллюстраций.

*Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект №03-06-80384).

Образцы оформления библиографического списка:

Для монографий: Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. 176 с.: ил. (Археологические памятники сунну. Вып. 2).

Для статей: Боковенко Н.А., Засецкая И.П. Происхождение котлов «гуннского типа» Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей // Петербургский археологический вестник. СПб.: «Фарн». №3. С. 73–88.

Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения могильника «Олень-колодезь» // Российская археология. 2000. №1. С. 167–182.

Статьи для второго выпуска **необходимо присылать до 1 июня 2006 г.** по электронной почте (tishkin@hist.asu.ru с пометкой «Теория и практика археологических исследований»), а также в конверте в распечатанном виде и на дискете по адресу: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, Алтайский государственный университет, каб. 211 (кафедра археологии, этнографии и источниковедения), Тишкину Алексею Алексеевичу.

Вопросы принимаются по телефону (3852) 66-81-58
Пожалуйста, соблюдайте правила оформления статей!

Научное издание

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

ВЫПУСК 1

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Редактор: Н.Я. Тырышкина
Технический редактор: А.А. Тишкин
Подготовка оригинал-макета: Д.В. Тырышкин

Изд. лиц. ЛР 020261 от 14.01.1997 г.
Подписано в печать 15.10.2005 г. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Формат 70х100/16. Уч. изд. л. 16,4.
Тираж 400 экз. Заказ
Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66.
Отпечатано в типографии «Азбука»:
656099, Барнаул, пр-т Красноармейский, 98а
тел. 62-91-03 62-77-25
E-mail: azbuka@dsmail.ru

